

№ 167

ВЕЧЕРНІЯ БЕСѢДЫ

СЪ

КРЕСТЬЯНАМИ.

И. И. Бѣлюстина.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Вмѣсто предисловія. Семья. Бракъ. Глава семьи;
мужъ. Хозяйка; мать, Ученіе дѣтей.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», В. Подъяч., № 39.

1886.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Вмѣсто предисловія.	1
Семья. (Установленіе семьи; цѣль установленія; паденіе семьи; возстановленіе; семья-святыня; общій трудъ; вліяніе семьи на развитіе дѣтей; въ какомъ положеніи у насъ семья и что изъ этого).	9
Бракъ. (Установленіе брака; значеніе брачной жизни для мужчины и женщины; условія счастья и несчастья этой жизни; послѣдованія вѣнчанія; что и какъ у насъ при этомъ)	43
Глава семьи. Мужъ. (Власть родителей; значеніе главы семьи; его право—быть главой; злоупотребленія этимъ правомъ; тиранства женъ; законъ противъ нихъ; обязанности главы семьи; что и какъ у насъ).	83
Хозяйка. Мать. (Домашнее хозяйство—дѣло женщины; хозяйка дѣльная и дурная; довѣріе и свобода дѣйствій—условія разумнаго хозяйства. Мать; что необходимо при беременности; что и какъ у насъ при этомъ и какія оттого послѣдствія; роды и послѣдующее за тѣмъ; что и какъ у насъ при этомъ; причины смертности младенцевъ; на кого падаетъ главная отвѣтственность за то; что необходимо женщинѣ при	

родахъ и послѣ нихъ; что необходимо для младенцевъ, и пр. и пр.) 123

Ученіе дѣтей. (Сущность всего дѣла; первая учительница мать; необходимость учить дѣвочекъ; грамотность — какъ средство, а не какъ цѣль; существующіе учителя въ крестьянствѣ и вредъ отъ нѣкоторыхъ; главная задача ученя значеніе науки вообще для жизни и вѣдучности для дѣлъ хозяйственныхъ; необходимость настоящихъ учителей и что требуется для этого; необходимость повсюдныхъ училищъ; отговорки; значеніе ихъ и т. д.) 159

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ доброе время живемъ мы, друзья. Въ послѣдніе годы, сколько заботъ о томъ чтобы всеѣмъ жилось отраднo, спокойно и довольно, сколько трудовъ, сколько нужныхъ перемѣнъ для этого! Двадцать миллионовъ крестьянскихъ душъ сдѣланы свободными: великое дѣло которому и цѣны нѣтъ. Всему крестьянству дано право — судить и разбирать самимъ свои дѣла, управляться своими избранными, самимъ, безъ всякой чужой помѣхи, придумывать и дѣлать все что можетъ послужить къ лучшему въ ихъ быту: другое, великое дѣло, которое также трудно оцѣнить, оттого что добра изъ него должна выйти цѣлая бездна. Перечислять все что сдѣлано и дѣлается въ послѣднее время на пользу крестьянскаго быта — не станемъ; скажемъ только что дѣлается все — что въ силахъ придумать люди мудрые, исполнители воли самимъ Богомъ благословеннаго Царя нашего. Да, въ доброе время живемъ мы, друзья.

А если доброе время настало, то нужно же имъ и пользоваться. При дѣдахъ и прадѣдахъ нашихъ не было многого изъ того что дѣлается теперь; — кто же знаетъ, будетъ ли тоже при внукахъ и правнукахъ нашихъ? Но жаловаться намъ на своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ что они, въ своемъ быту, не сдѣлали надлежащихъ перемѣнъ къ лучшему, нельзя, — не въ ихъ волѣ было дѣлать это. А вотъ, если теперь, когда намъ предоставлено право устроить все лучшее въ своемъ быту, все, самое полезное въ своей жизни; когда насъ даже заставляютъ принуждаютъ дѣлать это; если теперь мы сами ничего не делаемъ для себя, своимъ смысломъ, своими силами — прочной основы къ тому чтобы все въ насъ — къ лучшему, и хозяйства наши про-

дѣла направились такъ чтобы всёмъ было жить легко и привольно, то какъ думаете, друзья, внуки и правнуки наши радоваться будутъ этому, или плакаться на это? Благословять насъ за то или проклянуть?

Да и чтожь еще говорить о внукахъ и правнукахъ? Самимъ намъ придется вкусить отъ того что посѣемъ теперь. Настоящее время, такое благодатное для посѣва всякаго добра среди насъ, тоже-самое что хорошая погода для обыкновеннаго посѣва. За лѣтнюю, за праздность, или за чѣмъ другимъ, пропустилъ хозяинъ добрую погоду и кинѣлъ зерно въ землю, напр., пересохшую отъ зноя: — какимъ урожаемъ порадуется онъ? дѣло извѣстное. А не потрудился нерадивый хозяинъ совсѣмъ обсѣменить свою полосу, — что принесетъ она ему? сорную траву, — такую кабая и для скота не годится. Такъ и мы теперь: приложимъ всё свои заботы, самый усиленный трудъ къ тому что дѣлаетъ для насъ правительство, — и благо намъ будетъ; и сами же порадуетъ на все то добро которое выростетъ отсюда, и дѣтей надѣлимъ истиннымъ и прочнымъ добромъ. Не примемъ никакого участія въ заботахъ объ насъ правительства; будемъ, сложа руки, смотрѣть на все что предпринимается и вводится имъ ради облегченій и улучшеній всего нашего быта, — что будетъ изъ того? Тѣ старые порядки отъ которыхъ такъ тяжело иногда приходилось жить намъ, отъ которыхъ, случалось не рѣдко, терпѣли мы и раззоренія и всякія бѣды, и останутся по старому, и укоренятся еще глубже; отчего, понятно, будетъ намъ еще тяжелѣе. И будемъ сѣтовать и плакаться; на кого? кто виноватъ въ этомъ будетъ? — правительство, люди, или мы сами? А на кого плакаться нерадивому, что во-время необсѣменная имъ полоса уродила лишь сорную траву, и для скота не годную?

— «Никто себѣ не врагъ, говорите вы. И мы всей бы душой рады дѣлать все чего хочетъ отъ насъ правительство; да

что же мы понимаемъ? что умѣемъ дѣлать разумно и дѣльно?— По неволѣ только смотришь, какъ дѣлають за тебя люди; хотъ и видишь, что дѣлають подъ часъ такъ что добра изъ этого не будетъ».

Но это одна отговорка, въ которой нѣтъ правды, нѣтъ и смысла. Прежде всего, правительство хорошо понимаетъ что мы можемъ сдѣлать,— того только и требуетъ. Не дѣлаемъ же мы не отъ непониманія и недостатка смыслу, а отъ другихъ причинъ, очень непохвальныхъ. Вотъ, для примѣра, образчикъ. По новымъ правиламъ намъ нужно выбрать старшину. Какой ребенокъ, — а объ взрослому говорить нечего, не понимаетъ что старшина будетъ главный человекъ на міру и выбрать, значить, нужно самого лучшаго, самого честнаго и разумнаго? А какіе, мѣстами, повыбраны? И сказать совѣстно. Ради чего же такъ? То ради свойства, то ради кумовства, а то ради одуряющаго питья. И вотъ мы плачемся что повыбранные только худыхъ людей приерывають, а добрыхъ и зажиточныхъ во всемъ притѣсняють. Кто же виновать-то въ этомъ? Правительство утвердило выбранныхъ нами, убѣжденное что мы выбрали самыхъ лучшихъ. Ну а выбрали мы не по совѣсти, за то и казнимся; кто же тутъ виновать, —разбирайте сами.

Такъ и во всемъ. Иное дѣло, еслибъ Богъ обидѣлъ насъ смысломъ, да не вложилъ въ насъ совѣсти, такъ отговорки наши еще были бы похожи на что нибудь. А то, что черно мы видимъ, что дурно — понимаемъ; что сдѣлаемъ незаконное, сами чувствуемъ что совѣсть наша неспокойна. Если же за всѣмъ тѣмъ дѣлаемъ совсѣмъ противное тому что ради нашего добра дѣлаеть правительство, то никакія отговорки, хотя бы ихъ придумали цѣлыя сотни, не оправдаютъ нашего нерадѣнія и упрямства, изъ за которыхъ самимъ же намъ, первымъ, придется горько потерпѣть.

Нѣтъ, друзья, не такъ. Если уже правительство принялось

крѣпко думать и заботиться объ насъ, такъ сами мы вдвое, вдесятеро должны крѣпче думать и заботиться объ себѣ. Если оно начало, по возможности, выводить отъ насъ все что вредило намъ, стѣсняло нашу жизнь, мѣшало нашей дѣятельности, такъ ужъ сами мы не должны пожалѣть заботъ и трудовъ, чтобы направить всю свою жизнь лучше чѣмъ какъ шла она до сихъ поръ.

— Съ чего же начать? Ни съ чего другаго, какъ съ самихъ себя.

Что много въ нашей жизни худаго; что многое среди насъ идетъ совсѣмъ не такъ какъ бы слѣдовало идти, а оттого и разныя бѣды и напасти пристигаютъ насъ, — это мы видимъ. А добрались ли мы, какъ слѣдуетъ, хоть разъ до главнаго источника, откуда идетъ это все худое? Вотъ этого, на нашу бѣду, и иѣтъ.

А добраться не мудрено. Вотъ община, — городская или деревенская, великая или малая — все равно, — изъ чего состоитъ она? Изъ семей: Значить, если наши общинныя, или мирскія, дѣла идутъ дурно, такъ гдѣ искать главную причину этого? Ясно, — въ семьяхъ. Вотъ семья; кто тутъ главные? Отецъ и мать. Значить, если въ этой семьѣ нѣтъ толку, порядку; а отъ этого семья бѣдствуетъ сама, да и общину надѣляетъ вредными людьми, — то на комъ тутъ главная вина? Еще яснѣе, — на отцѣ и матери.

Такъ оно и есть, друзья. Самая главная причина всего что есть, что дѣлается среди насъ худаго, въ томъ что семейныя то дѣла не такъ идутъ у насъ, какъ имъ слѣдуетъ идти, какъ имъ Богъ указалъ быть. Семья — великое дѣло: въ ней вырабатывается и изъ нее потокомъ льется и добро и зло; — она, худая семья, язва самая гибельная; добрая семья — спасеніе, надежная опора для той общины гдѣ существуетъ таковая. Значить, что же прежде всего теперь сдѣлать намъ

нужно? Семью очистить отъ всего злаго и вреднаго, что вошло и вѣлось въ нее, и поставить ее на ту точку съ какой изъ нее можетъ пойти добро, — одно только добро. А чтобы поставить семью на эту точку, нужно чтобы отцы и матери ясно понимали свое дѣло, и строго—по совѣсти выполняли его; потому что ихъ дѣло—не простое человѣческое дѣло, а самимъ Богомъ указанное и назначенное.

Скрывать правду, друзья, нечего. Если что хуже всего понимается у насъ, такъ именно дѣло отцовъ и матерей, — ихъ значеніе и ихъ обязанности. А отсюда и идутъ всѣ эти семейные безпорядки: — то не извинительная дурость отца, отъ которой житья никому нѣтъ въ семьѣ; то сварливость матери, которая первая сѣетъ раздоръ въ семьѣ; то грубость и непочтеніе дѣтей, отъ которыхъ тяжело приходится родителямъ и пр. и пр. «Чтоже дѣлать? говорите вы; еслибъ насъ учили какъ жить по божескому закону, такъ мы понимали бы; а безъ ученія откуда же узнаемъ что доброе?» Что у насъ ученье всему доброму шло и идетъ плохо, такъ мы, друзья, отвѣчать за это не станемъ. А знаете ли за что мы дадимъ отвѣтъ, тяжкій отвѣтъ Богу? За то что у каждаго изъ насъ есть свой учитель, — совѣсть, и этого учителя мы не слушаемъ и не хотимъ слушать. Вотъ кто будетъ нашимъ обличителемъ на судѣ божіемъ, противъ котораго не найдется у насъ ни одного слова въ наше оправданіе или извиненіе.

А чтобы и этой отговорки: «насъ-де не учили», совѣсть не было, то мы и начнемъ свои вечернія бесѣды съ этого важнаго предмета, т. е. съ семьи. Зима долга, и вечеровъ впереди много. Но много и того о чемъ бесѣдовать намъ нужно. Вѣдь за какую сторону въ нашей жизни ни возмись, въ каждой найдется что либо, требующее или исправленія, или перемѣны съ самаго основанія.

Но кто же намъ укажетъ, что именно такъ должна идти

наша жизнь, а не иначе? Кто намъ дастъ въ этомъ случаѣ совѣты, сколько полезные и мудрые, столько жъ и безошибочные? Священное писаніе.

Имѣете ли вы, друзья, ясное понятіе о томъ что называется *Священнымъ писаніемъ*? Это книги написанныя людьми угодными Богу и по внушенію (по вдохновенію) отъ самаго Бога. Значитъ, каждое слово въ этихъ книгахъ — несомнѣнная, никакими силами неопровержимая правда. Прибѣгать за совѣтомъ, за поученіемъ и вразумленіемъ къ этимъ книгамъ, все равно что прибѣгать къ самому Богу. Книги эти писались въ разныя времена, — однѣ до рождества Христа Спасителя нашего и называются книгами *ветхаго завѣта*; другія послѣ него, и называются книгами *новаго завѣта*. Изъ ветхаго завѣта намъ придется, чаще другихъ, указывать на книги написанныя Моисеемъ, Давидомъ и Соломономъ. Моисей, пророкъ и вождь (т. е. *вывелъ* Евреевъ изъ Египта и *велъ* въ землю обѣтованную), написалъ пять книгъ, изъ которыхъ «Бытіе» — первая книга всего священнаго писанія и для насъ теперь самая важная, потому что въ ней описано, какъ Богъ сотворилъ міръ и какъ жили люди по началу. Давидъ и Соломонъ — цари еврейскіе. Книга перваго, «Псалтирь», всѣмъ извѣстна. Книги втораго называются: «Притчи, Премудрость и Екклесіастъ» (по русски проповѣдникъ); въ этихъ книгахъ преимущественно описывается: какъ живутъ люди и какъ жить надобно чтобы жизнь каждаго была угодна Богу, полезна для другихъ и ему самому на радость и на счастье. Книги новаго завѣта: Евангеліе, Дѣянія и посланія апостольскія и Откровеніе (апокалипсисъ) Іоанна богослова.

Въ этихъ-то книгахъ мы и найдемъ самую прочную основу для своихъ бесѣдъ; что и будемъ означать однимъ общимъ выраженіемъ: «священное писаніе говоритъ», или «въ священномъ писаніи говорится».

1. СЕМЬЯ.

Богъ сотворилъ человѣка не для одиночной жизни. Создавъ перваго человѣка по своему образу и подобию, т. е. надѣливъ его всѣми совершенствами, самъ Господь Богъ нашель, что «не хорошо быть человѣку одному, а нужно сдѣлать помощь приличную ему». Для этого «навелъ Господь Богъ на человѣка грѣшкѣй сонъ; и когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ ребръ его и закрылъ то мѣсто плотію. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену, и привелъ ее къ человѣку. Тогда человѣкъ сказалъ: вотъ это кость изъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою ¹⁾, потому что взята изъ мужа. Поэтому, оставитъ человѣкъ отца своего и свою мать, прилѣпится къ женѣ своей и будетъ одна плоть» (Быт. II, 18, 21—24). Вотъ начало семьи на землѣ, какъ говорится объ этомъ въ Священномъ Писаніи. Какое же это начало — божеское или человѣческое? Совершенно ясно, что не человѣкъ, а самъ Господь Богъ установилъ семью. Слѣдовательно семья, по самому началу, не что-либо обыкновенное, а, ни больше ни меньше, святыня; потому что всякое установленіе божеское свято.

Съ какою цѣлью Богъ установилъ семью? — Прежде всего человѣку, хотя бы онъ обладалъ всѣми возможными совершен-

¹⁾ Въ русскомъ языкѣ это не выражается ясно; по-еврейски, на какомъ языкѣ писаны книги Моисеевы: мужъ — *иш*, жена — *иша*; по-русски можно-бы такъ: „мужъ—мужина“, т. е. отъ мужа происшедшая, взятая.

ствами, «образомъ и подобіемъ божіимъ», какъ это было съ первымъ человѣкомъ, нужна «помощь» — не отъ посторонняго и чуждаго лица, а отъ лица такъ тѣсно и нерасторжимо соединеннаго съ нимъ, что оно составляло бы одну плоть, т. е. жило единой и нераздѣльной жизнью съ нимъ, какимъ лицомъ и можетъ быть только жена. Затѣмъ семья служить къ размноженію рода человѣческаго: «и сотворилъ Богъ человѣка по образу своему, — мужчину и женщину сотворилъ ихъ. И Богъ благословилъ ихъ и сказалъ имъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею».

Такъ было по началу, т. е. дѣло семьи было, среди наслажденій въ саду едемскомъ, лишь воздѣлывать и хранить его и производить новыя поколѣнія, которыя, размножаясь и наполняя землю, вездѣ бы находили тотъ же садъ едемскій, потому что все сотворенное тогда было *весьма хорошо*, и доставляло бы людямъ лишь радость и наслажденіе съ нетяжелымъ трудомъ съ ихъ стороны. Но грѣхъ испортилъ все дѣло. Первая семья, не исполнивъ заповѣди божіей, погибла сама и гибельный зародышъ внесла во весь родъ человѣческій. Разорвавъ свой союзъ съ Богомъ, она испортила всю свою жизнь и все въ себѣ — тѣлесную и духовную природу; и всею существомъ своимъ отдалась влеченію къ злу и грѣху. Эта испорченность и потекла отъ нея во все человѣчество — до послѣдняго человѣка на землѣ. Каждый потомокъ Адама уже съ рожденіемъ своимъ несетъ въ жизнь родовое влеченіе къ злу и грѣху. И вотъ судъ и приговоръ произнесенные Господомъ Богомъ надъ первой грѣшной семьей: «женѣ сказалъ Богъ: скорбь на скорбь наведу я тебѣ въ беременности твоей; съ болѣзнію будешь рождать дѣтей; и къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобой. И человѣку сказалъ: за то что ты послушалъ словъ жены твоей... — проклята земля за тебя; съ скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей. Тернь

и волчець произраститъ она тебѣ; и ты будешь питаться полевой травой. Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, поелику ты изъ нея взять» (Быт. Ш, 16—19).

Измѣнилось-ли этимъ приговоромъ значеніе семьи? Нѣтъ, какъ установленіе божественное, святыня, — она такой и осталась на вѣки вѣчныя. Осталась та-же цѣль семьи: общій, соединенный трудъ съ одной стороны, распространеніе рода человѣческаго съ другой. Но страшно измѣнилось положеніе членовъ семьи. На долю мужчины достался трудъ тяжкій, не всегда благодарный, трудъ до самой смерти; на долю женщины — болѣзни чадорожденія и подчиненіе мужу.

И пошло бѣдствовать человѣчество. И всяческія бѣды и напасти разливались среди его тѣмъ шире, чѣмъ больше терялось значенія семьи и чѣмъ больше подавлялась въ ней женщина. Да, страшно подумать, до чего грѣхъ силенъ ослѣплялъ людей, отнимать у нихъ самый простой человѣческій смыслъ и доводить ихъ до состоянія животныхъ. Раствлѣнные грѣхомъ, забыли люди, что женщина собственно «помощь» мужчинѣ, — одна для каждаго; что если за преступленіе первой жены, женщина подчинена господству мужчины, то никакъ не до совершеннаго подавленія ея, потому что этимъ прямо нарушается законъ и цѣль творенія; и что женщина совершенно равна мужчине, какъ самъ Господь Богъ благословилъ ихъ (ихъ обоихъ, мужчину и женщину, въ равной мѣрѣ) и сказалъ имъ (имъ обоимъ) плодитесь и размножайтесь“ и пр. Женщина была совершенно подавлена и лишена того высокаго значенія своего, о которомъ въ священномъ писаніи сказано: «по образу божію сотворилъ ихъ, мужчину и женщину, Господь». Дошло до того что въ ней не признавали даже человѣка, а смотрѣли на нее какъ на животное своего рода, годное лишь для потѣхи мужчины и для несенія, вмѣсто его, всѣхъ житейскихъ работъ и

тягостей. Отсюда что должно было слѣдовать? Неизбѣжно то что и мужчина терялъ свое человѣческое значеніе и, предаваясь всяческимъ непотребствамъ, доходилъ до состоянія животнаго, звѣря, и даже до худшаго еще состоянія, — до того какое описано ап. Павломъ въ первой главѣ посланія къ Римлянамъ. Иначе и не могло быть; лишь святыня семьи, охраняемая свято и съ строгимъ соблюденіемъ правъ и обязанностей мужа и жены, можетъ держать человѣка на пути честной и нравственной жизни; а какъ скоро святыня семьи разъ поругана, то ужъ нѣтъ ни мѣры ни предѣла тому растлѣнію, до какого можетъ дойти и обыкновенно доходить человѣкъ.

Возстановить такъ глубоко упавшее человѣчество явился на землѣ самъ Сынъ божій. Съ чего-жъ онъ началъ великое дѣло возстановленія? Съ возстановленія женщины и съ освященія семьи. Творецъ неба и земли, онъ восхотѣлъ родиться отъ жены; и этимъ, въ лицѣ своей пречистой матери, возвратилъ женщинѣ всѣ тѣ права, которыя первая щенщина утратила грѣхомъ. И восхотѣлъ родиться не просто отъ жены, но подъ семейнымъ кровомъ Іосифа; и этимъ на уничиженную людьми семью низвелъ то благословеніе и освященіе, какое она имѣла въ самомъ началѣ. Кромѣ того, прямо и положительно засвидѣтельствовалъ что мужъ и жена должны стать въ тѣ отношенія въ какія они были поставлены Богомъ въ началѣ; потому что лишь подъ этимъ условіемъ и можетъ быть прочно существованіе семьи, и можетъ она достигать цѣли съ какою установлена. „Приступили къ нему однажды фарисеи и, искушая его, говорили ему: по всякой-ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: не читали-ль вы, что сотворившій въ началѣ мужа и жену сотворилъ? И сказалъ: «по сему оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотію. Итакъ, что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ“ (Мѡ. XIX, 3—6).

Отсюда и требованіе его отъ каждаго той нравственной чистоты, при которой только и можетъ сохраниться неприкосновенною святость семьи: по его ученію нечистый взглядъ на женщину уже преступленіе (Мѣ. V, 28).

Что-жь поэтому семья въ христіанствѣ? То-же что была въ самомъ началѣ, т. е. святия. Вотъ почему соединеніе главныхъ членовъ семьи, мужа и жены, не простое соединеніе для обыкновеннаго сожительства, а получило значеніе *таинства*. Это значитъ, что каждую соединяющуюся пару, при видимомъ дѣйстви вѣнчанія, самъ Господь Богъ невидимо, какъ первую чету людей, «благословляетъ и говоритъ имъ: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю».

Какая цѣль семьи? 1) *Общій* трудъ для удовлетворенія всѣхъ житейскихъ нуждъ и, главнѣе всего, для приготовленія всѣхъ и каждаго къ другой вѣчной жизни, что начнется сейчасъ же по окончаніи здѣшней жизни, и 2) рожденіе и воспитаніе дѣтей.

Постараемся разяснить все это.

Семья есть *святия*; поэтому въ ней все, отъ начала до конца, должно быть свято, т. е. все должно идти по заповѣди божіей, совершаться такъ чтобы было угодно Богу. Начало семьи, какъ сказано, есть соединеніе мужа и жены; и здѣсь-то прежде всего, главнѣе и важнѣе всего, должно совершаться все такъ какъ установлено Господомъ Богомъ. По его установленію, которое подтвердилъ и разяснилъ Христосъ Спаситель, прилѣпится человекъ къ женѣ своей и будутъ два одною плотію; такъ что они уже не двое, а одна плоть» (Мѣ. XIX, 56). Что это значитъ: «будутъ два одною плотію»? То что мужъ и жена соединятся или, точнѣе, сольются такъ тѣсно, вѣрно и неразрывно, что у нихъ будетъ одна общая жизнь, одни общія желанія и стремленія, — все общее, единое и нераздѣльное; что оторвать мужа отъ жены, или жену отъ мужа, будетъ также

трудно и болѣзненно, какъ оторвать какой-нибудь членъ у живаго человѣка, напр., руку или ногу. Какая-жь сила можетъ такъ соединить мужа и жену? Эта сила называется *любовію*. Вотъ она-то, — эта сила, и должна лечь въ основѣ семьи христіанской; т. е. не человѣческіе расчеты, ни, тѣмъ болѣе, неволя, принужденіе, однимъ словомъ не какое либо прямое или непрямое, явное или тайное ¹⁾, насиліе воли должно соединять мужа и жену, а одна чистая любовь. Что именно такое соединеніе и должно быть, это прямо слѣдуетъ изъ словъ свящ. писанія: «оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей». *Оставитъ*, — это не то значить что человѣкъ броситъ родителей, совсѣмъ забудетъ ихъ, — это дѣло невозможное; а то что какъ ни дороги родители, а жена будетъ еще дороже. Что-жь дастъ такую цѣну женѣ? — Только взаимная любовь и можетъ дать ей такую цѣну; только при такой любви мужъ и можетъ всѣмъ существомъ своимъ прилѣпиться къ женѣ своей. Всякое другое соединеніе будетъ противъ божественнаго установленія и, поѣтому, къ добру не поведетъ; потому что мужъ и жена, соединившись безъ любви, никогда и никакъ не сольются въ «одну плоть», т. е. въ единую и нераздѣльную жизнь, а будутъ смотрѣть врознь. Невольное соединеніе есть самое незаконное поправіе божественнаго установленія, и всегда, неизбѣжно, сопровождается самыми гибельными послѣдствіями, потому что гдѣ неволя тамъ отвращеніе; за отвращеніемъ слѣдуетъ нена-

¹⁾ Насиліе воли, когда человѣкъ заставляють дѣлать то что онъ не хочетъ дѣлать. Въ бракѣ, преимущественно съ невѣстами, какъ съ существами слабѣйшими, это бываетъ такъ: или противъ всякаго желанія *приказываютъ* идти за нелюбимаго жениха — это насиліе воли прямое, явное; или уговариваютъ, обольщаютъ, случается, обманываютъ разными житейскими приманками, напр. богатствомъ жениха и т. п., это насиліе воли не прямое и тайное. Самая главная отвѣтственность передъ судомъ Господа Бога за всѣ несчастія и даже за преступленія, которыя бываютъ слѣдствіемъ такихъ соединеній мужа и жены, и сама тяжкія кары за то падаютъ именно на тѣхъ которые сами совершили или допустили это насиліе воли.

висть; а ужъ гдѣ поселится ненависть, тамъ совершаются самыя страшныя дѣла.

Начатый свято, т. е. чистою любовію, союзъ мужа и жены такъ и долженъ продолжаться во всю жизнь. Издѣсь-то, къ такъ соединеннымъ мужу и женѣ, и идутъ слова священнаго писанія: «все у васъ да будетъ съ любовію (1 Кор. XVI, 14); болѣе всего имѣйте усердную любовь другъ къ другу (1 Петр. IV, 8); носите бремена другъ друга и такимъ образомъ исполняйте законъ Христовъ (Гал. VI, 2); имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту-же любовь, будьте единомысленны и единомысленны (Филип. II, 2). Чѣмъ и какъ преимущественно должна выражаться въ жизни эта любовь? Слѣдующимъ, по ученію того же священнаго писанія: «любовь долготерпитъ, милосердствуетъ; любовь не завидуетъ, не превозносится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ; любовь никогда не перестаетъ» (1 Кор. XIII, 4 и д.). Такъ, мужъ и жена не ангелы сойдутся, — тѣ-же люди, и съ слабостями, и съ пороками, и съ страстями человѣческими, и особенно если они съ дѣтства не были, или мало были учены жизни доброй и истинно-христіанской. Все что въ нихъ взросло и накопилось добраго и дурнаго будетъ проявляться и въ семейной жизни. Какая-жъ сила достаточно сильна — исправить это дурное? Одна и единственная — любовь, и именно любовь терпѣливая, милосердствующая, нераздражающая, словомъ — какъ сказано выше. Всякая другая сила, напр., брань, раздраженіе, зло, о худшемъ ужъ и говорить нечего²⁾, можетъ лишь увеличить и глубже укоренить дурное —

²⁾ Не только жестокое и буйное обращеніе мужа съ женой, но даже строгое — съ излишествомъ воспрещается положительно въ священномъ писаніи. „Мужья любите своихъ женъ и не будьте въ нимъ суровы“, говорится тамъ (Еф. III, 19). Мужья любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ свою церковь, — т. е. любите до самоотверженія, всей полнотой любви; должны мужья любить своихъ женъ, какъ свои тѣла“ и проч. (Еф. V, 25, 28). Вездѣ въ священ. писаніи

въ мужъ или женѣ, все равно. И причина этого самая простая: раздраженіе и вызываетъ раздраженіе; зло и вызываетъ зло; а отъ этого развѣ можетъ человѣкъ сдѣлаться лучше? А по любви и изъ любви охотно, и даже съ радостью, оставляются и слабости, и пороки, и чего не дѣлается? Вотъ почему союзъ мужа и жены, начатый свято, т. е. чистой любовью, такимъ долженъ остаться и до гробовой доски. И это въ равной мѣрѣ относится и къ тому и къ другой, потому что, какъ говоритъ апостоль: «ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа въ Господѣ; ибо какъ какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ черезъ жену, а все отъ Бога» (I Кор. XI, 11, 12). Семья, въ которой главная, всеѣмъ заправляющая сила—любовь, и есть та благословенная семья, къ которой совершенно справедливо и достойно можетъ быть предложено названіе—святыня, потому что, какъ говорится, «гдѣ любовь—тамъ самъ Богъ», а гдѣ самъ Богъ, тамъ святыня. Къ такой, и только къ такой семьѣ не привьются тѣ великіе и страшные грѣхи, извѣстные подъ общимъ названіемъ «развращенія или распутства», за которые особенно изливается гнѣвъ божій въ разныхъ карахъ и казняхъ. Чистая любовь, соединяющая семью, есть та крѣпкая охрана, та надежная стѣна, за которую не проберется порокъ для оскверненія святыни ея, какъ бы хитро ни подступалъ онъ и подъ какими видами ни прикидывался бы; потому что такая любовь зорка и слишкомъ осторожна не только въ дѣлахъ и поступкахъ, но въ словахъ, въ самыхъ мысляхъ. Такая любовь, по

предписываютъ отношенія между мужемъ и женою—любви; нигдѣ, ни однимъ словомъ, не позволится мужу, какъ сильнѣйшему, гнѣсти или обижать жену. Жена должна повиноваться мужу, но какъ? Какъ Господу Богу (Еф. V, 22). Повиновеніе Господу Богу отъ каждаго изъ насъ требуется не рабское, не изъ страха, а во имя любви; таково должно быть повиновеніе и жены мужу. „Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Болѣйше не совершенъ въ любви“ (Іоан. IV, 18). Таково значеніе истинной любви, къ кому-бы она ни относилась,—къ Богу или къ людямъ.

свидѣтельству свящ. писанія, «пламень божій; большія воды не могутъ потушить ея, и рѣки не зальютъ ея. Если бы кто давалъ все богатство дому своего, чтобы искусить такую любовь, его отвергли-бы съ презрѣніемъ» (Пѣс. VШ; 7).

Цѣль семьи — 1) общій трудъ, для того чтобы прожить земную жизнь, какъ указалъ Господь Богъ.

Такъ, если еще среди райской жизни, когда все лишь было создано, и все созданное, по свидѣтельству самаго Бога, было «весьма хорошо»; когда, по этому, первому человѣку оставалось только наслаждаться жизнью—безъ болѣзней, безъ нуждъ, безъ малѣйшаго горя; если въ то время человѣку понадобилась «помощь приличная ему», то насколько-жъ увеличилась нужда въ этой помощи, когда грѣхъ обременилъ проклятіемъ землю и довелъ людей до горькой необходимости «съ скорбію питаться отъ нея во всѣ дни жизни своей»? когда грѣхъ разлилъ по землѣ тучу темную бѣдъ, болѣзней, всяческихъ напастей и скорбей? Да, человѣкъ безъ «помощи приличной ему» испытываетъ самую горькую долю; лишь съ нею, — цѣложизненной участницей въ тяготахъ земной жизни, онъ можетъ, не падая духомъ и силами, не ожесточившись сердцемъ, вынести все горькое и безотрадное, чѣмъ полна земная жизнь. Но необходимо имѣть ясное понятіе о томъ что именно изъ общаго труда падаетъ на долю каждаго; потому что непониманіе этого всегда ведетъ къ смутамъ и раздорамъ въ семьяхъ; а гдѣ поселятся смуты и раздоры, тамъ ждать добра нельзя, и не бываетъ его. Какъ было уже сказано, приговоръ, постигшій перваго грѣшника на землѣ, состоялъ, между прочимъ, въ томъ что онъ «въ потѣ лица будетъ ѣсть хлѣбъ свой». Этотъ приговоръ и остался навсегда. По этому, доля мужчины — тяжкимъ трудомъ приобрѣтать хлѣбъ, т. е. все нужное для себя и для семьи. Такъ говорится и въ другихъ мѣстахъ свящ. писанія, напр. «ты будешь ваушати отъ трудовъ рукъ своихъ (Пс. СХХVІІ, 2) и

т. п. Такъ и должно быть. Затѣмъ Господь и надѣлилъ его большими, чѣмъ женщину, силами тѣла и духа, чтобы онъ въ состояніи былъ доставлять своей семьѣ все нужное для жизни. Первому человѣку Господь судилъ: «съ скорбію будешь питаться отъ земли во всѣ дни жизни своей»; это не значитъ что и всѣмъ потомкамъ его, безъ исключенія, суждено питаться отъ обработки земли;—когда люди размножились, тогда размножились и потребности людскія; явились и труды многіе и разнообразныя. Значитъ, сущность дѣла состоитъ въ томъ что дѣло мужчины—во всю жизнь трудиться, въ чемъ-бы ни состоялъ этотъ трудъ, неустанно, настойчиво, терпѣливо, словомъ — «потомъ лица» доставать средства жизни. Слѣдовательно, мужчина пренебрегающій трудомъ, нерадящій доставлять своей семьѣ все нужное³⁾, или, что хуже всего, изъ-за лѣности, изъ-за дурной жизни возлагающій свою обязанность труда на женщину, такой мужчина прямо идетъ противъ божескаго закона и дерзко ругается надъ тѣмъ что самъ Господь Богъ судилъ всѣмъ людямъ на землѣ,—всѣмъ безъ исключенія. Доля женщины—«скорбь на скорбь въ беременности и болѣзненное рожденіе дѣтей». Доля, по истинѣ, тяжкая, которой одной, казалось-бы, совершенно достаточно для искупленія женщиной перваго грѣха. За всѣмъ тѣмъ, она не освобождена и отъ жизненнаго труда; а должна быть неустанной помощницей мужу въ обезпеченіи семьи всѣмъ потребнымъ. Вотъ какъ въ свящ. писаніи изображается жена, понимающая свое дѣло: «кто найдетъ добрую жену,—цѣна ея выше жемчужовъ. Сердце мужа надѣется на нее, и не остается за то безъ награды. Она достаетъ волну (шерсть) и ленъ и заботливо обдѣлываетъ ихъ

³⁾ Нѣтъ выше несчастія для семьи, какъ такой глава ея. Одной лѣни его достаточно чтобы вся семья бѣдствовала: «отъ лѣности прогнѣетъ потолокъ и когда опустишь руки протечетъ домъ», говоритъ премудрый (Еккл. X, 18); «лѣнивый—братъ расточителю», говоритъ онъ же.

своими руками. Встаетъ еще ночью и готовить пищу дому своему. Чресла свои она препоясала крѣпостію и мышцы свои содѣлала твердыми. Чувствуя что промыселъ ея выгоденъ, ночью не гаситъ своего свѣтильника: Руки свои простираетъ къ прялкѣ, и пальцы ея берутся за веретено. Длань свою открываетъ бѣдному, и руку свою подаетъ нищему (т. е. выработываетъ столько что остается подать и бѣдному). Не боится снѣга для дома своего, потому что весь домъ ея одѣтъ въ ткань (не боится стужи для своей семьи, потому что она всѣхъ одѣла какъ слѣдуетъ). Она дѣлаетъ полотно и продаетъ; прочна и красива одежда ея самой. Уста свои отрываетъ съ мудростію, и на языкѣ ея наставленіе кроткое. Наблюдаетъ за теченіемъ дѣлъ въ домѣ своемъ и хлѣба въ праздности не ѣсть». (Притч. XXXI, 10 и д.). Такъ, *общій* трудъ назначенъ Господомъ Богомъ мужу и женѣ. Но, очевидно, каждому по силамъ. Именно: мужу—работы внѣшнія, внѣ дома находящіяся, женѣ — работы домашнія. Мужъ долженъ приготовить все необходимое для жизни; жена изъ приготовленнаго мужемъ должна выработать не только все потребное для семьи (пищу, одежду и т. п.), но и возможное на продажу—и для удовлетворенія семейныхъ нуждъ и для помощи бѣднымъ. Отсюда-то и выходитъ, что мужъ—глава жены, и слѣдовательно всей семьи: на немъ лежатъ самыя главные заботы, самыя тяжелыя труды при которыхъ необходимо требуются и крѣпкій умъ, и опытность, и здоровыя силы; жена—распорядитель семейныхъ дѣлъ, не самовластный и своевольный, а съ непрестаннымъ «обращеніемъ» къ мужу, какъ положено закономъ божіимъ (Быт. III, 16). И что естественнѣе такого раздѣла общаго труда? Не говоря уже о томъ что женщина, по самой природѣ своей, во всемъ слабѣе мужчины,—«скорбь на скорбь» во время беременности тяжело-болѣзненное рожденіе дѣтей, не менѣе тяжкіе—уходъ за ними и кормленіе ихъ во время младенче-

ства,—развѣ позволяютъ женщинѣ идти объ руку съ мужчиной въ работахъ внѣдомашнихъ? И непременно требовать отъ нея такихъ работъ, было-бы не просто беззаконіемъ и жестокостью, а звѣрствомъ. И вотъ семья въ которой мужъ и жена хорошо понимаютъ, каждый свое дѣло и свято выполняютъ его; въ которой къ обоимъ можно приложить слова апостола: «любовь между ними непритворная; они отвращаются зла и прилепляются къ добру; относятся другъ къ другу съ нѣжностію и предупреждаютъ въ почительности другъ—друга; въ усердіи не ослабѣваютъ, духомъ пламенѣютъ, Господу служить, утѣшаются надеждою, въ скорби (ничья жизнь не пройдетъ безъ скорбей) терпѣливы, въ молитвѣ постоянны» (Рим. XII, и 9 д),—такая семья благословенная Богомъ семья. Самый тяжелый житейскій трудъ тутъ переносится съ охотой, съ радостью, потому что все облегчаетъ и все улаживаетъ «непритворная любовь». Побѣждаются тутъ все житейскія нужды и тяготы, потому что, при взаимной поддержкѣ мужа и жены, ихъ усердіе къ труду и ко всякому дѣлу не слабѣетъ; ихъ духъ не только не падаетъ при какихъ-либо житейскихъ невгодахъ, но всегда пламенѣетъ, всегда бодръ, крѣпокъ, неодолимъ. Дивится ли, что такія, благословенныя Богомъ, семьи бываютъ богаты всякимъ добромъ, богаты не про себя только, а и «въ нуждахъ ближнихъ принимаютъ участіе и о страннопріимствѣ ревнуютъ» (Рим. XII, 13), словомъ, готовы на всякую помощь другимъ, на всякое добро? Дивится нечему: честный, разумный и, что всего важнѣе, строго—по божьему закону, трудъ есть именно та сила которая низводитъ свыше, отъ самаго Господа Бога, всякое даяніе доброе и всякъ даръ совершенный.

Но трудъ ради земной жизни—далеко еще не все дѣло семьи. Еслибъ этой жизнью все и оканчивалось для человѣка, и тамъ, за гробомъ, ничего больше для него не было, то, по-

нятно, и говорить было-бъ не объ чѣмъ. Но здѣсь лишь начало нашего существованія; тамъ—продолженіе,—и какое? цѣлая вѣчность ⁴⁾, въ которой наша судьба прямо будетъ зависѣть отъ того какъ мы приготовимся къ ней здѣсь на землѣ. И вотъ, это приготовленіе должно быть вѣнцомъ всѣхъ дѣлъ, заботъ и трудовъ семьи; и здѣсь мужъ долженъ быть главой семьи, т. е. не только идти впереди жены и дѣтей, но и разумно вести ихъ къ вѣчности блаженной, къ царству небесному. «Вы, мужья, говоритъ апостолъ, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немощнымъ сосудомъ, оказывая имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной (т. е. вѣчной) жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ» (1 Петр. III; 7). Такъ, общая семейная молитва—безусловная необходимость каждой семьи. Она не только должна освѣщать всѣ дѣла, труды и работы ради земной жизни, но, главнѣе всего должна направлять душу и сердце всѣхъ членовъ семьи,—до дѣтей начинающихъ смыслить, къ Богу крѣпкому и живому, къ любви его—нашего Отца небеснаго, къ угожденію ему дѣлами всей жизни, ему—строгому и нелицеприятному суди всѣхъ. Но при какомъ условіи можетъ быть успѣшной семейная молитва? Когда она отъ всѣхъ идетъ едиными усты и единымъ сердцемъ. Значитъ всякая семейная рознь, всякій раздоръ ме-

⁴⁾ Въ этой земной жизни мы измѣряемъ время часами, сутками, годами; въ другой, загробной, жизни нѣтъ такихъ измѣреній, потому что нѣтъ такихъ сутокъ и годовыхъ переминь времени какія адѣсь. Тамъ или одинъ безперемѣнный день—для угодившихъ Богу; или ни чѣмъ не смѣлимаа ночь—для отверженныхъ отъ него. Но какой день, какая ночь! Пусть себѣ представитъ тысячу и тысячи-тысячъ лѣтъ, т. е. такое число лѣтъ, какое только въ силахъ представить себѣ мысль человѣка, и все это будетъ ничто передъ тѣмъ днемъ и передъ той ночью,—меньше капли передъ цѣлымъ моремъ; потому что у всякой тысячи и всѣхъ тысячей-тысячъ есть конецъ; а тутъ конца не будетъ. Вотъ это и есть то что называется *вѣчностью*. За окончательнымъ судомъ Божиимъ и настанетъ, безъ малѣйшей перемины, или *вѣчный* свѣтъ, или *вѣчная* тьма,—кто что заслужитъ земной жизнью.

жду мужемъ и женой, — препятствіе въ молитвѣ. Вотъ отстранять это препятствіе и обязанъ мужъ, «оказывая честь женѣ, какъ сонаслѣдницѣ жизни вѣчной», т. е. отнюдь не относясь къ ней съ пренебреженіемъ, съ словами грубыми, — а объругательныхъ словахъ и говорить нечего, и т. п.; потому что начини только мужъ дурно обращаться съ женой, — рознь и раздоры семейные неизбѣжны; а поэтому и семейная молитва будетъ не возможна. А безъ этой молитвы къ чему будетъ приготовленіемъ семья — къ блаженной жизни во свѣтѣ божіемъ, или къ жизни мукъ и скорбей, которыхъ и не изобразишь словомъ человеческимъ, среди безпроглядной тьмы адской? Явно къ чему: гдѣ нѣтъ молитвы, тамъ нѣтъ памяти о Богѣ; гдѣ нѣтъ памяти о Богѣ; тамъ не живутъ, да и не могутъ жить по божьему закону, потому что одно съ другимъ не раздѣльно; а не памятуя о Богѣ и не живя по его закону, по какому пути идутъ люди? По прямому — въ адскую тьму; потому что у людей только и есть двѣ дороги — къ Богу во свѣтѣ или во тьму адскую. И на кого падеть самая главная отвѣтственность, если члены семьи угодаютъ въ эту тьму? Ясно, — на главу семьи, потому что кому больше дано — съ того больше и взыщется. Проклятія дѣтей за свою вѣчную погибель прежде всего падутъ на главу отца, если онъ имъ не указалъ пути въ царство небесное, и не велъ ихъ заботливо по этому пути въ годы дѣтства и молодости, — въ эти годы, когда легко такъ сбиться на всякій дурной и гибельный путь. А кромѣ проклятій отъ дѣтей, судъ тяжкій, неумолимый отъ Бога падеть на такого отца; потому что онъ загубилъ то что есть лучшаго у человѣка на землѣ, что было даровано ему отъ Бога, какъ знакъ прямого его благословенія (Пс. СХХVІІ, 4. 5). Да, каждая хрістіанская семья должна быть *домашней церковью*, — съ вѣрой во Хріста, съ неустанной молитвой къ Отцу небесному, съ жизнью по Хрістову евангелію. Путь въ царство небесное для нашей испорченной и разслабленной при-

роды — не легкій путь; особенно тяжело идти по этому пути каждому по одиночѣ; и страшень этотъ путь для того кто съ дѣтства не приученъ къ нему, — до того страшень что бояться ступить на него и, вполне сознавая куда идутъ, все-таки идутъ по дорогѣ во тьму вѣчную. Иное дѣло идти по этому пути цѣлой семьей: взаимная поддержка мужа и жены, вмѣстѣ съ свободой отъ тѣхъ страшныхъ соблазновъ (1 Кор. VII, 2), отъ которыхъ изъ милліоновъ развѣ единицы не падаютъ; дѣти съ ранняго возраста, когда такъ легко укореняются и добрые и злые навыки, приучающіеся къ этому пути, и, въ свою очередь, воодушевляющіе больше и больше своихъ родителей, словомъ, общій трудъ, общіе подвиги, основой и двигателемъ которыхъ любовь, — вотъ что можетъ уладить и сдѣлать менѣе тяжкимъ путь въ царство небесное.

Далѣе, цѣль семьи — рожденіе и воспитаніе дѣтей.

То что собственно относится къ рожденію и воспитанію дѣтей, будетъ объяснено въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь поговоримъ о томъ вліяніи какое можетъ и должна имѣть семья на это дѣло.

«Вотъ, въ беззаконіи я рожденъ, и во грѣхѣхъ зачала меня мать моя (Ис. L, 7); кто родится чистымъ отъ нечистаго? Никто! (Іов. XIV, 4)». Такъ говорятъ просвѣщенные Богомъ мужи о томъ, какимъ родится человѣкъ на божій свѣтъ, и что несетъ въ эту жизнь съ самымъ рожденіемъ своимъ. Это и есть то несчастное родовое наслѣдіе, которое отъ перваго человѣка передано всему человѣчеству. И еслибъ не свидѣтельствовали о томъ богопросвѣщенные мужи, то опытъ каждаго можетъ поставить истину этого вѣдѣнія всякихъ сомнѣній: прирожденное влеченіе къ злу и грѣху каждый можетъ замѣтить самъ въ себѣ. Обнаруживаясь къ человѣкѣ съ самаго ранняго возраста, оно развивается и крѣпнеть вмѣстѣ съ развитіемъ его душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, до того что дѣлается, наво-

нецъ, какимъ-то особеннымъ закономъ жизни, гибельнымъ и вреднымъ, что человѣкъ самъ сознаетъ, и чему, противъ желанія, противъ воли, не рѣдко подчиняется. Вотъ что свидѣтельствуется ап. Павелъ объ этомъ страшномъ законѣ испорченной природы человѣка: «не понимаю что дѣлаю; потому что не то дѣлаю что хочу, а что ненавижу то и дѣлаю. Знаю что не живеть во мнѣ, т. е. въ плоти моей доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать—того не нахожу. Добра, котораго хочу, не дѣлаю; а зло котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. И такъ, я нахожу законъ, что когда хочу дѣлать добро, прилежить мнѣ зло. По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ» (Рим. VII, 15 и д.). Чтожь тутъ дѣлать съ такимъ страшнымъ закономъ, такъ гибельно дѣйствующимъ въ человѣкѣ? Явно—бороться; бороться всю жизнь, до послѣдняго вздоха. Но чтобы бороться съ грѣхомъ, съ пользой, нужно *умѣть* бороться, потому что безъ умѣнья ничего добраго не сдѣлаешь; а чтобы умѣть, надобно научиться. Гдѣ-жь и какъ научиться этому спасительному умѣнью? Вотъ здѣсь то главнымъ образомъ и сказывается и должно сказаться влияние семьи. Прирожденная испорченность обнаруживается въ человѣкѣ съ самаго ранняго возраста. Ребенокъ, только что начинающій смыслить, уже выказываетъ стремленіе—терѣбить, таскать, бить, однимъ словомъ—мучить, что только попадетъ подъ его слабую рученку; и мало того—стремленія,—удовольствіе, радость при этомъ: вотъ когда уже начинаетъ выказываться стремленіе ко злу. Спрашивается: оставить-ли, чтобы это стремленіе свободно развивалось въ ребенкѣ, росло и укоренялось? Но чтожь тогда будетъ изъ ребенка? Что бу-

детъ, совершенно ясно: въ дѣтскіе годы онъ будетъ мучителемъ всего — что слабѣе его: животныхъ, птицъ, другихъ дѣтей; въ зрѣлыя годы онъ будетъ мучителемъ — сначала матери и жены, потомъ дѣло дойдетъ до отца, и наконецъ онъ будетъ мучителемъ всѣхъ до кого только достанетъ его рука. Инымъ онъ и быть не можетъ, потому что зло совсѣмъ его обуяетъ, вѣстся въ него, и сдѣлаетъ его, по выраженію апостола, «плѣнникомъ» своимъ, т. е. онъ самъ въ себѣ будетъ невольнъ: и радъ бы не быть мучителемъ другихъ, да ужъ не найдется въ немъ ни силъ, ни умѣнья бороться съ своимъ господиномъ. Чтожъ поэтому слѣдовало сдѣлать, чтобы онъ не дошелъ до такого положенія, въ какомъ человѣкъ не похожъ уже на человѣка, а дѣлается настоящимъ звѣремъ? А вотъ и слѣдовало научить его бороться съ этими злыми господами, которыхъ много гнѣздится въ испорченной природѣ человѣка. Когда слѣдовало научить? Когда слѣдовало начать это ученье, чтобы оно пошло въ прокъ? Въ то самое время когда начали появляться первые признаки зла. Да какъ же тутъ учить, когда ребенокъ начинаетъ только что смыслить? Что онъ тутъ пойметъ? Словъ, конечно, онъ не пойметъ; но есть сила, которая неотразимо дѣйствуетъ на всякаго ребенка, это — вліяніе, примѣръ. Вотъ съ чего должно начаться самое первое ученье каждаго, только начинающаго смыслить, ребенка. Постараемся разъяснить это.

Понимаетъ ли ребенокъ ласку матери, ея брань, ея злость? Понимаетъ: при первой онъ смѣется и радуется; при вторыхъ — отвертывается отъ матери, плачетъ и кричитъ. И такъ хорошо понимаетъ, что разсерженной или разозлившейся матери и кричать нѣтъ надобности: — ребенокъ отъ одного взгляда на ея лицо начинаетъ метаться и кричать. И вотъ первое вліяніе, — доброе или злое, судя по тому, какова мать; т. е. въ ребенкѣ полагается начало или развитію или ослабленію прирожденнаго

ему зла, судя по тому какъ обращается съ нимъ мать. Дальше, онъ точно также начинаетъ понимать ласку или злость отца и всѣхъ находящихся въ семьѣ: въ однимъ онъ тянется на руки, другихъ онъ боится, или просто отвращается. Значитъ вліяніе на него окружающихъ расширяется, и опять доброе или злое вліяніе, судя по тому каковы эти окружающіе. За тѣмъ въ ребенкѣ появляется высшій божій даръ—смысль, который обнаруживается тѣмъ что онъ начинаетъ говорить. Съ появленіемъ смысла онъ уже начинаетъ зорко присматриваться и внимательно прислушиваться ко всему его окружающему. Отсюда то и начинается настоящая наука для него,— наука безъ граматы, безъ книгъ; но ужъ такая дѣйствительная наука, которая пойдетъ ему на всю жизнь. Эта наука называется *примпромъ*. Отъ этой-то науки и зависитъ главнымъ образомъ,—будетъ ли ребенокъ бороться съ прирожденнымъ ему зломъ, когда выростетъ въ человѣка, или это зло свободно разовьется въ немъ, подчинить его себѣ, какъ плѣнника и изъ человѣка сдѣлаетъ звѣремъ. Ребенокъ, начавшій смыслить и говорить, говоритъ и дѣйствуетъ точь-въ-точь какъ говорятъ и дѣйствуютъ его окружающіе, разумѣется, еще сообразно съ своими слабыми силами. Поэтому все дѣло въ томъ, *какъ* говорятъ и дѣйствуютъ его окружающіе.

Представимъ же себѣ семью добрую, въ которой все идетъ по любви, т. е. по божьему закону. Вотъ у матери ребенокъ,— какъ у всѣхъ, съ прирожденной испорченностью. Но она понимаетъ что ребенокъ—«благословеніе» божіе для нея и для всей семьи; такъ и смотритъ на него, такъ и обращается съ нимъ. Съ молитвой, съ лаской беретъ его на руки и держитъ у груди, или нянчить на рукахъ; съ молитвой, съ лаской кладетъ въ колыбель, и укачиваетъ, и ухаживаетъ за нимъ. Расплачется и раскричится ребенокъ отъ какой-либо боли,— безъ этого ребенокъ не выростетъ, она не только не кричитъ

громче его, не ругаетъ и не клянетъ его за то что онъ спать ей не даетъ, но опять съ такой же молитвой, съ терпѣливой любовью ходить за нимъ,—и, какъ ни тяжело ей, ребенокъ ни въ звукахъ голоса, ни въ лицѣ матери не ощущаетъ тѣни зла.—Какое же тутъ вліяніе на ребенка—доброе или злое? Ясно. Но точно также смотрятъ на ребенка и обращаются съ нимъ и его отецъ и вся семья: любовь окружаетъ его со всѣхъ сторонъ; онъ живетъ и дышетъ одной любовью. Нужно ли спрашивать, что должно производить въ ребенкѣ это доброе, кроткое, заботливое вліяніе любви? Безъ спору и безъ длинныхъ рѣчей понятно, что прирожденному злу тутъ развиваться не отчего,—ничто его не вызываетъ и не шевелитъ; совершенно напротивъ, въ ребенка закладываются прекрасныя сѣмена любви которыя, при хорошемъ уходѣ, выростутъ и, когда придетъ время, могутъ даже со всѣмъ заглушить прирожденные плевелы. Ребенокъ начинаетъ смыслить и говорить. Какіи слова, по самому началу, онъ слышитъ и усваиваетъ себѣ? Какіе поступки онъ видитъ и перенимаетъ? И слова и поступки, т. е. все, что кругомъ его говорится и дѣлается, все идетъ тихо и кротко; во всемъ выражается любовь; ни дурная рѣчь, ни ругательное слово не раздаются въ семьѣ; ни ссоръ, ни чего либо худшаго не подмѣчаетъ его зоркій глазъ.—Спрашивать ли о томъ что онъ перейметъ въ родной своей семьѣ—доброе или злое? Чему научится? Что усвоитъ себѣ? Конечно, прирожденное зло будетъ сказываться въ немъ, и особенно когда, подрастая, онъ будетъ сталкиваться съ дѣтьми изъ дурныхъ семей;—но возьметъ ли это зло всю силу надъ нимъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, не возьметъ; потому что посѣянное въ немъ добро, и само по себѣ, уже будетъ бороться съ этимъ зломъ; и добрый примѣръ семьи научитъ его *совѣститься* всего злаго и дурнаго; а кромѣ того—какія мѣры употребляются въ такихъ семьяхъ для исправленія всего худаго, замѣчаемаго въ

дѣтяхъ? Разумныя, хотя въ случаѣ нужды и строгія. Какіе же это разумныя мѣры? Уже конечно не ругательныя и не непотребныя слова и не бессмысленныя побои,—эти мѣры могутъ только озлить, ожесточить дѣтей; а прежде всего—строгое слово отца; потому что въ тихихъ семьяхъ такое слово дѣйствуетъ вѣрнѣе и больнѣе всякихъ колотушекъ. Когда строгое слово отца не производитъ всего нужнаго дѣйствія,—употребляется и наказаніе; но какъ? Безъ криковъ и озлобленія, въ которомъ человѣкъ дѣлается чуть не звѣремъ, а съ тѣми горькими, хотя и тихими словами душевной боли отца, которыя несравненно больнѣе дѣйствуютъ и неизгладимѣе врѣзаются въ душу дѣтей, чѣмъ тѣлесныя наказанія. Вотъ взросшіе подъ такими вліяніями и примѣрами и усвоиваютъ себѣ великую науку—бороться со всякимъ зломъ, какое есть въ нихъ самихъ и во всемъ ихъ окружающемъ; въ такихъ семьяхъ и научаются жить и дѣйствовать «не за страхъ, но за совѣсть»,—т. е. не совершать дурныхъ поступковъ и злыхъ дѣлъ, не потому что прознаютъ и накажутъ люди, а потому что совѣсть воспрещаетъ совершать ихъ; изъ такихъ семей и выходятъ тѣ «свободные,—не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы божіи» (1 Петр. 11, 16), для которыхъ единственный законъ жизни—правда; которые ни за всѣ блага міра не пристанутъ къ «совѣту нечестивыхъ, не пойдутъ на пути грѣшныхъ, и не сядутъ въ собраніи развратныхъ» (Пс. 1, 1); которые, еслибъ люди силы и власти неволей принуждали ихъ допустить что нибудь непотребное, не дозволенное закономъ божіимъ и человѣческимъ, всегда, не обинуясь, съ свободой и дерзновеніемъ чадъ божіихъ отвѣтятъ людямъ сильнымъ и властнымъ: «судите, справедливо-ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога?» (Дѣян. IV, 19). Есть ли такія семьи? Безъ всякаго сомнѣнія есть. Ими-то и стоитъ божій міръ. Въ такихъ-то семьяхъ и хранится правда божія—основа благо-

состоянія селеній и городовъ. К несчастью, число такихъ семей не увеличивается, а все уменьшается; оттого то и становится все тяжелѣе жить всѣмъ на свѣтѣ

Представимъ себѣ другую семью, которая и сложилась и живетъ не по божьему закону. Вотъ и тутъ у матери ребенокъ. Какъ смотритъ она на него? Какъ на бѣду свою, какъ на тяжкую обузу, почти, а случается и совсѣмъ, какъ на божье наказаніе. Отчего же она такъ смотритъ на своего ребенка? Оттого что ей самой тяжело жить въ семьѣ, и отъ нее не сладко семейнымъ, и зло которое скапливается у ней на душѣ она вымѣщаетъ на ребенкѣ. Съ бранью укладываетъ она ребенка въ колыбель, съ ожесточеніемъ и злобой трясеть въ колыбели и съ ругательствами выхватываетъ изъ нее и комкаетъ въ рукахъ своихъ. Разумѣется, что при такомъ дурномъ уходѣ ребенокъ надрывается въ стонахъ и крикахъ; семейные не выносятъ этого, и клянуть мать и ребенка; разозленная до послѣдней степени мать пинками и затрепинами силится заставить молчать ребенка. Тутъ какое вліяніе—доброе или злое на него? Не говоря уже о томъ—что въ его душу не зароняется ни одной искры, ни одной круинки любви къ кому нибудь,—ни даже къ самой матери,—прирожденное зло въ немъ уже дѣйствуетъ слишкомъ замѣтно:—онъ отвертывается отъ всѣхъ, не улыбается ни кому, и ни къ одному лицу изъ семейныхъ, ни даже къ отцу, нейдетъ на руки, а возьметъ кто силой, онъ рвется и кричитъ, точно его рѣжутъ. И вотъ гдѣ первое и главное начало той розни по которой такъ дробятся у насъ семьи, по которой родные братья, даже отецъ съ дѣтьми, не уживаются вмѣстѣ: въ ребенкѣ уже отъ самой колыбели нѣтъ влеченія ни къ кому. Оттуда же, когда онъ вырастетъ, возьмется и разовьется та несокрушимая привязанность къ семейнымъ, по которой высшей для себя бѣдой считаютъ выйти изъ подъ отцовскаго крова и самымъ тяжелымъ горемъ—разстаться съ

родной семьей? Чего не посѣяно то и не вырастаетъ. Ребенокъ начинаетъ смыслить и говорить. Чтожъ видитъ онъ и слышитъ чаще всего въ семьѣ и, поэтому, что скорѣе всего перенимаетъ? Чаще всего онъ слышитъ ссоры и брань и такія бранныя слова изъ устъ отца и вообще старшихъ въ семьѣ, какихъ никакой народъ, кромѣ нашего, ни даже турки и татары не употребляютъ: потому что такія слова въ самой основѣ оскверняютъ семью, и имя *матери*—святое, дорогое имя, передъ которымъ благоговѣетъ всякое разумное созданіе божіе, обращаютъ въ позоръ и поруганіе. А видитъ онъ, что кто посильнѣе въ семьѣ, тотъ бьетъ и тиранитъ, мучитъ и истязуетъ тѣхъ кто слабѣе,—т. е. мужчины женщинъ; женщины, въ свою очередь, платятъ за побои ругательствами и проклятіями, ложью и обманами на каждомъ шагу. Вотъ первая наука которая крѣпко прививается къ ребенку въ такой семьѣ и прочно укореняетъ прирожденное ему зло. И какъ скоро идетъ впередъ эта гибельная наука! Ребенокъ чуть поднялся на ноги и ужъ понялъ что если для его отца и другихъ старшихъ въ семьѣ его мать ни почемъ, то и для него также,—ей можно грубить, съ ней можно ругаться и т. п.; что если его мать и другія женщины только и стоятъ на лжи и обманахъ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ тиранства мужчинъ, то ему слѣдуетъ дѣлать тоже самое; потому что и ему, какъ еще слабому, непрестанно приходится терпѣть потасовки и побои отъ всѣхъ старшихъ въ семьѣ и, разумѣется, больше всѣхъ отъ отца. И вотъ, выросши и укрѣпившись силами, будетъ ли онъ слушать и почитать отца? Никогда и никакъ. Сыновнее почтеніе есть плодъ сыновней любви; значить, какое же можетъ быть почтеніе къ отцу,—а объ матери и говорить уже нечего,—когда въ такой семьѣ объ любви и помину нѣтъ, и признака ея нѣтъ? Отецъ сѣялъ ругательства и побои,—и пожнетъ отъ дѣтей брань, и если не у всякаго сына рука поднимется на отца, то руга-

тельства, которыя не слаще побоевъ. Как-же иначе? Выростаетъ только то что посяно. Будетъ ли онъ почитать хоть кого-нибудь въ мірѣ? Никого никогда; потому что, не научившись чтить отца, какимъ-же образомъ онъ пойметъ науку—чтить человѣка чужаго, ктобъ онъ ни былъ? Онъ будетъ чтить по наружности сильныхъ и властныхъ,—но только изъ за страха; и при всякой возможности будетъ прилагать къ дѣлу то—чему учился въ дѣтствѣ, т. е. ложь и обманъ по отношенію къ сильнымъ и властнымъ. И вообще вся жизнь и всѣ дѣла его пойдутъ—«за страхъ, а не за совѣсть»; т. е. онъ не задумается сдѣлать все дурное, все вредное для другаго, для самаго ближняго, для брата роднаго, если будетъ увѣренъ, что пройдетъ ему безнаказанно; онъ рѣшится и на преступленіе, если можетъ разсчитывать что съумѣетъ и успѣетъ скрыть отъ взоровъ человѣческихъ. Вотъ такія-то семьи, своимъ влияніемъ и примѣромъ, и вырабатываютъ тѣхъ безсовѣстныхъ, буйныхъ, распутныхъ, однимъ словомъ нигуда негодныхъ членовъ, отъ которыхъ страдаетъ всякое общество. Изъ такихъ то семей и текутъ потокомъ тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ всю нашу общественную жизнь. Пойманъ воръ, уличенъ преступникъ въ великомъ преступленіи и т. п.,—гдѣ начало тому до чего дошли они? Во влияніи и примѣрахъ семьи. Отецъ не училъ сына воровать; но сынъ еще своимъ дѣтскимъ зоркимъ глазомъ видѣлъ, что его мать и другія семейныя женщины таскали и скрывали отъ мужей что можно; того онъ не понималъ что запуганныя и забытыя женщины и объ крайнихъ семейныхъ нуждахъ не смѣли заикнуться передъ мужьями, и лишь этимъ способомъ, утайки и воровства, могли удовлетворять нуждамъ; а примѣръ впрокъ пошелъ. Отецъ не училъ сына совершить убійство; но сынъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ видѣть, какъ отецъ тиранить его мать, какъ въ его семьѣ буйствуютъ другіе. Откуда же въ него заронила бы искра

состраданія, жалости къ чужому, когда и къ близкимъ роднымъ онъ не привыкъ имѣть ихъ? И для него также легко убить другаго, какъ для его отца было легко избить его мать до полусмерти; значить, и тутъ примѣръ впродъ пошелъ. По милости-то такихъ семей и разливаются и растутъ все бѣдствія среди людей: бѣдность, всевозможные пороки, которые прямымъ путемъ ведутъ къ проступкамъ и даже преступленіямъ; — да и перечтешь ли все зло отъ такихъ семей? И иного ничего быть отъ нихъ не можетъ. Возьмемъ хоть бы бѣдность до нищенства. Въ такихъ семьяхъ не научаются разумно любить трудъ и сердечнымъ единеніемъ и дружными усиліями облегчать его; напротивъ стараются взвалить работы одинъ на другаго; самыя работы производятъ точно невольники — нехотя, кое-какъ; отсюда ни подспорья въ дѣлѣ, ни надлежащихъ плодовъ отъ всякаго труда; кромѣ того, такія семьи и держатся вмѣстѣ лишь силой и неволей; а какъ только представится возможность, бѣгутъ братья одинъ отъ другаго, и даже дѣти отъ отца; — какъ-же тутъ семья быть богатой? А въ одиночій чему и быть, кромѣ нищеты? Да еще и не та нищета, которую можно жалѣть и которой можно помогать; — бываетъ нищета отъ сиротства, отъ несчастій Богомъ посылаемыхъ, — такой нищеты все сострадаютъ и все стараются, по силамъ, пособить. А нищета отъ собственной своей дурости, отъ худой жизни, — пожалѣеть ли кто такихъ нищихъ? Напротивъ всякій отвертывается отъ нихъ съ презрѣніемъ; потому что казнятся они за свою собственную вину.

Вотъ что идетъ изъ дурныхъ, не по божьему живущихъ, семей. Къ истинному несчастію, число такихъ семей все увеличивается; оттого то съ каждымъ годомъ и идутъ хуже и хуже все дѣла въ народной жизни.

Теперь, друзья, нужно спросить, какъ у каждаго изъ васъ идутъ дѣла семейныя? Отвѣтъ у многихъ, вѣрно, будетъ не

отраденъ; но каковъ бы ни былъ, только онъ необходимъ; — и отвѣтъ по чистой совѣсти, какъ предъ самимъ Богомъ. Никакія дѣла наши не поправятся и не пойдутъ лучше, пока семья у насъ не станетъ на ту точку, на какой указалъ ей быть Господь Богъ. А чтобъ стать ей на эту точку, нужно очистить ее отъ всего дурнаго и злаго, что нами допущено въ нее и укоренилось въ ней. А можно ли очистить ее, не разобравши самымъ строгимъ образомъ всю нашу семейную жизнь, какъ бы это ни было для многихъ и многихъ тяжело и непріятно? И болѣзни лишь тогда лечатъ съ успѣхомъ, когда до точности узнаютъ, въ чемъ зло и гдѣ разстройство.

Семья, какъ было сказано, святыня. Такъ ли же вы смотрите на нее, какъ слѣдуетъ смотрѣть на святыню?

Начнемъ сначала. Вы сами женились, и дѣтей своихъ жените. Женитьба — дѣло, по истинѣ, великое: отъ нея зависитъ счастье или несчастье всей жизни человѣка. Одной ли земной жизни? Нѣтъ, и спасеніе вѣчное. За дурной женитьбой слѣдуетъ разладъ между мужемъ и женой; отъ разлада идетъ зло; а къ чему ведетъ зло, было уже говорено. Значить, какъ же должно совершаться это великое дѣло? Не кое-какъ; не сходиться лишь по заведенному обычаю должны молодые люди для общаго житья, какъ бы передъ этимъ ни шла ихъ жизнь; а готовиться къ этому должны они строго — честной и чистой, безъ малѣйшаго пятна, жизнью. На ту вѣнчающуюся пару и сходить вся полнота благословенія Божія, которая вступаетъ въ бракъ безукоризненно чистою, — не передъ глазами только человѣческими, а предъ самимъ всевидящимъ Богомъ. Такъ ли же у васъ идетъ это дѣло? Не даете ли вы своей молодежи случаевъ, средствъ, поводовъ — всячески испортиться до женитьбы? — «Худому мы не учимъ», говорите вы. Но вѣдь этого еще слишкомъ мало, чтобы только не учить худому; ваша прямая обязанность — учить ихъ доброму, т. е. христіански — честной

жизни; и при томъ неусыпно — зорко смотрѣть, чтобы такая наука шла не на вѣтеръ, а прилагалась къ дѣлу. — Это дѣлаете ли вы? Да еще и правда-ли то — что «вы не учите ихъ худому»? Вѣдь дурная наука передается не одними словами, а и потворствомъ, поблажкой, смотрѣніемъ сквозь пальцы на то что со-вѣсть прямо называетъ дурнымъ: — такой наукой не пользуются ли ваши дѣти? А ваши вечерницы, ваши посѣдки ⁵⁾, — что же какъ не школы худыхъ рѣчей, самаго не позволительнаго обращенія молодежи того и другаго пола между собой, а случается, и весьма нерѣдко, самыхъ дурныхъ, незаконныхъ поступковъ? Развѣ это дѣлается безъ вѣдома вашего? Развѣ не вы сами отпускаете своихъ сыновей и дочерей на эти гибельныя посѣдки, и смотрите за тѣмъ что тамъ дѣлается? Какъ-же послѣ этого можете говорить, что не учите ихъ худому? И вотъ, вмѣсто того чтобы къ святынь и приступать свято, у васъ молодежь прежде всего достаточно ознакомится съ развратными, — если не дѣлами, а и это бываетъ нерѣдко, то съ словами, съ поступками; что же, чистою ли она вступаетъ въ бракъ? И сойдетъ ли на такихъ все благословеніе божіе, безъ котораго никакая женитьба не поведетъ къ добру и счастью? Судите и рѣшите сами.

За тѣмъ, чѣмъ важнѣе дѣло тѣмъ усильнѣе должна быть молитва къ Отцу небесному объ успѣхѣ его. Женитьба — важ-

⁵⁾ Вечерницы и посѣдки — обычай чисто деревенскій. Въ зимнія ночи крестьянскія дѣвцы, считающіяся уже невѣстами, по десятку и больше, собираются въ одну избу, которую нанимаютъ или выпрашиваютъ у малосемейныхъ, съ тѣмъ чтобы всѣ старшіе на ночь уходили изъ избы. Предлогъ собраній — какія-нибудь работы, большею частію пряжа. Цѣль, — чтобы сюда собирались женихи. Какія на этихъ собраніяхъ слышатся рѣчи, шутки; какъ не потребно обращаются такъ называемые женихи съ дѣвцами, этого и описать нельзя. Довольно замѣтить что, время отъ времени, тутъ гасится свѣтъ и въ продолжительной темнотѣ совершается всякое безобразіе. Съ окончаніемъ посѣдки, т. е. къ утру, начинаются проводы — попарно. Не рѣдко дѣло доходитъ до самыхъ несчастныхъ послѣдствій для дѣвицъ.

ное дѣло не для однихъ только вѣнчающихся, а для всей семьи, и особенно для ихъ родителей; потому что чѣмъ счастливѣе женитьба, тѣмъ стройнѣе идутъ все дѣла семейныя; чѣмъ лучше живутъ между собой женатыя дѣти, тѣмъ вѣрнѣе обеспечивается мирная и отрадная старость родителей. Такъ ли же у васъ идетъ это дѣло—отъ первой мысли о женитьбѣ дѣтей и до самаго вѣнца ихъ? Или, вмѣсто усиленной молитвы, вы лишь и отдаетесь всецѣло заботамъ и хлопотамъ—о пировахъ и угощеняхъ? Не бываетъ ли еще и того что самое вѣнчаніе сопровождается невоздержаніемъ въ питьѣ—до самаго постыднаго безобразія? Конечно вы не скажете что этого не бываетъ. А если такъ,—если усиленная молитва не предшествуетъ женитьбѣ, и самое вѣнчанье идетъ при упившихся довольно, значить всего менѣе способныхъ думать о Богѣ и молитвахъ за сочетающихся бракомъ, то, опять судите и рѣшите сами, благословить ли ихъ Господь своими милостями, отъ которыхъ было бы хорошо въ жизни—и имъ и всей семьѣ? «Просите и дано будетъ вамъ; ищите и найдете, стучите и отворятъ вамъ», сказалъ самъ Спаситель (МѠ. VІІ, 7). А если, вмѣсто прошеній Отца небеснаго, пьянственное безобразіе предшествуетъ свадьбѣ и сопровождаетъ ее,—и гдѣ же еще? въ церкви,—въ мѣстѣ особенно благодатнаго присутствія божія, то что же должно послѣдовать за этимъ поруганіемъ и таинства брака и самой церкви христовой, какъ не гнѣвъ Отца небеснаго? А гдѣ гнѣвъ его, тамъ и всякія бѣды, и всякія скорби.

Далѣе. Единственно прочная основа, единственно несокрушимый союзъ всей семейной жизни—любовь. Тутъ у васъ не нарушается ли божій порядокъ? Всегда ли искренняя чистая любовь соединяетъ мужа и жену? Всегда-ли по полному и ничѣмъ не вынужденному согласію идутъ подъ вѣнецъ женихъ и невѣста? Конечно, вы не скажете, что это соблюдается у васъ всегда, потому что слишкомъ не рѣдко дѣло начинаютъ и рѣ-

шають отцы, случается даже въ нетрезвомъ видѣ, не только не спросивъ на то согласія своихъ дѣтей, даже и не переговоривъ съ ними предварительно о такомъ важномъ дѣлѣ, которое ближе и больше всего касается ихъ самихъ лично; слишкомъ нерѣдко невѣсту принуждаютъ бранью и даже побоями идти за нелюбаго жениха. И тутъ судите сами, добра или зла ждать отъ такой женитьбы какъ для мужа и жены, такъ и для всей семьи? При нелюбомъ мужѣ, будетъ-ли любя мужняя семья? Будетъ ли мило что нибудь во всемъ домѣ? И женщина, которой нелюбо и немилы все въ жизни, будетъ ли заботливой и рачительной хозяйкой? Никогда и никакъ; потому что нѣтъ ничего невыносимѣе какъ трудъ и работа ради лицъ, къ которымъ нѣтъ душевной привязанности. И, безсмысленные, чѣмъ думаютъ поправить дѣло? Ругательствами, преслѣдованіями на каждомъ шагу и побоями, т. е. къ огню подливаютъ масла, и зло, съ самаго начала поселившееся въ женщинѣ, доводятъ до конца, — до неодолимаго отвращенія, до ненависти ко всему въ семьѣ. Дивиться-ли что такія женщины, не видя никакого выхода изъ своего невыносимаго положенія, посягаютъ иногда то на самоубійство, то на отраву и убійство мужей своихъ? Нечему дивиться: человѣкъ въ безвыходно-отчаянномъ положеніи способенъ рѣшиться на все. И кто-жъ главный отвѣтчикъ передъ Богомъ за все страшное и преступное, что бываетъ въ такихъ случаяхъ? Именно тѣ которые устроили такое незаконное дѣло — подневольное замужество; съ отцовъ взыщутся, строго и неумолимо, проступки и преступления, совершенные ихъ неволей выданными дочерьми. Лучше ли дѣло, когда жениху отецъ навязываетъ нелюбую невѣсту? — Нѣтъ, тутъ еще хуже. Женщина въ нелюбой семьѣ не будетъ помощницей въ строеніи семейныхъ дѣлъ; мужчина, при нелюбой женѣ, обыкновенно бросается въ самый омутъ дурной и распутной жизни, и раззоряетъ и губить всю семью; что-жъ до жены съ такимъ

мужемъ, то вся жизнь ея—мука и страданіе отъ постояннаго тиранства мужа. Конецъ тутъ—тоже преступленіе:—мужъ таки вгоняетъ преждевременно въ могилу свою жену, лишь не попадаетъ за то подъ *человѣческой* судъ, потому что человѣческій законъ преслѣдуетъ лишь за убійство ядомъ, топоромъ и т. п., и не имѣетъ возможности услѣдить убійство медленное, долгопродолжающееся, каково тиранство мужа надъ женой. Но лучше ли оттого самому убійцѣ? Безконечно хуже. Преступникъ, съ искреннимъ чувствомъ раскаянія вытерпѣвшій наказаніе за совершенное преступленіе здѣсь на землѣ, можетъ ожидать себѣ помилованія на страшномъ судѣ Господа Бога. Преступникъ, избѣгшій наказанія здѣсь и, что еще хуже, и не сознающій себя преступникомъ, каковы мужа своимъ тиранствомъ вгоняющіе въ могилу своихъ женъ, неизбѣжно, никакими судьбами не отклонимо, будутъ осуждены на страшныя муки Господомъ Богомъ, на такія муки передъ которыми всѣ здѣшнія казни тоже что песчинки передъ цѣлой горой. И тутъ, одинъ-ли замучившій свою жену подвергнется такимъ мукамъ? Нѣтъ, тому же подвергнутся: и отецъ его, навязавшій ему нелюбую жену; и мать его, не воспротивившаяся этому, и всѣ тѣ изъ семьи, которые, за одно съ мужемъ, гнали и мучили несчастную женщину, изъ за мужа и никому не милую, нигдѣмъ не любимую.

Дальше. Всей жизнью, всѣми дѣлами семьи должна заправлять та же любовь, и все должна освящать общая семейная молитва. Это такъ ли дѣлается у васъ? Гдѣ всѣмъ заправляетъ любовь, тамъ неслышны бранныя вопли, ругательныя слова,— а объ дракахъ и говорить нечего; оттуда, какъ говоритъ апостоль, «удалены всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою» (Еф. IV, 31); гдѣ неопустительно совершается семейная молитва, тамъ мысль о Богѣ у всѣхъ въ головѣ, именно мысль о томъ что Богъ не только видитъ дѣло каждаго, но слышитъ каждое слово, знаетъ сокровеннѣй-

шіе помыслы; а оттого все дѣлается по совѣсти; а оттого все идетъ мирно, стройно, къ общей радости всѣхъ. То ли въ вашихъ семьяхъ? Или, напротивъ, вмѣсто любви, у васъ направляетъ внѣшняя сила, т. е. кто постарше и посильнѣе въ семьѣ, тотъ со всѣми обращается какъ съ рабами и невольниками; надъ всѣми самовольничаетъ и самодурствуетъ; ко всѣмъ относится грубо, жестко, какъ мучитель, а не какъ напр. глава семьи? Или, напротивъ, вмѣсто всеосвящающаго имени божія, въ вашихъ семьяхъ слышатся названія темныхъ силъ; ими, этими страшными названіями, клеймите одинъ другаго, къ нимъ отсылаете, — даже вымолвить страшно, дѣтей своихъ? — Скажете ли вы, что всѣ ваши семьи живутъ по первому, а не по второму? — А если сказать этого нельзя, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, то и опять судите сами, — добро или зло должно выходить изъ вашихъ семей? Добро, всяческое добро, только и выходитъ оттуда гдѣ пребываютъ Богъ и любовь; а гдѣ одни самовольничаютъ и самодурствуютъ, а другіе страдаютъ отъ нихъ и, разумѣется, клянуть ихъ за то, и гдѣ, вдобавокъ къ тому, поминаются и призываются темныя силы, тамъ вырабатывается и отсюда выходитъ зло, одно лишь и всяческое зло.

Наконецъ вліяніе и примѣры семейные должны положить въ дѣтяхъ прочную основу къ тому чтобы изъ нихъ вышли *люди*, — т. е. разумныя созданія божія, на все доброе приговоренныя и годныя; бороться со зломъ, которое въ нихъ и во всемъ окружающемъ ихъ, наученныя; словомъ, сознающія, что вся земная жизнь ихъ не больше какъ приготовленіе къ вѣчной жизни съ Господомъ Богомъ. Тутъ все-ли въ вашихъ семьяхъ такъ какъ быть тому слѣдуетъ? Или, напротивъ, дѣти, отъ груди матери и до совершеннаго возраста, видятъ и слышатъ у васъ только то что можетъ испортить ихъ, развратить, приготовить имъ вѣчную гибель? Скажете-ль вы, что ничего такого дѣти не видятъ и не слышатъ въ вашихъ семьяхъ? Скажете-ль

вы, что каждая мать ребенка у вас настолько успокоена и охраняема семейной любовью, что ей не бывает никакого повода раздражаться и злиться, и свою злобу вымѣщать на своемъ ребенкѣ? Скажете-ль вы что, по заповѣди апостола, «отцы, въ вашихъ семьяхъ, не раздражаютъ дѣтей своихъ (жестокимъ обращеніемъ, бессмысленными наказаніями и т. п.) по воспитывають ихъ въ наказаніи и ученіи господнемъ» (Еф. VI, 4)? Скажете-ль вы, что, поученію того же апостола, «никакое гнилое слово не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, чтобы оно доставляло благодать слушающимъ» (Еф. IV, 29); — что дѣти ни отъ кого изъ членовъ семьи не научаются тѣмъ гнилымъ, срамнымъ словамъ, о которыхъ и вспомнить срамно; что они примѣромъ всѣхъ семейныхъ научаются «быть другъ къ другу добрыми, сострадательными, прощать и любить другъ друга, и какъ Богъ во Христѣ простилъ и возлюбилъ всѣхъ насъ» (ф. IV, 32)? Вѣрно не скажете, потому что въ большинствѣ нашихъ семей ничего такого нѣтъ. А послѣ всего этого судите же еще разъ сами, какое можетъ быть добро во всей нашей жизни, во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, частныхъ и общественныхъ, когда въ самой сердцевины всего, — въ семьѣ — цѣлая бездна непроходимаго зла?

Такъ, друзья, чаще и чаще слышатся между нами жалобы — до ропота, что трудно жить намъ; не устаемъ повторять мы: «времена пришли тяжелыя, — просто, хоть не живи». Что такое «времена тяжелыя»? Время, само по себѣ, не можетъ быть ни тяжелымъ, ни легкимъ: оно всегда одинаково. И тѣ условія жизни, которыя не отъ людей зависятъ, тоже всегда одинаковы во все времена. «Отецъ небесный повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Мѡ. V, 45), благъ къ неблагодарнымъ и злымъ» (Лук. VI, 35). Все, главнымъ образомъ, зависитъ отъ людей, т. е. отъ насъ самихъ. Бываютъ времена,

когда люди лучше, т. е. строже и чище исполняютъ божій законъ,—тогда и жизнь идетъ лучше, и все въ жизни идетъ легко, отрадно, за благо. Бываетъ въ такія времена вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ и неразгаданныхъ причинъ,—разныя невзгоды и бѣды посѣщаютъ людей, но они, крѣпко соединенные между собой союзомъ любви, братски дѣлать всякое дошедшее до нихъ горе; а раздѣленное горе—вполовину горе, они дружно, общими силами, несутъ бремя невзгодъ и бѣдъ; а оттого на долю каждаго приходится не больше того сколько онъ въ силахъ нести, не падая духомъ и не доходя до унынія и отчаянія. И терпѣливо переживается все горькое,—и не раздаются жалобы и ропотъ на тяжелыя времена. А то бываютъ такія времена, что люди забываютъ законъ божій, и живя въ похотяхъ сердець своихъ, истину божію замѣняютъ ложью, не заботясь имѣть Бога въ своемъ разумѣ, предаются всякому непотребству, (которое ап. Павелъ описываетъ въ первой главѣ своего посланія къ Римлянамъ, отъ 29 до 31 стиха); знаютъ они праведный судъ божій, что дѣлающіе такіа дѣла достойны смерти, однако, не только ихъ дѣлаютъ, но и одобряютъ. И тяжело приходится тутъ жить имъ, самымъ же людямъ; и что ни дѣлаютъ они, все не на благо, не на радость себѣ; потому что плоды трудовъ своихъ расточаютъ они на удовлетвореніе своихъ похотей, а не употребляютъ ихъ на свои житейскія нужды, на пользу своихъ семей и хозяйствъ. А отсюда гнететъ и давитъ ихъ бѣдность; съ каждымъ годомъ больше и больше одолеваетъ ихъ нищета. Казалось-бы и ничего особеннаго не случилось,—не отяготѣли надъ людьми какія-либо великія бѣды и невзгоды,—а жить приходитъ невыносимо тяжело: не этоли и съ нами теперь, друзья?

Не жаловаться надо на времена, а удалить причины тяжелой жизни, которыя въ насъ самихъ. Главная причина нашихъ житейскихъ тягостей,—въ безпорядкѣ всего строя на-

шей семейной жизни. Здѣсь гнѣзятся самыя лютыя язвы, отъ которыхъ такъ много горькаго приходится намъ терпѣть въ своей жизни частной и общественной. Возьмемъ, для примѣра, хоть платежъ какихъ угодно повинностей. Когда легче это обходится?—Когда трое—пятеро трудятся и работаютъ за едино, при одномъ общемъ хозяйствѣ; или когда всѣ они разобьются по одиночкѣ, съ отдѣльнымъ домомъ и хозяйствомъ для каждаго?—Ясно, для одинокаго не легко содержать лишь семью съ хозяйствомъ; а повинности уже для него тяжесть. Отъ какой же напасти всѣ бѣгутъ въ одиночную жизнь? И было говорено, и повторимъ еще разъ:—отъ дурнаго строя вообще нашихъ семейныхъ дѣлъ. Такъ и все.

Съ семьи, друзья, намъ и нужно начать, если мы не хотимъ чтобы житейскія тягости насъ совсѣмъ задавили. Въ семью намъ нужно ввести всеоживляющій духъ любви и всеосвящающій духъ молитвы; семью намъ нужно утвердить на томъ, никакими бурями и невзгодами несокрушимомъ камнѣ, который зовется правдой и закономъ божимъ:—вотъ, когда мы сдѣлаемъ это, иначе пойдетъ вся наша жизнь и къ лучшему направится чѣмъ какъ идетъ и направляется она теперь. Безъ этого, чтобы ни дѣлали мы сами, чтобъ ни дѣлали ради насъ другіе,—все это будетъ—зданіе на пескѣ; пойдетъ дождь, разольются рѣки, подуютъ вѣтры, налягутъ на зданіе, — и падеть оно, и будетъ паденіе его велико».

2. БРАКЪ.

Изъ семей составляется община (селеніе, городъ); изъ общинъ слагаются общества которыя, въ болѣе или менѣе продолжительное время, перерабатываются въ цѣлое царство. Значить семья—первая основа всякаго общества и всякаго царства. И не люди произвольно выдумали такой законъ, чтобы семья была основой всего,—онъ положенъ Господомъ Богомъ въ самой ихъ природѣ, такъ что ни уклониться отъ этого закона, ни измѣнить его они не могутъ, подъ страхомъ—изъ устроеннаго человѣческаго общества сдѣлать стадо скотовъ.

А если есть такой законъ для составленія общества, то долженъ быть законъ и для составленія самой семьи. И есть онъ; и выражается словомъ—*бракъ*. Такъ, бракъ не выдуманъ произвольно людьми; законъ его лежитъ въ самой сущности человѣческой природы. И существованіе семьи тогда только законно, когда ей предшествуетъ бракъ; вѣдь брака нѣтъ семьи, въ ея истинномъ значеніи. Отсюда важность и святость брака; спасительное вліяніе которое онъ долженъ производить отдѣльно на каждого человѣка, на семьи, и на народы.

«Бракъ у всѣхъ честенъ», говоритъ св. апостоль Павелъ (Евр. XIII, 4). И дѣйствительно во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, которые жили по человѣчески, а не доходили въ своей жизни до степени животныхъ, бракъ пользовался особенно великимъ почетомъ. Вездѣ гдѣ владѣлись первыя основы общества, бракъ стоялъ впереди всего. Вездѣ, гдѣ люди соединившись для общественной жизни, устанавливали для этого законы, бракъ

освящался ими — этими законами. Въ самой глубокой древности, о какой только сохранилась память между людьми, на брак смотрѣли какъ на одно изъ самыхъ главныхъ преимуществъ гражданина и человѣка свободнаго. И чѣмъ выше стоялъ, чѣмъ искреннѣе чтился бракъ въ какомъ-либо обществѣ, тѣмъ крѣпче и несокрушимѣе было его существованіе. А какъ только бракъ начиналъ терять въ немъ свое значеніе и, вмѣсто спасительной семейной жизни, члены его предавались жизни разврата, это общество слабѣло, распадалось и пропало съ лица земли. Такъ, были царства, и не малыя какія-либо, а великія и славныя, и сгибли постыдно они, какъ, напр., римское. Чѣмъ начиналась гибель каждаго? — Развратная жизнь пріучала ихъ не почитать бракъ и жить безъ него, какъ живутъ животныя; за этимъ неминуемо слѣдовало отвращеніе къ семейной жизни; а безъ семейной жизни какая сила могла держать людей въ неразрывномъ единеніи между собой? Какая сила могла воспитать въ человѣкѣ — гражданина, заботящагося о благѣ и будущности общества? Безсемейный человѣкъ въ мірѣ языческомъ былъ какъ звѣрь лѣсной, только и думалъ и заботился объ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей и страстей, во чтобы это ни обходилось другимъ; для него только и было важно — онъ самъ, хоть бы сгибло и пропало все прочее. И порывались, такимъ образомъ, въ царствѣ все внутреннія связи которыми держалось оно; и превращалось это царство, прежде сильное и грозное для другихъ, въ массу ни чѣмъ несплоченную, которую стоило толкнуть по сильнѣе, чтобы она разсыпалась по частямъ, или совсѣмъ разлетѣлась въ прахъ. Вотъ почему законодатели, которые понимали, что всякое человѣческое общество по столько сильно, прочно и можетъ благоденствовать, по сколько на правильныхъ и твердыхъ началахъ устроена въ немъ семья, строгими и точными законами старались обезпечить бракъ. Такъ и должно быть. Больше или меньше почтеніе съ которымъ,

гдѣ бы то ни было, смотреть на бракъ, опредѣляетъ чистоту или растлѣніе нравовъ; а чистота или растлѣніе нравовъ точнѣйшимъ образомъ опредѣляютъ избытокъ или упадокъ внутреннихъ силъ въ обществѣ или въ царствѣ.

Если жъ законы человѣческіе ставили такъ высоко бракъ, то понятно какое мѣсто долженъ занимать онъ въ законѣ божественномъ. Такъ, св. писаніе полагаетъ бракъ краеугольнымъ, т. е. основнымъ камнемъ всего зданія человѣчества. О томъ, какъ составила первая семья на землѣ, было говорено; но этому составленію предшествовало благословеніе Божіе: «и благословилъ ихъ Богъ и сказалъ» и пр. Таково первоначальное и божественное установленіе брака. И въ этомъ благословеніи божіемъ больше—чѣмъ простое соединеніе мужа и жены для распространенія рода человѣческаго:—тутъ врученіе имъ, —имъ обоимъ въ равной мѣрѣ, царственной власти надъ всѣми земными существами. Не прежде, когда Адамъ былъ еще одинокъ на землѣ, и не послѣ, когда цѣль соединенія мужа и жены начала достигаться, но именно въ самую минуту благословенія ихъ на это соединеніе, Богъ сказалъ имъ: «обладайте землею и властвуйте».... Таковъ былъ царственный вѣнецъ, возложенный на первыхъ сочетавшихся бракомъ; таково было и значеніе перваго брака на землѣ. И если впоследствии нечистыя страсти брали силу надъ людьми до совершеннаго растлѣнія ихъ; если отъ язычниковъ ¹⁾ заражался этими страстями и народъ божій (т. е. еврей), то все же среди его не терялось исти-

¹⁾ *Язычники*, по отношенію къ евреямъ, были всѣ народы рѣчь которыхъ для евреевъ была чужда и непонятна. А какъ познаніе и почитаніе истиннаго Бога сохранилось лишь между одними евреями, то въ словѣ—*язычники*, съ понятіемъ—«человѣкъ говорящій незнакомой для еврей рѣчью», соединялось и другое понятіе—«человѣкъ, незнающій истиннаго Бога». Это другое понятіе, т. е. «человѣкъ незнающій истиннаго Бога», и соединилось навсегда съ словомъ *язычники*. По отношенію къ хрістіанству, язычниками могутъ быть названы всѣ не хрістіане.

ное значеніе брака. Не какъ къ чему либо обыденному и простому приступали къ нему, а какъ къ дѣлу чрезвычайной важности, отъ котораго зависятъ не только цѣлое жизненное счастье или несчастье соединяющихся бракомъ, а и вся будущность ихъ семьи. Вотъ какъ напр. Авраамъ женилъ своего сына Исаака. Посылая своего управляющаго сватать Исааку невѣсту, онъ клятвою обязалъ посылаемаго — «не брать его сыну жены изъ дочерей хананейскихъ», т. е. изъ языческихъ дѣвицъ, а найти невѣсту на его родинѣ. Пришелъ посланный на родину Авраама и такъ исполнилъ данное ему порученіе: «остановилъ верблюдовъ ²⁾ внѣ города у источника водъ, подѣ вечеръ, въ такую пору когда выходятъ женщины черпать воду, и сказалъ: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее ³⁾ сегодня на встрѣчу мнѣ, и сотвори милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ. Вотъ я стою у источника водъ, и дочери жителей города выходятъ черпать воду; и такъ сдѣлай, чтобы дѣвица которой я скажу: наклони ведро свое, я напьюсь, и которая скажетъ: пей, я напою и верблюдовъ твоихъ, была та которую ты указуешь рабу твоему Исааку; посему узнаю я, что ты творишь милость съ господиномъ моимъ. Еще не окончилъ онъ этихъ словъ, какъ вышла Ревекка, дочь Вауила: на плечѣ ея было ведро. Она была дѣвица прекрасная видомъ; сошла къ источнику, наполнила ведро свое и пошла вверхъ. Тогда посланный побѣждалъ ей на встрѣчу, и сказалъ: дай мнѣ испить немного воды изъ ведра твоего. Она сказала: пей господинъ мой, и тотчасъ опустила ведро свое на руку свою и напоила его. И

²⁾ Верблюды въ тѣхъ странахъ гдѣ жилъ Авраамъ, и доселѣ замѣняютъ лошадей.

³⁾ Пошли ее,—ту самую невѣсту, которую ты сватъ, Господи, суди моему жениху. Вотъ кому предоставляется избраніе невѣсты—Господу Богу. И кому надеждѣ всего довѣрять это великое дѣло, какъ не всебѣдущему?—А у насъ, у насъ-то какъ это дѣлается?!

когда напоила его, то сказала: я стану черпать и верблюдамъ твоимъ, пока напьются. И тотчасъ вылила ведро свое въ поило, и побѣжала опять къ колодезю почерпнуть, и начерпала всѣмъ верблюдамъ его. Онъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, въ молчаніи, желая уразумѣть, благословилъ-ли Господь путь его, или нѣтъ» (т. е. эта ли самая и есть—суженая, избранная Богомъ невѣста Исааку, и устроится ли дѣло). За тѣмъ посланный спросилъ ее, чья она дочь, и можно ли ему у нихъ остановиться. Радужно отвѣчала она ему: «у насъ много и соломы и корму; и найдется мѣсто для ночлега»; вернулась домой и рассказала о случившемся. Братъ ея Лаванъ посѣвшилъ пригласить къ себѣ незнакомца, и со всѣмъ радушіемъ принялъ его въ своемъ домѣ. Но тотъ не принялъ угощенія и сказалъ: «не стану ѣсть, пока не скажу, что я долженъ сказать». И рассказалъ все: и кто онъ, и за чѣмъ; и какъ онъ молился Господу, чтобы была указана суженая невѣста Исааку и что было за тѣмъ. Послѣ разказа прямо приступилъ къ дѣлу: «и такъ теперь, если вы намѣрены сотворить милость и истину съ господиномъ моимъ, скажите мнѣ; и если нѣтъ,—скажите мнѣ чтобы мнѣ обратиться на право или на лѣво». И вотъ что отвѣчали отецъ и братъ невѣсты: «отъ Господа происходитъ это дѣло; мы не можемъ сказать тебѣ вопреки ни худаго, ни добраго. Вотъ Ревекка передъ тобою, возьми и поди; да будетъ она женою сыну господина твоего, какъ указалъ Господь Богъ. Когда посланный Авраамомъ услышалъ эти слова, то поклонился Господу Богу до земли». Вотъ это—сватовство; безусловное довѣріе всего дѣла Господу Богу! — Но, еще и за всѣмъ тѣмъ, «призвали Ревекку братъ ея и мать, и сказали ей: пойдешь ли съ этимъ человѣкомъ? Она отвѣчала: пойду». Благословили послѣ того и отпустили невѣсту. Женихъ—Исаакъ встрѣтилъ свою невѣсту въ полѣ узналъ все, что сдѣлалъ посланный; и—«взялъ Ревекку, и она сдѣлалась ему женою, и

онъ возлюбилъ ее (Быт. XXIV гл.). Такъ, въ бракѣ прежде всего видѣли Господа Бога, установившаго бракъ: съ молитвой къ Нему, съ крѣпкой мыслию объ немъ и съ крѣпкимъ убѣжденіемъ, что счастливѣе его никто не устроитъ цѣложизненную судьбу жениха и невѣсты, и вели все дѣло—отъ начала до конца. Такое значеніе имѣлъ бракъ и во всѣ времена у евреевъ; лишь «по жестокосердію» этого народа были допущены въ нѣкоторыхъ случаяхъ разводы. Но Господь и Спаситель нашъ, «пришедшій не нарушить законъ (данный Богомъ чрезъ Моисея) и пророковъ, но исполнить», и законъ о бракѣ возстановилъ во всей его первоначальной чистотѣ и цѣлости. «Подошли однажды къ нему фарисеи,—такъ рассказываетъ въ евангеліи, и спросили, искушая его: позволительно ли разводиться мужу съ женою? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: что заповѣдалъ вамъ Моисей?—Они сказали: Моисей позволилъ писать разводное письмо и разводиться. Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: по жестокосердію вашему онъ написалъ вамъ сію заповѣдь. Въ началѣ же созданія, Богъ мужа и жену сотворилъ ихъ. Посему оставить человѣкъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одна плоть. И такъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ» (Марк. X, 2—8). Такимъ образомъ Христосъ Иисусъ въ законѣ о бракѣ отстранилъ все что привнесли въ него страсти и развращеніе человѣческое, и возвратилъ ему первоначальное значеніе; значеніе—не сдѣлки человѣческой, не условнаго сожителства мужчины и женщины, а на вѣки неразрывнаго союза, закрѣпленнаго и освященнаго самимъ Богомъ: «что Богъ сочеталъ того человѣкъ да не разлучаетъ». Послѣ этого, хрістіанскій бракъ, съ настоящей точки зрѣнія, то-же самое что и первый бракъ на землѣ, благословенный самимъ Господомъ Богомъ.

Таково истинное понятіе какое каждый хрістіанинъ долженъ имѣть о бракѣ. Тутъ не простое человѣческое соединеніе

мужчины и женщины для общаго житья и рожденія дѣтей, а соединеніе въ которомъ непосредственное, хоть и невидимое, участіе принимаетъ самъ Господь Богъ; самъ освящаетъ и заврѣпляетъ брачный союзъ; самъ благословляетъ вѣнчающихся. Послѣ этого можетъ ли быть какой бы то ни было человѣческій союзъ — дружбы, любви и т. п., со всѣми ихъ человѣческими заврѣпленіями и клятвами, выше союза брачнаго? Понятно, нѣтъ; потому что ни въ какомъ другомъ союзѣ Богъ не принимаетъ такого непосредственнаго и благодатнаго участія какъ въ брачномъ. Вотъ почему съ такой торжественностью совершается бракъ въ христіанской церкви: всѣ внѣшнія дѣйствія тутъ указываютъ на великую и чудную тайну на вѣки неразрывнаго соединенія мужа и жены однимъ общимъ благословеніемъ Господа Бога и одними общими обѣтованіями.

Самое совершеніе брака, такъ полное благословеній и обѣтованій, будетъ объяснено дальше, а теперь поговоримъ о значеніи этого соединенія мужа и жены — не только въ одну душу, въ одну — нераздѣльную жизнь, но даже «въ плоть едину», которое составляетъ неотъемлемую принадлежность вполне христіанскаго брака.

Въ самой природѣ мужчины и женщины положено неодолимое взаимное влеченіе другъ къ другу; почему такъ? потому что они взаимно восполняютъ другъ друга, по слѣдующему глубокому слову св. апостола Павла: «ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа; потому что какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ чрезъ жену» (Кор. XI, 11, 12). Это значить, что мужчина и женщина, взятые раздѣльно, не составляютъ всего того чѣмъ они должны быть; что ихъ существованіе тогда только полно, закончено, и соотвѣтствуетъ общей цѣли творенія, когда они соединяются во едино посредствомъ брачнаго союза. Не слѣдуетъ отсюда чтобы назначеніе мужчины и женщины внѣ брачной жизни совсѣмъ не достигалось; чтобы они не могли, тотъ

и другая, прославить Бога на землѣ и служить ему вѣрно; чтобы они не могли употреблять во благо и пользу силы и способности, дарованныя имъ Отцомъ небеснымъ; чтобы они не могли спасти свою душу, и даже достигнуть высшей степени святости. Есть избранныя души, которыя самимъ Богомъ предназначены для исключительнаго одиночества. Это тѣ, на которыхъ указываетъ самъ Спаситель въ девятнадцатой главѣ евангелія отъ Матѳея и о которыхъ говорить: «не все вмѣщаютъ слово сіе (о томъ что «лучше не жениться»), но кому дано; кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ» (ст. 10, 11, 12). Для всѣхъ таковыхъ одиночество также свято, плодотворно и спасительно, какъ и супружеская жизнь вполне по закону божію проводимая. И Боже сохрани, унижать достоинство этихъ избранныхъ душъ, или отвлекать тѣхъ которыхъ самъ Богъ призываетъ на этотъ путь, гдѣ встрѣтятъ они цѣлый сонмъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ—съ пресвятой дѣвой Маріей и самимъ Господомъ Исусомъ въ главѣ! Господь Богъ, изъ тысячъ людей отдѣляя единицы на этотъ путь, всегда предназначаетъ ихъ для какихъ нибудь особенныхъ цѣлей; поэтому относиться къ нимъ должно не съ обыкновеннымъ легкомысліемъ человѣческихъ сужденій и приговоровъ, а съ брѣжкой думой о томъ—что всякій необыкновенный путь требуетъ особенныхъ силъ, борьбы и тяжелыхъ подвиговъ; что эти избранныя души вполне возлагаютъ на себя и несутъ крестъ христовъ, къ которому все мы, избранные, приобщаемся лишь отчасти. И все что будетъ говорено дальше объ одинокой жизни, ни которой стороной не касается этихъ святыхъ и благодатныхъ душъ, а относится лишь къ тѣмъ которые, изъ желанія на всей свободѣ предаваться нечистымъ страстямъ, не хотятъ взять на себя тяготы и заботы семейной жизни ⁴⁾.

⁴⁾ Къ истинному несчастію, стремленіе къ изброчной жизни,—не ради высшаго духовнаго совершенства, а именно—ради полной свободы предаваться

Такъ, за исключеніемъ единицъ, призываемыхъ Господомъ на высшій путь духовнаго совершенства, общій законъ для всѣхъ таковъ что брачный союзъ — естественное, самимъ Богомъ законоположенное призваніе мужчины и женщины; что лишь этимъ союзомъ и достигается полнота человѣческаго существованія на землѣ, и приобрѣтается возможность — сдѣлать все то добро въ какомъ человѣкъ способенъ. Что это такъ — убѣдиться въ этомъ не трудно.

Вѣдь вотъ, хоть бы мужчина: казалось бы, онъ ли, съ своими силами, не можетъ наилучшимъ образомъ существовать одинъ, самъ по себѣ? И не случается-ли что понадѣявшись на эти силы, на весь жизненный путь онъ пускается одиногимъ? А между тѣмъ, объ немъ-то, объ мужчинѣ, въ особенности и сказано: «не хорошо быть человѣку одному»; ему прежде всего и понадобилась «приличная помощь». И дѣйствительно, какъ необходима эта помощь мужчинѣ!

Было уже говорено, что дѣятельность мужчины собственно внѣшняя. Чтобы ни предстояло ему въ жизни: имѣть ли дѣло прямо съ природой, — т. е. быть, напр., земледѣльцемъ, или имѣть дѣло съ людьми, — т. е. быть начальникомъ, учителемъ, торговцемъ, промышленникомъ, — чѣмъ бы то ни было, вездѣ, главнымъ образомъ, его работа, его трудъ, его дѣла внѣдомашнія ⁵⁾. Мужчина — по столько и мужчина, по сколько онъ успѣшно ведетъ свои внѣшнія дѣла и ими обезпечиваетъ суще-

даже къ крестьянамъ-земледѣльцамъ пробирается эта страшная язва. Понятно послѣ этого, нужно-ли, и въ какой мѣрѣ нужно разъяснить крестьянамъ все значеніе брачной жизни, всѣ губительныя послѣдствія развратно-одинокой жизни, плотскими страстями, уже проникаетъ у насъ даже въ массы народныхъ. Такъ

⁵⁾ Даже труды кабинетные, въ строгомъ значеніи этого слова, гдѣ человѣкъ работаетъ у себя въ домѣ, еще больше внѣшне-домашнія, чѣмъ какіе бы то ни было; потому что при этихъ трудахъ человѣку уже не до хозяйственныхъ и какихъ бы то ни было домашнихъ дѣлъ.

ствование свое и тѣхъ которые, такъ или иначе, ввѣрены его заботливости. Но такая дѣятельность можетъ-ли наполнить всю его жизнь? удовлетворить всеѣмъ его стремленіямъ и внутреннимъ потребностямъ? Никакъ. Для такой дѣятельности отдаются его тѣлесныя и умственныя силы; но даже и для этихъ силъ требуются убѣжище и пріютъ, гдѣ бы онъ, усталый, а нерѣдко и совсѣмъ измученный, находилъ бы себѣ тотъ ничѣмъ не возмущаемый покой, который одинъ только можетъ возстановить изнуренныя силы ума и тѣла. А еще кромѣ этихъ силъ у человѣка есть сердце, — съ потребностью любви чистой, прочной, искренно раздѣляемой. И этой потребности человѣкъ долженъ находить удовлетвореніе; потому что съ этимъ только человѣкъ и живетъ истинной человѣческой жизнью. И бромѣ всего этого, каждый, живя въ обществѣ человѣческомъ, волея-неволей сталкивается съ другими, — сталкивается въ выгодахъ, въ работахъ, въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ, во всемъ; случается, и нерѣдко, отъ этихъ столкновеній волнуется и раздражается самый тихій и миролюбивый человѣкъ, теряетъ покой, сонъ, здоровье, или, съ наклонностями немиролюбивыми, увлекается желаніемъ — до страсти отплатить, отмстить, сдѣлать всякое зло тому съ кѣмъ произошло непріятное столкновеніе; а отсюда взаимная злоба, случается до ожесточенія, до ненависти, все горькія, а иногда и страшныя послѣдствія которой и не исчислишь. И здѣсь опять необходимо чтобы человѣку взволнованному и раздраженному было гдѣ и съ кѣмъ, какъ говорится, «отвести свою душу», т. е. умирить свои поднявшіяся страсти и не дать имъ разыгаться до вреда себѣ и другимъ. И чтожь, если человѣкъ одинокъ? если у него нѣтъ отраднаго прибѣжища, гдѣ-бъ обновлялись его усталыя силы, гдѣ-бъ въ награду за свой тяжелый трудъ онъ находилъ радость сердечной ласки и несомнѣнной преданности; гдѣ-бъ на его потребность любви отвѣчали полной любовію; гдѣ-бъ отъ

всей души дѣлили съ нимъ всякую житейскую скорбь? Что?! Горька жизнь такого человѣка, и слишкомъ трудно устоять ему чтобы не погибнуть. Когда у человѣка нѣтъ мирнаго и законнаго прибѣжища, онъ чаще всего бьдается на всѣ пути и распутія жизни, отыскивая то—въ чемъ чувствуетъ неодолимую потребность. Пока онъ молодъ, пока силы и страсти кипятъ въ немъ, онъ, случается, бьдается во всѣ крайности порока; а какъ внутри каждаго есть неумолимо-строгий судья, который не позволяетъ безнаказанно идти путемъ беззаконія, и больно грызеть, и неотступно терзаетъ всякаго кинувшагося на этотъ путь, то, чтобы заглушить его, обыкновенно прибѣгаетъ такой къ одуряющему питью. И губить несчастный въ себѣ всѣ божьи дары: умственные и тѣлесныя силы, чистыя влеченія души и сердца; и доходить до того страшнаго положенія когда человѣкъ дѣлается хуже животнаго. Спрашивать ли о томъ съ чѣмъ онъ явится на божій судъ, который неумолимо потребуетъ отчета и за всѣ дары, и за каждую минуту убитой на распутство жизни? Случается, особенныя условія и обстоятельства жизни не позволяютъ дойти иному до такого страшнаго конца: послѣ безпутно проведенной молодости, человѣкъ, какъ говорится, «остепеняется». Случается, иной стѣсненный разными преградами, помимо своей воли, не попадаетъ на широкую дорогу порока, и не гибнетъ въ открытой и позорной безднѣ. Но лучше ли для него, чѣмъ для навшаго окончательно? Не многимъ развѣ лучше. Широкая и узкая, открытая и всячески прикрываемая дорога порока, всущности, одно и то-же. Главное, во всѣхъ таковыхъ на чисто гибнетъ то что составляетъ цѣну и красу человѣческой жизни, что служить единственно-неразрывной связью всѣхъ человѣческихъ отношеній, что приближаетъ человѣка къ Богу,—любовь; гибнетъ даже возможность любви. Потребность чистой, святой любви сильна въ годы молодости; удовлетворяемая путемъ правильнымъ и закон-

нымъ, она растетъ и расширяется въ человѣческомъ сердцѣ и, наконецъ, обнимаетъ все существо человѣка, до того что дѣлается главнымъ закономъ всей его жизни и дѣятельности. Подъ вліяніемъ-то такъ разившейся любви и совершаются всѣ подвиги добра и самоотверженія, по отношенію къ своимъ и чужимъ, ближнимъ и дальнимъ, которые служатъ самымъ чистымъ источникомъ высшихъ наслажденій и радостей человѣческой жизни. Не то бываетъ съ тѣми которые, вмѣсто того, чтобы охранять чистоту жизни, кидаются на пути беззаконія. Пусть рано или поздно, по своей волѣ или по внѣшней необходимости, они и оставляютъ эти пути; пусть даже, вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ причинъ, они дѣломъ, и всегда были чужды ихъ; но главное, неодолимое стремленіе къ любви чистой въ нихъ заглушено и задавлено. Вмѣсто этого въ нихъ развивается любовь къ себѣ,—къ себѣ и ни къ кому больше; то дикое себялюбіе, которое глухо и слѣпо ко всякой чужой жизни, полна ли эта жизнь всяческихъ скорбей и страданій, или можетъ подарить и радости принявшему въ ней участіе. Чѣмъ дальше идутъ годы таковыхъ, тѣмъ больше черствѣетъ въ нихъ сердце и наконецъ превращается въ камень; тѣмъ мельче и уже дѣлается душа, всецѣло подчиняясь или бѣсцелности и тщеславія, или бѣсу скряжничества и собиранія денегъ всяческими способами. И чѣмъ и какъ всегда оканчивается такая неполная и изуродованная жизнь? Невыносимой пустотой нибѣмъ не раздѣляемаго одиночества; тяжкими муками за прожитую бесплодно жизнь; тоской до отчаянія отъ всеобщаго отчужденія. И нужно видѣть послѣднія минуты земной жизни такихъ, чтобы понять всю горечь послѣдняго расчета за то что прошло для нихъ невозвратно и невознаградиво: ни на чьемъ лицѣ не вида слезы искренняго участія къ ихъ тяжкимъ мукамъ смертельнаго боренія, они, случается, съ проклятіями испускаютъ свой послѣдній вздохъ.

Совершенно иначе идутъ жизнь и дѣла у человѣка который, въ брачномъ союзѣ, получилъ себѣ отъ Бога жену по сердцу. Въ ея сердечной преданности, въ ея каждоминутной готовности — дѣлать съ нимъ всякій трудъ, всѣ тяготы жизни, въ ея никогда неусыпающей заботливости — доставлять ему, усталому и истомленному, покой, онъ находитъ себѣ ту опору и поддержку въ которыхъ самые сильные и вѣрнѣе имѣютъ нужду. Убѣжденный что она для него тотъ единственный на землѣ другъ для котораго его благо, его спокойствіе и счастье если не больше, то и не меньше дороги чѣмъ для него самаго, онъ не медлитъ передавать ей все то тяжелое и возмущающее жизнь что пришлось ему встрѣтить за порогомъ домашнимъ, и не напрасно: женскій умъ, который лучше многихъ и вѣрнѣе думъ, всегда находитъ возможность если не снять, то облегчить всякую тяжесть души, утишить и успокоить всякую тревогу и боль сердца. Побѣжитъ ли онъ изъ подъ домашняго крова въ пріюты безобразія и беззаконія? Нѣтъ причины бѣжать ему: бѣгутъ оттуда гдѣ холодно, пусто, непріятно и непривѣтно; бѣгутъ искать забвенія отъ нераздѣленной ни съ кѣмъ тоски, и т. п.; ему отъ какой напасти бѣжать и чего искать? Его душевныя потребности удовлетворяются тѣмъ тихимъ, чистымъ, законнымъ способомъ который доставляетъ человѣку высшее благо на землѣ — миръ души и спокойствіе совѣсти. Отъ этого, домашній кровъ, для того у кого подъ этимъ кровомъ любимыя жена и дѣти, не отталкиваетъ отъ себя, а влечетъ неодолимой силой; потому что тутъ только человѣкъ и чувствуетъ ту отрадную полноту своего существованія, какой не доставятъ ему ни весь міръ и ни что въ мірѣ, ни всѣ его собровища, ни всѣ его блага, ни всѣ его, такъ называемыя, наслажденія, — въ самой основѣ которыхъ лежатъ «суета и крушеніе духа». Отсюда и сложилась народная поговорка: «хозяинъ въ своемъ дому — что Адамъ въ раю», т. е. хозяинъ въ своей семьѣ

окруженъ той благодатию мира, покоя и чистыхъ радостей, какими наслаждался первый человекъ, когда отъ самаго Бога получилъ себѣ жену и еще не преступилъ заповѣди божіей. Сюда ли такая жизнь не будетъ влечь человека, если только не изуродованы его влеченія и потребности? Но что выше и важнѣе всего, такая, и только такая жизнь—несокрушимая преграда противъ человѣческаго себялюбія, которое превращаетъ человека въ бездушный чурбанъ. Тутъ человекъ хорошо понимаетъ что кромѣ его собственнаго счастья есть еще счастье другого лица, за которое лежитъ на немъ отвѣтственность передъ людьми и передъ самимъ Богомъ; или вѣрнѣе, что его личное счастье—единое и нераздѣльное со счастьемъ жены и дѣтей. Отсюда его думы и заботы уже не столько останавливаются на немъ самомъ, сколько переходятъ на эти любимыя лица, и доходятъ наконецъ до той степени самоотверженія, когда человекъ, ради блага, покоя и счастья своей семьи, забываетъ себя и все что относится только къ нему одному. Вотъ это-то и даетъ человеку ту несокрушимую бодрость которая не боится никакихъ работъ и трудовъ, ту крѣпость духа съ какою онъ борется съ житейскими невзгодами, неудачами и преткновеніями и побѣждаетъ ихъ; это-то и возвышаетъ его душу, очищаетъ и усовершенствуетъ его нравственныя свойства, даетъ больше цѣнности всей его жизни. Отсюда-то и получаетъ мужчина все что есть въ немъ лучшаго, что неразрывно связываетъ его съ ближними, дѣлаетъ его лучшимъ членомъ всякаго общества, и что приближаетъ его къ Богу. Да, для одинокаго себялюбца нѣтъ надобности ни до настоящаго ни до будущаго того общества, къ которому принадлежитъ онъ:—что ему, хоть все и совсѣмъ пропади?! Прожить бы ему спокойно и привольно,—объ этомъ вся его забота. Но для семьянина слишкомъ важно чтобы благоденствовала и процвѣтала его община, потому что отъ этого зависитъ и настоящее благоденствіе любимыхъ имъ

лицъ, и вся будущность его дѣтей, внуковъ, всего потомства. Отсюда идутъ — его заботливость о благѣ ближняго, соеѣда, всякаго члена общины; его готовность помогать имъ вслучаѣ нужды, словомъ и дѣломъ. А любящее сердце жены, которое вообще стремится къ безконечной любви, т. е. къ Богу, сильнѣе чѣмъ сердце мужчины, хоть и созданнаго по образу божію, но такъ часто забывающаго свое божественное начало, не можетъ не увлекать къ тому же и мужа; не можетъ не привлекать его, напр. къ молитвѣ, когда душа ея полна радостью или горемъ и т. п. Да, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію; душа женщины неодолимо влечется къ Богу и ко всему божественному. Съ нею, даже ничему неученой, безграмотной, загрузѣвшей отъ тяжкой и скорбной жизни, но лишь неразвращенной, стоитъ заговорить о чемъ либо «отъ божества», чтобы она вся, всѣмъ сердцемъ и мыслию, отдалась слушанію отрадной для нея рѣчи, забывая при этомъ и всѣ свои тяготы, и всѣ свои горя. А узнать — и не передать другимъ; а вѣровать — и не привлекать къ своему вѣрованію другихъ, особенно близкія лица — мужа и дѣтей, это уже не въ свойствахъ женщины. Вотъ почему, если есть у насъ гдѣ-либо истинно благочестивыя семьи, то это дѣло — жены, матери, а никакъ не мужа или отца, которые сами требуютъ чтобы ихъ, такъ или иначе, привлекали ко благочестію; а вѣтъ же вѣрише и успѣшнѣе можетъ дѣлать это какъ не любящая и любимая жена? «Вы, жены, говоритъ апостоль, повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ, безъ слова, приобрѣтаемы были (1. Петр. 111, 1). Вотъ на кого, — на женъ, апостоль возлагаетъ обязанность — привлекать ко Христу тѣхъ мужей на которыхъ не дѣйствуетъ слово проповѣди! Такъ, упрямство мужчины — измѣнить въ себѣ что-либо дурное и вести жизнь по божьему закону, несклоняющееся ни передъ какимъ словомъ поученія, вразумленія, вообще

проповѣди, только и можетъ склониться передъ вліяніемъ любящей жены. Вотъ почему, какъ говоритъ премудрый, кто «найдетъ добрую жену, — цѣна ея выше жемчуговъ» (Притч. XXXI, 10), потому что съ нею «найдетъ онъ счастье, и получить благодать отъ Господа Бога» (Притч. XVIII, 22); потому что добрая жена-вѣнецъ мужу своему» (Притч. XII, 4). Да, поистинѣ счастливы тотъ кому Господь даровалъ «помощь приличную ему»: съ нею только можетъ пройти жизнь его именно такъ какъ должна она пройти у существа разумнаго и назначеннаго для вѣчнаго существованія. Но-кому Господь даровалъ!

Если мужчина восполняется и дѣлается лучшимъ въ брачной жизни, то чтожь сказать о женщинѣ, во всемъ много слабѣйшей его, хоть и назначенной быть ему помощью?

То—что призваніе женщины, по преимуществу, къ этой жизни. И опять-таки нельзя сказать чтобы тутъ не было, и даже не должно было быть многочисленныхъ исключеній. Сердце женщины—такой богатый источникъ любви и самоотверженія, что всегда и вездѣ найдетъ себѣ дѣло угодное Богу и полезное людямъ; вездѣ пробьется, какъ благодатная роса, прирожденная ей потребность—служить во благо другимъ, быть именно, «приличной помощью»—родной семьѣ или даже чуждымъ лицамъ *). Это не мужчина котораго одиночество не рѣдко дѣ-

*) Въ крестьянствѣ одиночныхъ дѣвицъ, или, такъ называемыхъ незамужницъ много. Большею частію найдуть замуж по собственному желанію, съ цѣлью «спасенія» (отчего и называются «спасеницами») не понимал, что подвигъ семейной жизни—вѣрный путь къ спасенію души. Почти всѣ такія—грамотницы, хоть случается и плохія, оттого что грамотность достается имъ самоучкой, и книги для чтенія, кромѣ псалтыря и святцевъ, онѣ почти не читаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не выходятъ изъ родной семьи, и весь свой трудъ и все свое время отдають на пользу семьи, — это самыя лучшія изъ нихъ, и особенно тѣ которыя зимній досугъ свой посвящаютъ на ученіе дѣтей грамотѣ. Другія строятъ себѣ отдѣльныя избышки и по двѣ и по три живутъ вѣстъ (такъ и называются «вельницами»). Бываютъ и изъ этихъ, которыя ведутъ строгую хрістіанскую жизнь; но чаще всего онѣ удаляются отъ надзора семейнаго затѣмъ чтобы втихомолку предаваться распутной жизни. Хуже всего то что онѣ стараются увлекать на

ласть одеревенѣлымъ себялюбцемъ; напротивъ женщина, если только она не испорчена и не изуродована какой-либо особенной общинной жизнью, и не засохла отъ неудовлетворенной жажды замужества, до конца своей жизни всѣ свои силы, всю свою дѣятельность посвящаетъ на служеніе ближнимъ, довольствуясь, для своей одиночной жизни, только тѣмъ чтобы какъ-нибудь просуществовать, т. е. имѣть насущный хлѣбъ и одежду. Но, какъ сказано, это исключенія. А здѣсь идетъ рѣчь не объ исключеніяхъ, а объ общемъ законѣ; общій же законъ для женщины—брачная жизнь. Подобная тѣмъ выющимся растеніямъ (въ нашихъ странахъ, напр. хмѣль, въ южныхъ виноградъ, и т. п.), которыя достигаютъ своего полного роста лишь при поддержкѣ тычины, она имѣетъ нужду, чтобы безопасно пройти жизненнымъ путемъ, въ поддержкѣ и опорѣ. Рожденная для мирныхъ трудовъ домашней жизни, она съ самаго раннего возраста уже выказываетъ влеченіе именно къ этому рода дѣятельности: ребенкомъ, возясь съ кублами, она видитъ въ себѣ хозяйку своей кубольной семьи. Такъ, еще ничего не понимая изъ житейскихъ дѣлъ, она чувствуетъ и выражаетъ что почва домашней дѣятельности собственно ей принадлежитъ, ея призваніе и прямое назначеніе всей ея жизни. И вообще цѣли и стремленія женщины не идутъ

свой путь другихъ дѣвицъ въ пору самой ранней молодости ихъ, лѣтъ 13—15. Изъ нихъ набирается «странники», это самая худшія. Бродяжничеству по монастырямъ приучаетъ ихъ въ неодолимой лѣни, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ стремленіи пить и ѣсть послатце, разумѣется на чужой счетъ. Ради этого, набравшись и наслушавшись отъ спутниковъ своего бродяжничества — «странниковъ», разныхъ самыхъ вопіющихъ нелицностей, о никогда небывавшихъ, напр. чудесахъ, гласахъ и т. п. и развода все это собственными бреднями, которыя мало даже назвать «сверными бабьими баснями, которыхъ апостолъ заповѣдуетъ отвращаться» (Тим. IV, 7), онѣ морочатъ легковѣрное и доверчивое крестьянство, обираютъ его безпощадно и нагло. Вотъ почему народу нужно взять всѣ мѣры—не пускать своихъ дочерей на этотъ погибельный путь и вообще уничтожить этихъ бродягъ, объѣдающихъ и обирающихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, губящихъ его.

далеко; «влеченія ея, по слову св. писанія, къ мужу» и къ семьѣ. Въ ней есть прирожденное и очень вѣрное чутье того что она мало можетъ выиграть и все потерять, выходя изъ этого внутренняго, домашняго круга для котораго она создана; отсюда-то такъ и сильна въ ней потребность—законнымъ и прочнымъ путемъ войти въ этотъ кругъ, т. е. потребность замужества. Здѣсь-то и развиваются въ ней, удобіе и польза чѣмъ гдѣ-нибудь, всѣ тѣ свойства, которыя составляютъ особенность ея пола.—Здѣсь раскрывается ея способность—зорко слѣдить за всѣми мелочами жизни, и употреблять ихъ въ дѣло и пользу; способность которую она получила отъ природы и которая едвали не дороже другихъ способностей, потому что, если всмотрѣться въ дѣло хорошо, мелочи-то житейскія, главнымъ образомъ, и устриваютъ или разстроиваютъ спокойствіе и благосостояніе каждаго. Здѣсь вполнѣ проявляется ея сила любви—этотъ чудный даръ божій, за который такъ справедливо женщина считается вѣнцомъ творенія, и который всему, что ни дѣлаетъ она, сообщаетъ особенную привлекательность и цѣну. Здѣсь научается она считать своимъ лучшимъ «украшеніемъ—не вѣшнее плетеніе волосъ, не уборы и наряды въ одеждѣ, а нетлѣнную красоту кроткаго и молчаливаго духа, что такъ драгоцѣнно передъ Богомъ» и людьми (1 Петр. III, 4); а скромность, цѣломудріе, дѣла добрыя (1 Тим. 11, 10). Здѣсь каждодневно, самымъ дѣломъ, усовершенствуется она въ этихъ добродѣтеляхъ—скромныхъ, часто совсѣмъ незамѣтныхъ для чуждаго глаза: но тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что онѣ-то и привлекаютъ благодать божію на семью (1 Петр. III, 4), ими-то и держится миръ, а слѣдовательно благосостояніе семьи. Здѣсь, наконецъ, она сознаетъ свое достоинство—женщины, свою цѣну передъ Богомъ и святое назначеніе вѣренное ей; назначеніе—любви и мира, назначеніе подвиговъ терпѣнія и самоотверженія; назначеніе, на обыкновенный человѣческій глазъ, не блестящее,

но тѣмъ не менѣе, такое, ни выше, ни славнѣе, ни плодотворнѣе котораго нѣтъ на землѣ. И какже слѣпы, бессмысленны и несчастны тѣ которыя не хотятъ довольствоваться этимъ, самимъ Богомъ указаннымъ, назначеніемъ женщины? которыя сами, по доброй волѣ, выдаются на путь, такъ часто опасный, а часто и совсѣмъ гибельный, незамужней жизни?— «Не всѣмъ же выходить судьба—быть замужемъ; иныя и по неволѣ не выходятъ,—не берутъ.» Невольное незамужество—иное дѣло. Тутъ, значить, самъ Богъ указываетъ иное назначеніе, иной подвигъ,—служеніе, напр., своимъ или даже чужимъ, которые безъ этого могли бы остаться въ старости, въ болѣзняхъ, безъ всякой помощи и т. п.; тутъ, значить, самъ Богъ удаляетъ отъ семейной жизни или по неспособности къ ней, или потому что въ ней не нашлось бы ничего, кромѣ непроходимаго горя и т. д. Но не о такомъ незамужествѣ и не о такихъ незамужнихъ рѣчь.—А рѣчь о тѣхъ которыя произвольно,—да еще, случается, въ годы такой молодости когда и понятія-то ни о чемъ житейскомъ не составилось путнаго, обрекають себя на незамужество; ужели онѣ, жалкія и несчастныя, воображаютъ что произвольно выбираемый ими путь угоднѣе Богу того, который самъ онѣ назначилъ?—Нѣтъ нужды говорить о тѣхъ которыя, начавши «спасеніемъ», разумѣется на словахъ, на самомъ дѣлѣ идутъ путемъ распутства,—явнаго или тайнаго все равно, обыкновеннаго или такого, о какомъ упоминается въ первой главѣ посланія къ Римлянамъ (ст. 26),—ихъ вѣчная гибель не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: думая прикрыться одеждой и названіемъ (всѣ «спасенницы» ходятъ въ черномъ платьѣ и особеннаго покроя), онѣ, кромѣ всего прочаго, служатъ только соблазномъ для другихъ; а самъ Спаситель сказалъ: «горе тому чрезъ кого соблазны приходятъ; лучше было бы ему еслибъ мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и бросили его въ море, нежели онѣ соблазнилъ кого-

либо» (Лк. XVII 1, 2). Положимъ что изъ сотенъ такихъ найдутся единицы, которыя чисто проведутъ свою жизнь; ужели думаютъ онѣ что передъ очами божими станутъ выше жены и матери, которыя свято выполнить Богомъ законоположенное для женщины назначеніе?—Но на страшномъ судѣ божіемъ выше станутъ тѣ которыя больше совершили на землѣ подвиговъ—именно во благо ближнимъ. *Превосходнѣйшій путь*, высшій всѣхъ подвиговъ, высшій даръ пророчества и чудотворній, высшій евангельскій нищеты и даже мученичества, по указанію апостола, *путь любви* (1 Кор. XIII, 1—5); ктожь совершениѣ идетъ этимъ путемъ, какъ не мать?—Обыкновенно такія указываютъ на седьмую главу перваго посланія къ Коринтянамъ въ которой, между прочимъ, апостоль говоритъ: «есть разность между замужнею и дѣвицею; незамужняя заботится о господнемъ, какъ угодить Господу, чтобыбыть святою и тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу» (ст. 34, 33). Такъ. Но, прежде всего, тотъ же апостоль говоритъ: «относительно дѣвства, я не имѣю повелѣнія господня, а даю совѣтъ» (ст. 26), а брачная жизнь законоположена самимъ Господомъ Богомъ. Кромѣ того, рѣшительный выборъ между замужествомъ и незамужествомъ относится къ *зрѣлому возрасту* дѣвицы (ст. 36), когда родители безошибочнѣе могутъ взвѣснить, опредѣлить и рѣшить ея призваніе. Важнѣе же и необходимѣе всего,—каждой такой долго и глубоко должно вдумываться въ первые два стиха этой-же главы посланія, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на одиночную жизнь.

О значеніи для женщины, въ дѣлѣ спасенія, чадородія будетъ иная рѣчь. Здѣсь замѣтимъ только что, по слову апостола, «чадородіе» одно изъ средствъ спасенія для нея (1 Тим. 11, 15). Но, такъ какъ брачная жизнь не всегда сопровождается этимъ благословеніемъ божимъ, то, и независимо отъ него, эта жизнь, сама по себѣ, совершенно достаточна чтобы

доставить женщинѣ, равно какъ и мужчинѣ, ту цѣну, и тѣ совершенства которыя трудно приобрести имъ гдѣ-либо внѣ этой жизни. Да, лишенный даже этого высшаго благословія божія, бракъ все-таки для того и другаго пола сколько источникъ истиннаго счастья, столько же и неоцѣненное училище нравственнаго улучшенія и освященія: лишь въ этомъ неразрывно тѣсномъ союзѣ сглаживаются и прирожденно-дивія проявленія животной природы человѣка и уродливости воспитанія и всѣ тѣ шероховатости и жесткости характера которыя развиваетъ одиночная жизнь. О, да будетъ благословенно Богомъ и людьми это святое единеніе, которое образуетъ изъ двухъ душъ одну душу и изъ двухъ жизней одну жизнь! Да будутъ благословенны мужъ и жена, которые безраздѣльно несутъ все что пошлетъ имъ въ жизни Господь Богъ, — и скорби и горя, и радости и утѣшенія; которые во всемъ служатъ одинъ другому поддержкой, примѣромъ и крѣпкой опорой; у которыхъ единеніе любви до того неодолимо крѣпко что они въ самой смерти видятъ лишь временную разлуку, за которой послѣдуетъ радостное воссоединеніе на всю вѣчность.

Скажете, быть можетъ, друзья: все это прекрасно; да гдѣ жъ все это на дѣлѣ? на дѣлѣ чаще всего можно видѣть и слышать что брачное единеніе считаютъ самымъ тяжелымъ бременемъ жизни, на которое жалуются и плачутся, которое, случается даже, клянуть. Да, несчастію, въ вашихъ словахъ не мало правды. Есть брачныя соединенія, благодатныя и благословенныя, которыя сопровождаются миромъ и счастьемъ цѣлой жизни; и есть такія въ которыхъ отъ начала до конца разладъ, раздоры, всяческое зло; и такихъ въ жизни найдется больше—чѣмъ благодатныхъ и благословенныхъ.—Все это такъ; но дѣло въ томъ: въ комъ и въ чемъ причина несчастныхъ браковъ?—По чьей винѣ брачное соединеніе не всегда сопровождается спасительными вліяніями на соединенныхъ, не ве-

детъ къ ихъ благу и счастью;—напротивъ отравляетъ жизнь того или другой, или обоихъ вмѣстѣ? Въ божескомъ ли законоположеніи тутъ вина, или виноваты сами люди?—Вотъ это, друзья, и нужно обсудить строго—по совѣсти.

Вина ли законоположенія, если этимъ дѣйствіемъ, самымъ важнымъ и торжественнымъ изъ всей жизни человѣка, заправляютъ не разумъ и сердце, какъ бы слѣдовало, а расчеты почти всегда такіе же, какіе бываютъ у торгаша, барышника, нерѣдко даже съ разными продѣлками при этомъ?... Если брачный союзъ, вмѣсто того чтобы быть благословеннымъ единеніемъ двухъ лицъ, съ чистымъ, сердечнымъ влеченіемъ одного къ другому, часто не больше какъ сдѣлка денежная, хозяйственная, случается—подъ нетрезвую руку; сдѣлка, въ которой соединяемые или не принимаютъ ни какого участія, или, что и того хуже, сами назначаютъ условія сдѣлки—съ торговлей, съ уступками и т. п.? Что все это, если не попраніе божескаго закона, по которому разумная любовь должна лечь въ основѣ всего этого дѣла?—Вина ли законоположенія, если мужъ и жена, передъ Богомъ и людьми обязавшіеся принадлежать безраздѣльно, сердцемъ и душой, одинъ другому, и на столько не обнаруживаютъ взаимнаго расположенія, терпѣливости, снисхожденія, духа мира и кроткой общительности, сколько каждый изъ насъ обязанъ имѣть ко всѣмъ вообще? Если мужъ, главнѣйшая обязанность котораго—любить свою жену всей крѣпостью любви и, во имя этой любви, быть ей цѣложизненнымъ покровомъ и защитой, обращается съ нею такъ холодно и равнодушно, какъ не обращаются между собою и просто родственники, или позволяетъ себѣ столько жестокости и грубости, столько насилія и буйства, сколько онъ не посмѣетъ себѣ позволить и по отношенію къ чужимъ? если жена, непреложная обязанность которой по чувству любви и преданности повиноваться мужу, чтить въ немъ главу свою и всей семьи, хлопо-

четь лишь о томъ чтобы исполнялись ея капризы, чтобы ничто не стѣсняло ея своеволія, ни что не мѣшало распоряжаться собой и всѣмъ въ семьѣ, какъ только ей взбредетъ въ голову? если оба они, и мужъ и жена, обязанные быть одинъ для другаго примѣромъ доброй, истинно хрістіанской жизни,—служать, напротивъ, одинъ для другаго непрестаннымъ соблазномъ безпорядковъ, невоздержанія, всякаго зла и нестроенія?

Но нужно ли вычислять всѣ дурные плоды, какіе зерно растлѣнія прививаетъ къ этому святому законоположенію? И ктожь можетъ не видѣть что не въ немъ, не въ законоположеніи, вина этого? Кто можетъ не видѣть что брачное единеніе, устроенное и продолжаемое безъ всякой мысли о Богѣ и его святомъ законѣ, а такъ, какъ говорится, зря, какъ какое нибудь обыденное человѣческое дѣло, не можетъ ничего больше нести съ собою, кромѣ скорби, горя, раскаянія и даже проклятій? Всякое нарушеніе божьяго закона само въ себѣ несетъ и наказаніе: не такъ какъ Богъ заповѣдалъ соединились на всегда мужъ и жена, и ничего не будетъ, и не можетъ быть ни для нихъ, ни для ихъ семей, бромѣ бѣдъ, горя и всякаго зла.

Да, если бракъ не приноситъ съ собою всѣхъ добрыхъ плодовъ своихъ, а несетъ лишь терпкіе и горькіе, то, главнымъ образомъ, это происходитъ оттого что не съ тѣмъ благоговѣйнымъ почтеніемъ смотрятъ на него, съ какимъ долженъ смотрѣть истинный хрістіанинъ. Бракъ по преимуществу дѣло божіе: «Богъ сочетаваетъ» мужа и жену, по слову Спасителя (Мт. XIX. 6). Ктожь тутъ долженъ быть впереди всего, о комъ нужно думать, кого просить, съ чьей волей сообразоваться? Ясно,—начало, продолженіе и конецъ всего дѣла — Господь Богъ, его благая воля, его святой законъ. Не выполняется это; идутъ впереди всего расчеты и сдѣлки, самодурство отцовское и вообще злоупотребленіе родительской властью, или разныя нечистыя побужденія со стороны жениха и невѣсты,—ну, и казнятся за то цѣлую жизнь; да еще на бракъ сѣтуютъ, его

дерзають унижать, называя оковами и еще худшими словами. Т. е. къ одной винѣ прибавляютъ новыя преступленія: извративши законъ божій, стараются совсѣмъ уничтожить его и попрасть, забывая, что Богъ и его святой законъ безнаказанно поруганы не бываютъ.

Не такъ, друзья, должны ити эти дѣла. Изъ всѣхъ чтимыхъ нами дѣлъ, наиболѣе чтимымъ долженъ быть, по слову апостола Павла, бракъ. (Евр. XIII, 4.). Вотъ послушайте, съ какою торжественностью, съ какой полнотой благожеланій и благословеній совершаетъ его святая церковь, и вы поймете что будь тутъ все, какъ слѣдуетъ быть, по божескому законоположенію, то бракъ былъ бы самымъ чистымъ, самымъ полнымъ, во всю жизнь неизсякающимъ источникомъ радостей и счастія какія только возможны на землѣ.

Выпишемъ здѣсь нѣчто изъ «Послѣдованія вѣнчанія», потому что едва ли кто изъ православныхъ имѣетъ объ немъ настоящее понятіе¹⁾. Разумѣется, выпишемъ на русскомъ языкѣ, чтобы были понятны не только смыслъ, но и каждое слово этого торжественнаго и важнаго дѣйствія.

¹⁾ И какъ имѣть объ немъ понятіе кому бы то ни было изъ православныхъ — съ верха до самаго низу?—Изъ всѣхъ священныхъ дѣйствій ни при одномъ не допускается у насъ такого безобразія, какъ именно при этомъ. Въ селахъ, въ городахъ, даже въ самыхъ столицахъ «посмотрѣть на свадьбу» собираются толпы всякаго люда, и съ такимъ шумнымъ безчестіемъ стоятъ въ церкви, какое можно видѣть только въ шинкахъ и трактирахъ; до того — что какъ ни толково, какъ ни внятно читалъ бы священникъ эти прекрасныя молитвы, въ двухъ шагахъ отъ него нельзя слышать ничего. Оттого они и пропадають безслѣдно, не проповѣда никакого, ни даже въ большинствѣ, на самыхъ вѣнчающихся, вліянія. Странно, какъ доселѣ терпится такое уничиженіе самаго торжественнаго дѣйствія. Говорятъ: «ничего не похѣлаешь, какъ набьется такая масса, въ которой есть и пьяные и всякіе». А зачѣмъ пускаться въ церковь? Зачѣмъ за нѣсколько часовъ до свадьбы въ ней, отверстой, толчется этотъ людъ, безъ малѣйшаго преувеличенія, точь-въ-точь какъ на торжищѣ? Грѣшныя люди, — всю вину этого имъ приписываемъ священникамъ, не желающимъ сообразить того что допущеніе «смотреть на свадьбу», какъ на потѣшное зрѣлище, при которомъ всякій можетъ держать себя какъ только захочетъ, одна изъ самыхъ главныхъ причинъ — неуваженія православными брака даже какъ таинства.

Послѣдованіе вѣнчанія.

«Имѣющіе вѣнчаться входятъ въ храмъ съ зажженными свѣчами. Имъ предшествуетъ іерей съ кадиломъ и съ пѣніемъ 127 псалма. При каждомъ стихѣ псалма клиръ и народъ возглашаютъ: слава себѣ Боже нашъ, слава тебѣ, — слѣдующимъ образомъ:

Слава тебѣ Боже нашъ, слава тебѣ, — блаженъ всякъ боящійся Господа. Слава тебѣ Боже нашъ, слава тебѣ — ходящій его путями» и т. д.

Вотъ весь этотъ псаломъ: «Блаженъ всякъ боящійся Господа, ходящій его путями. Ибо ты вкусишь отъ трудовъ рукъ своихъ. Блаженъ ты и благо тебѣ! Жена твоя, какъ плодоносная лоза, посреди дома твоего; сыны твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ стола твоего. Вотъ такъ благословится человекъ, боящійся Господа, благословитъ тебя Господь съ Сіона, и увидишь благословеніе Іерусалима во все дни жизни твоей; увидишь сыновъ у сыновъ твоихъ. Миръ Израилю».

Затѣмъ іерей говоритъ (т. е. долженъ говорить) сочетавающимся «поучительное слово», объясняя имъ значеніе брачнаго единенія и обязанности брачной жизни. По окончаніи его онъ спрашиваетъ, — сначала жениха»: имѣешь ли ты, NN, доброе и невынужденное намѣреніе, и твердую мысль — взять себѣ въ жену вотъ эту, NN, которую здѣсь видишь передъ собою? (Все отвѣты жениха и невесты должны быть ясны, тверды, т. е. вполне сознательны, съ безусловнымъ устраненіемъ нелѣпныхъ подсказываній: «говори — имамъ и пр.

«Не далъ ли ты обѣщанія другой невѣстѣ?»

Потомъ невѣсту: «имѣешь ли доброе и невынужденное намѣреніе и твердую мысль—поступить въ замужство вотъ за этого, NN, котораго видишь здѣсь передъ собою?»

«Не обѣщались ли другому жениху?»

За удовлетворительнымъ отвѣтомъ обоихъ, іерей начинаетъ вѣнчаніе благословеніемъ царства пр. Троицы, т. е. какъ начинается обѣдня: «благословенно царство» и проч.

Послѣ сего слѣдуетъ ектенія въ которой, между прочимъ, молятся: «о рабахъ божіихъ, N и N, сочетавающихся теперь другъ другу въ общеніе брака, и о спасеніи ихъ; о томъ, чтобы бракъ это благословился также—какъ въ Канѣ галилейской;⁸⁾ чтобы даровались сочетавающимся цѣломудріе и плодъ чрева (т. е. дѣти) на пользу; чтобы возвеселились они при видѣ сыновей и дочерей (своихъ); чтобы даровались имъ—способность чадорожденія и безукоризненная (брачная) жизнь» и проч.

Послѣ ектеніи іерей читаетъ слѣдующія молитвы.

«Боже пречистый и создатель всей твари, по человѣколюбію своему ребро праотца Адама преобразившій въ жену, благословившій ихъ и сказавшій: плодитесь и размножайтесь, на полняйте землю и обладайте ею⁹⁾, и изъ нихъ двоихъ, соединившій, образовавшій единое,—ради чего и оставилъ человѣкъ своего отца и мать, прилѣпится къ женѣ, и будутъ они двое въ единую плоть, и что Богъ соединилъ, человѣкъ да не дерзаетъ разлучать¹⁰⁾ ты, Боже, который благословилъ раба своего Авраама и разрѣшилъ неплодство Сарры, и сдѣлалъ его ро-

⁸⁾ На бракъ въ галилейскомъ городѣ Канѣ Господь Иисусъ сотворилъ свое первое чудо. Объ этомъ событіи: Іоан. 11, 1—11.

⁹⁾ Объ этомъ было говорено. Желающіе знать во всей подробности прочтуть: Бытія 11, 26—28; 111, 18—25.

¹⁰⁾ Слова Спасителя; Мѡ. XIX. 4—6.

доначальникомъ множества народовъ¹¹⁾; ты который Ревеккѣ даровалъ Исаака¹²⁾ и благословилъ его чадорожденіе; ты—который сочеталъ Иакова съ Рахилью и отъ него явилъ двѣнадцать патріарховъ¹³⁾; ты—который соединилъ Іосифа и Асенеу и даровалъ имъ плодъ чадорожденія—Ефрема и Манассію¹⁴⁾; ты который оказалъ благоволеніе Захаріи и Елисаветѣ въ рожденіи отъ нихъ Предтечи¹⁵⁾; ты—который отъ сѣмени Іессея¹⁶⁾, по плоти, возрастилъ Приснодѣву, въ ней воплотился и отъ нея родился для спасенія рода человѣческаго; ты—который по своему неизреченному снисхожденію и великому милосердію приходилъ въ Кану галилейскую и благословилъ тамошній бракъ, чтобы показать что твоя воля—законное супружество съ его чадорожденіемъ;—самъ, пресвятой Владыко, прими молитву отъ насъ—рабовъ твоихъ, и, какъ тамъ (въ Канѣ), здѣсь

¹¹⁾ Объ Авраамѣ и Саррѣ: Быт. съ 27 ст. XI главы до 9 ст. XXV. гл. Отъ жены Сарры Авраамъ имѣлъ сына Исаака, отъ котораго родился Иаковъ; а отъ Иакова двѣнадцать сыновей, отъ которыхъ и произошелъ весь народъ еврейскій. Значитъ, Авраамъ—родоначальникъ (или—по гречески—патріархъ) народа еврейскаго. Кромѣ того отъ служанки Азари отъ имѣлъ сына Измаила; отъ Хеттурум, которую взялъ себѣ въ жену по смерти Сарры, имѣлъ шестерыхъ сыновей; и отъ этихъ всѣхъ пошли племена; вотъ почему Авраамъ называется *отцемъ, или родоначальникомъ, множества народовъ*.

¹²⁾ Объ Исаакѣ и Ревеккѣ: Быт. XXIV глава.

¹³⁾ О женитьбѣ Иакова: Быт. XXVIII гл. и дал. Отъ *Лии* отъ имѣлъ: Рувима, Симеона, Левія, Іуду, Иссахара, Залулона; отъ *Рахили*: Іосифа, Вениамина; отъ служанокъ—*Валм*: Дана, Нефеаліма; *Зелфи*: Гада и Ассира.

¹⁴⁾ Объ Іосифѣ: Быт. съ XXXVII гл.—Жена его—Асенава была дочь Потифера, жреца Иліопольскаго (Быт. XLI, 45). Двоихъ его сыновей—Ефрема и Манассію Иаковъ усыновилъ себѣ; поэтому они вошли въ число двѣнадцати патріарховъ (Ефремъ заступилъ мѣсто Іосифа; Манассія—Левія, которому отецъ не назначилъ особеннаго удѣла).

¹⁵⁾ О чудномъ рожденіи Предтечи: Лк. въ первой главѣ.

¹⁶⁾ *Іессей*—отецъ цари Давида (1 Цар. XVI, 11 и дал.); родовое мѣсто всей этой семьи—Вялеемъ. Іессей происходилъ изъ колѣна Іудина; а по прямой линіи отъ Давида произошла пр. дѣва Марія, поэтому и говорится что она «произошла отъ колѣна Іудина и изъ роду Давидова»; поэтому и Вялеемъ былъ ея родовымъ мѣстомъ.

присутствуя невидимо, благослови этотъ бракъ и даруй этимъ твоимъ рабамъ, N и N, мирную жизнь, долгоденствіе, цѣломудріе, любовь другъ въ другу въ единеніи мира, долговѣчное и благословенное потомство, неувидаемый вѣнецъ славы: удостой ихъ видѣть дѣтей у дѣтей (своихъ); сохрани ложе ихъ неприкосновенно — чистымъ; ниспосли имъ отъ росы небесной свыше и отъ плодородія земли; наполни ихъ жилище хлѣбомъ, виномъ и елеемъ (масломъ, т. е. чтобы процвѣтало ихъ домашнее хозяйство) и всякимъ добромъ, чтобы они имѣли возможность помогать и нуждающимся, даруя, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, и все что нужно для душевнаго ихъ спасенія. Потому что ты—Богъ милости, щедротъ и человѣколюбія» и пр.

— «Благословенъ ты, Господи Боже нашъ, святой дѣятель таинственнаго и чистаго брака (т. е. духовнаго единенія) и законоположитель тѣлеснаго, хранитель нетлѣнія (т. е. чистоты тѣлесной), милостивый строитель житейскихъ дѣлъ! Вотъ и теперь Владыко, самъ ты, вначалѣ создавшій человѣка, поставившій его царемъ всего сотвореннаго и сказавшій: не хорошо быть человѣку одному; сдѣлаю ему помощь приличную ему; взявшій одно изъ ребръ его и изъ него создавшій жену, при видѣ которой Адамъ сказалъ: вотъ это кость изъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою, ибо взята изъ мужа, ради чего оставитъ человѣкъ отца своего и свою мать, и прильзнется къ женѣ своей, и будутъ одна плоть, и что Богъ соединилъ—того да не дерзнетъ разрывать человѣкъ;—вотъ теперь Владыко, Господи Боже нашъ, самъ ниспосли свою небесную благодать на этихъ рабовъ своихъ, NN, и даруй чтобы раба эта во всемъ повиновалась своему мужу и рабъ этотъ былъ главой жены своей, такъ чтобы они провели жизнь сообразно съ твоей волей. Благослови ихъ, Господи Боже нашъ, какъ ты благословилъ Авраама и Сарру; благослови ихъ, какъ ты благословилъ Исаака и Ревекку; благослови ихъ, Гос-

поди Боже нашъ, какъ ты благословилъ Иакова и всѣхъ патриарховъ; благослови ихъ, Господи Боже нашъ, какъ благословилъ ты Иосифа и Асенеу; благослови ихъ, Господи Боже нашъ, какъ благословилъ Моисея и Сепфору¹⁷⁾; благослови ихъ, Господи Боже нашъ, какъ благословилъ Иаовима и Анну¹⁸⁾; благослови ихъ, Господи Боже нашъ, какъ благословилъ Захарію и Елизавету¹⁹⁾. Сохрани ихъ, Господи Боже нашъ, какъ сохранилъ Ноя въ ковчегѣ²⁰⁾; сохрани ихъ, Господи Боже нашъ, какъ сохранилъ Іону въ чревѣ китовѣ; сохрани ихъ, Господи Боже нашъ, какъ сохранилъ святыхъ трехъ отроковъ отъ огня, ниспославъ имъ росу съ неба²¹⁾. Да низойдетъ на нихъ точно такая же радость, какую получила блаженная Елена, когда нашла честной крестъ²²⁾. Помяни ихъ, Господи Боже нашъ, какъ помянулъ Еноха²³⁾, Сима²⁴⁾, Илію²⁵⁾. Помяни ихъ, Господи

17) *Объ Моисей*—съ первой главы «Исхода». Когда онъ убилъ одного египтянина и за то предстоило ему самому быть убитымъ (Исх. 11, 15), тогда онъ бѣжалъ на землю Мадіамскую и остановился у священника Іофора, на дочери котораго—Сепфорѣ (Ципорѣ) и женился. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей—Гирсама и Елизера.

18) *Іоакимъ и Анна*—родители пр. дѣвы Маріи. Объ нихъ въ «Четь-мишеѣ» похъ 9 сентября.

19) *Захарія и Елизавета*—родители Препетч. Объ нихъ въ 1-й гл. еван. Луки.

20) Когда Господь истребилъ нечестивый родъ человѣческой всемірнѣи по топомъ, тогда одинъ только праведный Ной съ своимъ семействомъ спасся въ ковчегѣ.—Быт. VI, 9 и д.

21) О спасеніи отроковъ—*Ананія, Азарія и Мисаила*,—прор. Данила III, 1—45.

22) *Елена*—греческая императрица, мать имп. *Константина*.—Она-то, въ 326 г., по Р. Х., отыскала крестъ, на второмъ былъ распятъ Господь и Спаситель нашъ; по какому случаю и установленъ праздникъ—Воздвиженія. Объ ней въ Четь-миш. 21 и 14 сент.

23) Объ *Енохѣ* сказано въ св. писаніи: «ходилъ Енохъ съ Богомъ и не стало его, потому что Богъ взялъ его.» (Быт. V, 24).

24) *Симъ*—старшій сынъ Ноя, «отецъ всѣхъ сыновъ Евровихъ» (Быт. X, 21.) г. е. *сверсѣ*.

25) Объ *Иліи*-пророкѣ: третья книга Царствъ гл. XVI—XIX.

Боже нашъ, какъ помянулъ ты святыхъ своихъ сорокъ мучениговъ, низпославъ имъ съ неба вѣнцы ²⁶⁾. Помяни, Боже, и родителей ихъ воспитавшихъ; потому что родительскія молитвы утверждаютъ основы домовъ. Помяни, Господи Боже нашъ, рабовъ твоихъ вступающихъ въ бракъ, сшедшихся для такой радости. Помяни, Господи Боже нашъ, раба твоего N, и рабу твою N, и благослови ихъ; даруй имъ плодъ чрева—благословенное чадородіе, единеніе душъ и тѣлъ. Возвысь ихъ какъ ливанскіе ведры, какъ дерево многовѣтвенное и плодовитое. Даруй имъ многоколосное сѣмя чтобы они, для себя имѣя обиліе во всемъ, обиловали и всякимъ дѣломъ добрымъ и тебѣ угоднымъ; чтобы кругомъ своей трапезы (стола на которомъ обѣдаютъ и ужинаютъ) они увидѣли сыновъ сыновей своихъ (т. е. внуговъ), какъ отводки масличнаго дерева; и чтобы, во всемъ угождая тебѣ, тобою-Господомъ нашимъ свѣтили и другимъ, какъ свѣтила небесныя (М. V, 16).—Съ Тобою слава и пр.

«Боже святой, изъ земли создавшій человѣка, и изъ ребра его сотворившій женщину, и соединившій съ нимъ эту помощницу, потому что такъ угодно было твоему чудному промыслу, чтобы человѣкъ не одинъ былъ на землѣ! Самъ, Владыко, и теперь ниспосли свою руку отъ святаго жилища своего и сочетай этого раба своего—N, и эту рабу свою N; потому что тобою сочетается жена мужу. Соедини ихъ неразрывнымъ единеніемъ души; благослови имъ быть въ плоть одну; даруй имъ плодъ чрева—благословенное чадорожденіе. Потому что твоя власть» и пр.

(Каждая молитва заключается торжественнымъ возгласеніемъ: «Аминь», т. е. да будетъ», да исполнится все—о чемъ молить іерей).

²⁶⁾ Сорокъ мучениковъ замучени въ армянской Севастіи, въ озерѣ. Четывился 9 марта.

Затѣмъ іерей беретъ вѣнцы и вѣнчаетъ ²⁷⁾, (т. е. благословивъ, надѣваетъ на голову вѣнецъ) сначала жениха, съ словами: «вѣнчается рабъ божій N рабъ божіей N, во имя Отца, и Сына и святаго Духа».

Потомъ вѣнчаетъ и невѣсту съ словами: «вѣнчается раба божія N рабу божію N, во имя Отца, и Сына и святаго Духа».

Затѣмъ благословляетъ ихъ трижды, говоря каждый разъ: «Господи Боже нашъ! славою и честію вѣнчай ихъ.»

Послѣ этого прогнень: «Ты возложилъ на ихъ головы вѣнцы изъ драгоценныхъ камней; жизни просили у тебя, и даровалъ ты имъ». Апостолъ изъ посланія къ Ефесянамъ, V, 20—33, въ которомъ говорится о значеніи брака—какъ таинства и объ обязанностяхъ мужа и жены. Евангеліе—Іоанна II, 1—11. Здѣсь разсказывается, какъ Господь Іисусъ, съ своей матерью и учениками, посѣтилъ бракъ въ галилейскомъ городѣ Канѣ, гдѣ сотворилъ свое первое чудо, претворивъ воду въ вино.

Послѣ евангелія: ектенія и молитва,—

«Господи Боже нашъ, сообразно съ своими спасительными цѣлями, удостоившій въ Канѣ галилейской воздать, своимъ посѣщеніемъ, честь браку! Самъ, теперь, этихъ рабовъ твоихъ,

²⁷⁾ Вѣнчаніе жениха и невѣсты, прежде всего, указываетъ на то царственное благословеніе, которымъ сопровождался первый бракъ на землѣ; о чемъ было говорено выше. Затѣмъ, по объясненію св. Златоуста, «вѣнцы возлагаются на головы сочетавшимся въ знакъ побѣды, т. е. что они до брака не дали побѣдить себя нечистымъ страстямъ; и вступаютъ въ брачное единеніе, сохранивъ себя совершенно чистыми». (Вос. 9 на 1-е посл. къ Тимое.) Въ древнія времена было общее обыкновеніе—на головы побѣдителей, и вообще совершившихъ какіе-либо особенно важные подвиги возлагать вѣнки изъ листьевъ дуба, лавра или изъ цвѣтовъ; что считалось высшею почестью и лучшею наградою. Это обыкновеніе и перешло въ христіанскую церковь при совершеніи брака. Вѣнецъ, значить, служить почестью и наградою за безупорно-чистую добрачную жизнь. Послѣ этого, не сами отъ себя спросимъ, а повторимъ вопросъ Златоуста (въ вышеуказанномъ мѣстѣ): «если кто, побужденный похотію, предавался до брака блуду, то на какомъ основаніи возлагается вѣнецъ на него, подставившаго свою вию этой отвратительной похоти?»

И и Н, которыхъ угодно тебѣ было сочетать другъ-другу, сохрани въ мирѣ и душевномъ спасеніи; содѣлай чтобы честенъ былъ бракъ ихъ; сохрани ихъ ложе безукоризненно-чистымъ; удостой чтобы безупречна была ихъ супружеская жизнь; и даруй имъ дожить до глубокой старости, при исполненіи чистымъ сердцемъ твоихъ заповѣдей. Потому что ты Богъ нашъ» и пр.

Послѣ этой молитвы: ектенія просительная и, за возгласомъ іерея, молитва господня: «Отче нашъ» и пр. Затѣмъ приносится красное вино, которое благословляетъ священникъ и молится:

«Боже, все сотворившій своимъ могуществомъ, основавшій непоколебимо вселенную, и на все сотворенное возложившій вѣнецъ своей славы! Даруя сочетавающимся эту чашу въ общеніе брака *), благослови ее благословеніемъ духовнымъ. Потому что благословенно твое имя» и пр.

Благословенное вино іерей, по три раза, даетъ пить мужу и женѣ. Послѣ чего, взявъ за соединенныя руки, онъ «обращаетъ ихъ яко образомъ круга» съ пѣніемъ слѣдующихъ тропарей:

«Торжествуй Исаія ²⁸⁾! Дѣва имѣла во чревѣ и родила сына — Эммануила ²⁹⁾, т. е. Бога и человѣка; имя ему востокъ; — его-то прославляя, мы дѣву ублажаемъ».

«Святые мученики, несокрушимые страдальцы и за то увѣн-

*) Вино—знакъ веселія, радости. Общая для жениха и невѣсты чаша съ виномъ — вишнее выраженіе тѣхъ радостей и счастья, которыя ждутъ ихъ въ общеніи брака.

²⁸⁾ Больше—чѣмъ за семь столѣтій до Рождества Христа Спасителя пророкъ Исаія предсказалъ: «вотъ дѣва зачнетъ и родитъ сына, и наречетъ ему имя иммануэль» (VII, 14, 1). Это пророчество точнѣйшимъ образомъ сбылось въ пр. дѣвѣ Маріи.

²⁹⁾ *Иммануэль* еврейское слово: по русски «съ нами Богъ»; т. е. Богъ воплотился, содѣлался человѣкомъ, не переставая въ то же время быть и Богомъ; отчего Спаситель и называется *Бого-человѣкомъ*.

чанные славой! Молитесь ко Господу, чтобы были помилованы наши души».

«Слава тебѣ, Христе Боже, похвала апостоловъ, радость мучениговъ, которыхъ проповѣдь—Троица единосущная».

Послѣ этого іерей снимаетъ вѣнцы, сначала съ мужа, съ словами: «женихъ (повѣчаный)! Возвеличься какъ Авраамъ, будь благословенъ какъ Исаакъ, и будь богатъ дѣтьми какъ Іаковъ, мирно проводя свою жизнь и самымъ дѣломъ исполняя заповѣди божи». Потомъ съ жены съ словами:

«И ты невѣста (повѣчанная)! возвеличься какъ Сарра, возвеселись (насладись радостями жизни) какъ Ревекка³⁰⁾, и умножься (собственно «будь счастлива дѣтьми») какъ Рахиль³¹⁾, веселясь своимъ мужемъ (т. е. въ мужѣ находя все свое счастье) и сохраняя границы закона (т. е. не выступая за черту своихъ законныхъ обязанностей); потому что такъ угодно Богу». — Потомъ молитвы:

«Боже, Боже нашъ, пришедшій въ Кану галилейскую и тамошній бракъ благословившій! Благослови вотъ этихъ рабовъ твоихъ, по твоему промыслу соединившихся въ общеніе брака; благослови ихъ входы и выходы; исполни всякимъ благомъ жизнь ихъ; увѣнчай ихъ вѣнцами въ вѣчномъ своемъ царствѣ, сохраняя ихъ безусловно чистыми и свободными отъ всякихъ искушеній и соблазновъ».

— «Отецъ, Сынъ и святой Духъ, всесвятая, единосущная и живоначальная Троица, единое божество и царство, да

³⁰⁾ «Взявъ Ревекку (Исаакъ) и она сдѣлалась ему женою, и онъ возлюбилъ ее, замѣчено въ св. писаніи. И это была—*любовь* цѣлой жизни; потому что Исаакъ, противъ обикновенія того времени, не имѣлъ у себя *никакой* другой, жены, хоть Ревекка и долго была неплодною. (Быт. XXIV, 67; XXV, 21).

³¹⁾ Рахиль только и имѣла двухъ сыновей; но за то одинъ изъ нихъ былъ Іосифъ. Въ предсмертномъ благословеніи отецъ называлъ его «избранный между братьями», и благословилъ его полизаніемъ и обильнѣе чѣмъ всѣхъ другихъ сыновей, вмѣстѣ взятыхъ. (Быт. XLIX, 22—27).

благословить васъ, да даруетъ вамъ долгую жизнь, благословенное чадородіе, преспѣяніе въ жизненной дѣятельности и въ вѣрѣ, да исполнитъ васъ всякимъ благомъ, какое только есть на землѣ, и да удостоитъ васъ наследовать и обѣщанныя блага (въ другой жизни), за молитвы пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ. Аминь.

— Совершеніе брака здѣсь оканчивается. Поцѣлуй соединенныхъ таинствомъ брака завершаетъ моленіе церкви и предначинаетъ это единеніе любви которое, чисто и свято сохраненное здѣсь на землѣ, поидетъ на всю вѣчность въ вѣчномъ царствѣ любви.

Теперь, друзья, что же можетъ быть выше этихъ благословеній и обѣтованій, съ которыми начинаютъ свою новую жизнь сочетавшіеся? Что вѣриѣ можетъ обезпечивать счастье всей ихъ жизни какъ не этотъ святой союзъ, благословенный и скрѣпленный самимъ Господомъ Богомъ, — Богомъ безконечной любви, неизреченнаго милосердія и всяческихъ щедротъ? — А между тѣмъ сколько слышится жалобъ и сѣтованій, противъ этого союза! Въ чемъ же тутъ главная бѣда?

Въ томъ — что мы въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ которое идетъ нестройно и дурно, никакъ не хотимъ всмотрѣться въ самихъ себя, въ себѣ поискать причины по которой то или другое у насъ идетъ не ладно, а непремѣнно все стараемся свалить на другихъ, на чтобы то ни было, лишь бы не обвинить самихъ себя.

— Вотъ и тутъ, — выше и полнѣе благословеній и обѣтованій ничего не можетъ быть; но на кого они могутъ излиться во всей своей полнотѣ? На *достойныхъ*; на тѣхъ которые чисто и свято сохранили себя до брака. Спрашивать ли же о томъ, сколько такихъ паръ идутъ у насъ подъ вѣнецъ? Говорить ли объ этой страшной язвѣ которая если не въ конецъ

охватила мужскую молодежь во всѣхъ слояхъ общества, те разлилась и разливается безъ удержки, и которая зовется «распутствомъ». Судите же сами: какъ тутъ изольется полнота благословеній божіихъ на лице которое, не лучше всякаго животнаго, лишь почувало въ себѣ силу мужа, какъ и предалось похотямъ сердца и, безъ всякой мысли о Богѣ, безъ всякой боязни его праведнаго суда, ринулось въ гибельную бездну разврата?—Ясно,—не благословіе божіе изольется на таковую голову; а надъ нею уже тяготѣеть судъ божій и праведная кара его...

Еще, еслибъ кто-либо вразумлялъ этихъ несчастныхъ предъ вступленіемъ въ бракъ очищать свои предбрачныя преступленія искреннимъ раскаяніемъ, усиленной молитвой и, таинствами исповѣди и причащенія, примиренія съ Господомъ—правосуднымъ. Но бываетъ ли это?—Вы сами знаете что нѣтъ. Бываютъ тутъ пированія; бываютъ тутъ вечерины; затѣмъ, предъ самымъ вѣнчаніемъ, бываютъ тутъ разныя торговли,—чего-чего не бываетъ?! А чтобы имѣющихъ вѣнчаться приготовить къ *достойному* принятію божескихъ благословеній,—мысли объ этомъ не бываетъ ни въ чьей головѣ. Послѣ этого, чему же тутъ и быть какъ не исполненію словъ Господа Бога, изреченныхъ пророкомъ: «когда вы простираете руки ваши, я отвращаю отъ васъ очи мои, и сколько бы вы ни молились не послушаю васъ» (Ис. 1, 15)? А еще какъ тутъ совершаются самыя молитвы, т. е. на сколько всѣ предстоящія, не исключая и тѣхъ которые сопровождаютъ вѣнчающихся, съ благоговѣніемъ и страхомъ «простираютъ свои молитвенныя руки» къ Господу Богу,—объ этомъ мы уже говорили. Судите же: надъ которымъ либо лицомъ изъ вѣнчающихся, за дурную предбрачную жизнь, тяготѣеть гнѣвъ Господа Бога, при совершеніи брака творятся вещи которыя только и могутъ возбудить гнѣвъ Господа Бога;—какіе же плоды могутъ быть

изъ соединенія всего этого—сладкіе или терпкіе (т. е. вислогорькіе)?

А вѣдь это же еще не все. Человѣкъ, который до брака уже окунулся въ омутъ распутства, почти не способенъ къ истинной чистой любви. Что такое любовь въ ея истинномъ значеніи? Это,—прежде и главнѣе всего—крѣпкое душевное влеченіе одного лица къ другому, при которомъ о животныхъ порывахъ и мысли не бываетъ; и притомъ влеченіе сосредоточенное на одномъ лицѣ. Разъ начавшись, это влеченіе, благословленное и освященное самимъ Богомъ, переходитъ въ то единеніе души котораго не разорвутъ, даже не ослабятъ никакія силы, ни время, ни вѣчность. Вотъ это душевное единеніе, при которомъ всякое другое единеніе отодвигается на задній планъ, и есть истинная любовь, та самая любовь о которой говорится въ священномъ писаніи: «стрѣлы ея—стрѣлы огненныя; она пламень божій. Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея. Если бы кто давалъ все богатство дому своего за любовь (чтобы купить такую любовь) его отвергли бы съ презрѣніемъ (Пѣсн. пѣсн. VIII, 6, 7). Представьте же себѣ человѣка который, какъ говорится,—«и настоящимъ человѣкомъ еще не сдѣлался, а за распутство уже принялся»—можетъ ли въ немъ появиться истинное, душевное влеченіе? Нѣтъ, какъ онъ началъ животнымъ, такъ продолжить, такъ и окончить; т. е. какъ животное, обуреваемое животнымъ возбужденіемъ, онъ будетъ бросаться на всякій случай удовлетворить своему животному возбужденію. Что жена для такого? На первыхъ порахъ, когда животное возбужденіе въ немъ сильно, она будетъ для него возлюбленной подругой, идоломъ, передъ нею онъ будетъ пресмыкаться и раболѣпствовать, истощаться въ увѣреніяхъ и клятвахъ о несокрушимой привязанности и вѣчной вѣрности; затѣмъ, минуетъ пора животного возбужденія, онъ не задумается, не посовѣстится и не по-

боится оставить ее и уклониться на распутіа. Вотъ такіе-то и выдумали страшно-кощунственные слова: «бракъ есть могила любви». Такой несчастный бракъ — дѣйствительно могила; но чего? — животнаго возбужденія которое не сосредоточивается на чемъ-либо одномъ, а ищетъ переменъ, разнообразія, волнений и потрясеній. — Въ устахъ таковыхъ уничивается и оскверняется самое слово—*любви*; потому что они придаютъ ему то грязное, животное значеніе, какаго оно не имѣетъ и не можетъ имѣть, потому что начальный источникъ любви— самъ Господь Богъ.

Да, друзья, на общее наше несчастіе у насъ дѣлается, допускается все—что можетъ изъ святаго, благодатнаго союза брачнаго сдѣлать именно тяжкія оковы. Недостойное вступленіе въ бракъ; нравственное растлѣніе до брачное, за которымъ неизбежно слѣдуетъ цѣлжизненное растлѣніе; да еще къ этому прибавьте, что выше было говорено о соединеніяхъ подневольныхъ, о соединеніяхъ въ родѣ торговыхъ сдѣлокъ и пр. и пр., — какому тутъ быть добру, какихъ ожидать радостей, какаго счастья?

А отсюда и выходитъ что нѣтъ такой прекрасной, святой вещи которую мы не съумѣли бы испортить, изуродовать, употребить во зло. И вотъ, какъ отъ испорченнаго придется самимъ же намъ терпѣть и страдать, такъ мы озлобляемся не противъ себя, а противъ святой и прекрасной вещи. Разумно-ли же это, друзья? Разумно-ли проклинать огонь, если отъ неосторожности, отъ злонамѣренности онъ пожираетъ наши дома и имущества? Разумно-ли желать и даже требовать, чтобы вывести его совсѣмъ изъ людскаго употребленія? А вотъ есть же мудрецы которые желаютъ и не скрываютъ своихъ желаній, чтобы бракъ былъ выведенъ изъ людскаго употребленія; чтобы люди того и другаго пола сходились, расходились, точь въ

точь какъ животныя. Юродивая мудрость которая хлопочеть о приравненіи себя къ животнымъ!

Не того желать нужно, друзья. До животной жизни дойти не долго и не хитро;—тяжко и мудрено подняться изъ нея. Нужно желать, всѣми силами стараться чтобы, по слову апостола, великій и святой союзъ брака былъ *честенъ*,—не просто *чтимъ*, а именно *честенъ* со всѣхъ сторонъ, т. е. чтобы все въ немъ отъ начала до конца, было строго и вполнѣ по закону божію. Пойдутъ наши браки такъ,—они внесутъ миръ и любовь въ наши семьи. А гдѣ миръ и любовь, тамъ—самъ Богъ; значить, тамъ все его благословеніе на наши работы, заботы и труды; значить тамъ всякая радость и все возможное на землѣ счастье.

Не забывайте словъ Спасителя: «собирають-ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые» (Мѣ. VII, 16, 17). Это значить: добро—взращено, добромъ и порадуемся; зло взращено,—зло и будемъ глотать. Не выростимъ дѣтей, какъ Господь Богъ велѣлъ, т. е. не научимъ ихъ доброй, честной, христіанской жизни; такими и пустимъ ихъ въ жизнь, еще и пожививши безъ всякой мысли о Богѣ и его святомъ законѣ,—и имъ приготовимъ горькую судьбу, да и себѣ не радость: тутъ-то и будутъ самые жесткіе и болѣзненные терны для всей нашей семейной жизни.

3. ГЛАВА СЕМЬИ. МУЖЪ.

Въ первой бесѣдѣ мы уже сказали нѣчто о значеніи мужа и жены въ семьѣ. Но тамъ мы представляли дѣло въ чертахъ общихъ; а теперь яснѣе и точнѣе нужно означить дѣло, обязанности и права этихъ лицъ. Разумѣется, мы начнемъ съ главнаго лица — съ мужа, съ отца семьи, или, какъ обыкновенно называютъ его, съ «главы семьи».

Власть въ семьѣ никогда и ни у какого народа не оспаривалась у мужчины. Въ законодательствахъ — народа божія, народовъ не знавшихъ истиннаго Бога; среди племенъ которыя жили безъ всякихъ писанныхъ законовъ, лишь по обычаямъ предковъ, — вездѣ и безъ всякихъ ограниченій и условій, эта власть представлялась мужчинѣ. Но не было ли это многовременнымъ предразсудкомъ и уворенившимся злоупотребленіемъ силы? Не настало ли по крайней мѣрѣ не настаетъ ли когда-нибудь время, что и эта власть уничтожится, какъ уничтожилось уже столько другихъ властей среди людей, и семья получитъ полную свободу отъ нея?

Прежде всего, нужна ли власть въ семьѣ? Да, она необходима — по той первой причинѣ, что никакое общество, великое или малое, безъ власти существовать не можетъ. Такъ, изъ разныхъ лицъ слагается всякое общество; и у каждаго свои понятія, свои чувства, свои стремленія и выгоды. Чтобы всѣ они, всегда и во всемъ, дѣйствовали стройно и единодушно, дѣло невозможное. Чтоже случится, если нѣтъ тутъ единой и общей

воли, которая заправляла бы всѣмъ? Или никто ничего не будетъ дѣлать на пользу общества, или всякій будетъ дѣйствовать по своему, какъ кому вздумалось и пришлось. Но дѣйствовать необходимо:— бездѣйствіе повлечетъ за собою гибель общества. Поэтому будутъ дѣйствовать, но разъединенно; а уже въ этомъ самомъ разъединеніи несомнѣнное разрушеніе общества. Въ обоихъ случаяхъ общество гибнетъ — отъ бездѣйствія или отъ безначалія. Слѣдовательно необходимо чтобы была власть.

Это общее соображеніе принимаетъ особенное значеніе по отношенію къ семьѣ. Общество, вообще, слагается изъ лицъ которыя, взятыя отвлеченно, равны между собою. Но семья раздѣляется на два отдѣла, необходимо, неизбѣжно не равныя: родители съ одной стороны, и, съ другой, дѣти. Отсюда, какъ бы ни представлялось увлекательнымъ равенство человеческое, — нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы могло быть равенство воли и голоса между этими двумя отдѣлами лицъ. Очевидно, дѣти которыя не могутъ сами собою — ни двигаться, ни питаться по началу, ни учиться потомъ, и невсостоянии въ продолженіи долгаго времени, по своей неопытности, располагать какъ слѣдуетъ своими собственными дѣйствіями, должны все это, — и питанье, и ученье и направленіе получить отъ другихъ; — на комъ же лежитъ эта обязанность и, слѣдовательно, кому принадлежитъ эта власть, если не тѣмъ которыя давши имъ жизнь, очевидно отвѣтственны за ихъ существованіе?

По отношенію къ дѣтямъ, власть родителей — единая, равная, взаимно обязательная и отвѣтственная: одинаково должны повиноваться они приказаніямъ отца и матери, не разсуждая, которая изъ этихъ властей выше другой. Отъ мудрости родителей зависитъ чтобы этотъ опасный вопросъ и не представлялся никогда дѣтямъ, и не ставилъ ихъ сердца въ противо-

рѣчіе съ разсудкомъ ¹⁾. По истинѣ опасный вопросъ:—какъ бы разумно ни обсуждали его дѣти (а много ли найдется дѣтей способныхъ разумно обсуждать подобные вопросы?), они неизбѣжно придутъ къ тому заключенію что власть, а слѣдовательно и значеніе матери, какъ существа слабѣйшаго, менѣе чѣмъ власть и значеніе отца; значитъ—и почтеніе къ ней менѣе обязательно чѣмъ къ отцу. А отъ такого разсужденія далеко ли до непочтенія матери? А отъ непочтенія матери далеко ли до непочтенія отца? Все это неизбѣжно слѣдуетъ одно за другимъ. И горе тѣмъ родителямъ которые такъ или

¹⁾ Въ крестьянствѣ это нарушается силою и рядомъ, что и служить общимъ источникомъ непочтенія родителей. Мужъ, ни во что ставящій свою жену и дѣтей своихъ, съ самаго ранняго возраста ихъ, приучаетъ ни во что ставить мать. Фраза: „да что слушать ее; извѣстно баба дура“, когда мать приказываетъ что-нибудь дѣтямъ — самая обыкновенная фраза на крестьянскомъ языкѣ. Но сколько зла и грѣха въ одной этой фразѣ! Прежде всего бессмысленные такъ выражающіеся нарушаютъ законъ самаго Бога, который предписываетъ дѣтямъ слушаться матери точно такъ же — какъ отца, и за непослушаніе матери назначаетъ наказаніе точно такое-же, какъ за непослушаніе отцу. Пятая заповѣдь этого закона „чти отца твоего и мать твою“ и пр. извѣстна; въ ней прямо предписывается совершенно одинаковое почтеніе, какъ отца, такъ и матери. И во всемъ священномъ писаніи тоже самое что въ этой заповѣди; нигдѣ ни слова, ни намекъ, чтобы мать слѣдовало менѣе почитать и слушать, чѣмъ отца. „Проклятъ порицающій отца своего или мать свою (Второз. XXVII. 16). Слушай отца своего — онъ родилъ тебя; и не пренебрегай матери своей и тогда какъ она состарѣется (Притч. XXIII, 22; ср. Пр. 1, 8; 9; VI, 20; 21). Господь вознесъ отца надъ дѣтьми и утвердилъ власть матери надъ сыновьями; оставившій отца тоже-что богохульникъ, и проклятъ отъ Господа раздражающій мать свою“ (Сир. 111, 2, 16). Значитъ, что дѣлаетъ отецъ, своимъ словомъ или примѣромъ научающій дѣтей не почитать и не слушать мать? Идетъ прямо противъ закона божія и готовитъ имъ проклятіе отъ Господа Бога. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заранѣе приучаетъ дѣтей своихъ къ непочтенію самого себя; потому что всякому, сколько-нибудь смыслящему, ребенку не трудно додуматься, что если можно не слушать мать, которая родила и грудью кормила, то отчего нельзя не слушать отца? И начинается эта несчастная и страшная исторія: колоченія дѣтей отцемъ за непослушаніе и непочтеніе, пока они дѣти; и безконечныя жалобы отца, когда они выроснутъ; что они его ни во что не ставятъ, знать не хотятъ. А того, бессмысленные, не хотятъ понять, что это вполне заслуженная ими кара за гибельное ученіе о не слушаніи ими матери.

иначе, — взаимнымъ неуваженіемъ или вредными внушеніями, сами даютъ поводъ дѣтямъ — задаваться такимъ опаснымъ вопросомъ: — этимъ въ основѣ подрываютъ они всю свою власть, все свое значеніе передъ дѣтьми, чего послѣ не воротятъ ни бранью, ни наказаніями, ни даже проклятіями ²⁾.

Но если для дѣтей не можетъ и не должно быть вопросомъ, — которому изъ родителей принадлежитъ первенство въ семейной власти, то, вообще, этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ и рѣшенъ; потому что между этими двумя лицами, даже такъ неразрывно — тѣсно соединенными, трудно, да и совсѣмъ невозможно встрѣтить постоянное единеніе мыслей, желаній, цѣлей и воли. Поэтому необходимъ голосъ перевѣщи-

²⁾ Самы уничтоживъ свое значеніе, родители, особенно въ крестьянствѣ, весьма не рѣдко прибѣгаютъ къ этой страшной мѣрѣ, — къ проклятіямъ дѣтей своихъ; до того не рѣдко что, случается, въ безумномъ раздраженіи обременяютъ проклятіями даже малолѣтнихъ. Чего достигаютъ этимъ? По отношенію къ малолѣтнимъ, и вообще не заслужившимъ проклятія, они, эти проклятія, не имѣютъ никакого значенія: „какъ воробей вспорхнетъ, какъ ласточка улетитъ, такъ проклятіе безвинное не сбудется“ (Прит. XXVI, 2). По отношенію къ заслужившимъ проклятіе, разумѣется, оно падетъ на нихъ всей тяжестью, какъ пало на Хама и на все его потомство. Но будутъ ли правы сами проклинающіе передъ Господомъ Богомъ? Никакъ, если сами подали поводъ къ непочтенію ихъ дѣтьми. Дѣти и потомки ихъ будутъ бѣдствовать подъ бременемъ проклятія; ничего — кромѣ страшныхъ словъ Господа правосуднаго: „отъидите отъ мене проклятія“, не придется и имъ услышать на страшномъ судѣ, потому что если такой приговоръ падетъ лишь на немплосердныхъ къ чужимъ людямъ; то какже ему не пасть на родителей, загубившихъ своихъ родныхъ дѣтей? А кромѣ всего, посылая непрестанно проклятіями, они лишаютъ его всякаго значенія въ глазахъ своихъ дѣтей, до того что дѣти, нерѣдко, лишь смѣются надъ ними. Чтожь изъ этого выходитъ? Да то что дѣти вполнѣ привыкаютъ ни во что ставить слова родителей, — будутъ ли то слова брани и проклятія, или слова ученія и благословенія. — „Личу тебя благословенія“, говоритъ отецъ или мать; — „идевай мнѣ на твое благословеніе“, — отвѣчаетъ сынъ: — слишкомъ часто приходится слышать это въ нашихъ семьяхъ. — Откуда такое презрѣніе къ тому — что должно бы быть для дѣтей выше и дороже всего? Отъ бессмысленнаго обращенія съ словомъ родителей. Да, если кому такъ родителямъ нужно помнить заповѣдь писанія: „всякое ваше слово солію да осолится“, т. е. да будетъ строго обдуманно и осмотрительно сказано, и особенно такіа важныя и страшныя слова, какъ — „личу тебя благословенія, проклянѣю“ и т. п.

вающей, который давалъ бы окончательный приговоръ всякому дѣлу; необходимо чтобы между этими двумя лицами, облеченными семейной властью, одно имѣло преимущество высшей власти передъ другимъ.

— Но какія условія для признанія этой высшей власти? Эти условія — сила и умъ. Очевидно, высшая власть въ семьѣ должна принадлежать тому, кто и достаточно силенъ чтобы поддерживать и охранять семью, и достаточно уменъ чтобы управлять ею. Нужно ли же спрашивать, кому въ этомъ случаѣ принадлежитъ преимущество — мужу или женѣ? О внѣшней, т. е. тѣлесной силѣ говорить нечего; преимущество мужа тутъ слишкомъ очевидно. Что до силъ умственныхъ, то, при одинакихъ условіяхъ жизни мужчины и женщины, — у перваго онѣ всегда обширнѣе, крѣпче и многообъемистѣе, чѣмъ у второй. Съ тѣмъ они рождаются; а кромѣ того, самая жизнь содѣйствуетъ тому чтобы умственные силы развивались и укрѣплялись больше у мужчины чѣмъ у женщины. Пусть они оба въ равной мѣрѣ незнакомы ни съ грамотой, ни съ чѣмъ что называется наукой, самыя условія, при которыхъ растутъ дѣти, доставляютъ мальчикамъ возможность — быть смысленнѣе, толковнѣе и разсудительнѣе дѣвочекъ: они болѣе свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, болѣе съ людьми, отчего могутъ болѣе слышать и знать; дажѣ, — лишь поднимутся нѣсколько, они помогаютъ отцу въ работахъ и занятіяхъ внѣ домашнихъ; такимъ образомъ, принимаютъ прямое и непосредственное, хоть и молчаливое, участіе въ житейскихъ дѣлахъ; сдѣлавшись юношами, они участвуютъ не только въ дѣлахъ, но и въ совѣтахъ родныхъ и чужихъ. Такимъ образомъ, если не ученье, то самая жизнь, съ дѣтства, развиваетъ смыслъ и понятіе мужчины; готовятъ ему житейскую опытность, которая, въ иныхъ случаяхъ, замѣняетъ ему даже науку. Всего этого лишена женщина, съ дѣтства и до выхода въ за-

мужство запертая въ тѣсномъ кругѣ семьи; да и по выходѣ замужь слишкомъ рѣдко выходящая за черту ея на столько, чтобы можно было принять прямое участіе въ общежитейскихъ дѣлахъ. Отсюда ея умственные силы остаются безъ всякаго, даже внѣшняго развитія; кругозоръ ея мыслей и понятій слишкомъ узокъ и тѣсенъ, потому что неидетъ дальше дома и семьи; да и тутъ неидетъ дальше того—что передъ глазами; объ житейской опытности, которая приобрѣтается близкими сношеніями и частыми столкновеніями съ чужими людьми, и говорить уже нечего. Такъ, съ слабѣйшими зачатками къ умственному развитію отъ рожденія, женщина, по самымъ условіямъ всей своей жизни, не можетъ стать въ уровень съ мужчиной вообще въ отношеніи умственныхъ силъ.

Кромѣ же всего, мужчина имѣетъ передъ женщиной преимущество хладнокровія и безпристрастія, т. е. прирожденнаго расположенія судить безъ предубѣжденія, безъ увлеченія и безъ страсти. Не то значить это чтобы у мужчины не было своихъ страстей; нѣтъ, онъ имѣетъ ихъ, увлекается ими нерѣдко до совершенной гибели; но, въ дѣлѣ сужденія о чемъ либо, онъ не столько обманывается ими, какъ женщина своими страстями. Или, точнѣе, если онъ обманывается ими, то совершенно по доброй волѣ; потому что ему слишкомъ трудно ослѣпнуть страстями на столько чтобы не уметь различить, — что истинно само въ себѣ, и что лишь кажется ему истиннымъ по отношенію къ его желаніямъ и выгодамъ. У мужчины умъ и страсть дѣйствуютъ отдѣльно, то и другое само по себѣ; тогда какъ у женщины все страсть, даже самый умъ—страсть: ея впечатлѣнія живѣе, переменчивѣе; не въ ея природѣ останавливаться долгой и крѣпкой думой надъ чѣмъ-либо. Конечно, тутъ есть исключенія:—есть мужчины такъ подвижные и увлекающіеся, такъ непостоянные въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, такъ легко сбиваемые со всякаго толку, что

представляютъ изъ себя смѣшныя и уродливыя образы женской души въ мужскомъ тѣлѣ. Есть и женщины такъ спокойныя, такъ независимыя отъ страстей своихъ и чужихъ, съ такимъ прямымъ и твердымъ сужденіемъ, что самый хладногровный мужчина можетъ позавидовать правильности и крѣпости ихъ умственныхъ силъ. Но это не больше какъ исключенія, и даже, по отношенію къ такимъ женщинамъ, очень рѣдкія. А вообще мужчина судить своимъ умомъ, а женщина чувствомъ, т. е. сердцемъ.

Еслижъ умственныя силы мужчины обширнѣе, крѣпче и, такъ или иначе, развитѣе, чѣмъ женщины; если онъ способнѣе ея дѣйствовать ими, то, значить, и первенство мужчины въ семейной власти не можетъ подлежать ни сомнѣнію, ни спорамъ. Такъ, умъ мужчины, обнимая лучшеотношенія между предметами, рассчитывая вѣрнѣе послѣдствія дѣйствій, взвѣсивая самымъ точнымъ образомъ выгоды и опасности, поэтому самому способнѣе придумывать и приводить въ исполненіе все — что можетъ служить къ существованію и благоденствію семьи, чѣмъ умъ женщины болѣе живой и проицательный, но слишкомъ подвижной и увлекающійся.

— Но послѣ этого, скажете друзья, гдѣ-жъ равенство между мужемъ и женой, о которомъ говорено прежде? Равенство остается во всей своей силѣ; но здѣсь необходимо различать равенство права и равенство нравственное. Въ обществѣ, состоящемъ изъ двухъ лицъ, — если между ними нѣтъ постояннаго единодушія, то необходимъ голосъ преобладающій; иначе тутъ неизбѣженъ вѣчный разладъ, и поэтому ничто доброе и полезное совершенно быть не можетъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ права, безусловнаго равенства тутъ быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ и апостолъ предписываетъ женамъ повиноваться своимъ мужьямъ *во всемъ* (Еф. V, 24). Но нравственное равенство — необходимое условіе той семейной жизни, кабая предписывается закономъ божіимъ и которая ведетъ къ

истинному счастью мужа и жены. И противорѣчія тутъ нѣтъ. Если для блага семьи необходимо, чтобы одно лице приказывало, а другое повиновалось, то это не во имя виѣшней, тѣлесной силы одного и таковой же слабости другой, а во имя той любви которая у всякаго приказанія отнимаетъ то что есть въ немъ тяжелаго и суроваго, и всякое повиновеніе дѣлаетъ пріятнымъ и отраднымъ. Передъ Богомъ, по отношенію ко всему что называется жизнью души, мужъ и жена совершенно равны между собою. Во виѣшнихъ дѣлахъ жизни первый голосъ принадлежитъ, тому кто лучше разумѣетъ ихъ и способнѣе въ нимъ, т. е. мужу. Отсюда слѣдуетъ, что мужъ никакъ, ни въ какомъ смыслѣ не *господиць жены*; но былъ, есть и всегда будетъ *главой семьи*. Жена никакъ не рабыня, не невольница, не подданная мужа, но *помощь пріимчивая ему*; обязанная повиноваться мужу въ отношеніи права, она совершенно равна ему въ отношеніи нравственномъ.

Кромѣ всего, нельзя отрицать еще и того, чтобы добрая и умная жена не могла, не должна была вліять на волю своего мужа. Самое лучшее, самое законное здѣсь то чтобы строго соблюдалось равновѣсіе— между мужнимъ умомъ— болѣе крѣпкимъ и обширнымъ, и женскимъ— болѣе живымъ и проникательнымъ; между умомъ мужа— способнымъ обдумывать и обрабатывать разные планы и видѣть цѣль, и умомъ жены— способнымъ схватывать подробности и отыскивать средства; между умомъ который рѣшаетъ что должно дѣлать; и умомъ который угадываетъ, гдѣ и какъ должно дѣлать. — Въ семьѣ, живущей по закону Господа Бога, такъ все и дѣлается. Мужъ и жена общими силами заботятся и хлопчуть о пользахъ семьи. Вдвоемъ обдумываютъ, обсуждаютъ и рѣшаютъ они всякое семейное дѣло, такъ что и сказать нельзя, которому изъ нихъ принадлежитъ начальная и главная мысль дѣла. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они въ чемъ нибудь не сходятся, го-

лось главы семьи вершить дѣло, — но это безъ всякой заносчивости и жесткости съ его стороны, безъ всякаго униженія для жены, безъ малѣйшаго раздраженія съ ея стороны. Въ такой семьѣ всякая семейная дума идетъ такимъ образомъ, не возбуждая ни горячихъ споровъ, ни бривовъ, ни, тѣмъ болѣе, ссоръ. Понятно, что послѣ такихъ, и только такихъ, думъ — семейныя дѣла идутъ стройно, ко благу и счастью семьи; потому что мирно обдуманное и единодушно рѣшенное дѣло, такъ-же мирно и единодушно и дѣлается; а въ этомъ-то и есть вся сила и весь успѣхъ дѣла.

Но послѣ этого, какъ грустно, какъ возмутительно даже, видѣть жену которая усиливается первенствовать надъ мужемъ, для чего она не создана; которая все старается сдѣлать по своему, — «поставить на своемъ», какъ говорится, когда она нисколько не глава семьи; которая, вмѣсто кроткаго вліянія любви на волю мужа, хочетъ добиться этого крикомъ, бранью, зломъ! Несчастливая, этимъ только и добивается она, что вмѣсто равноправной помощницы мужу, дѣлается рабыней; — т. е. со стороны мужа идутъ жесткія и суровыя приказанія ей, подѣ страхомъ того или другаго наказанія за неисполненіе. А сколько вреда и зла отъ этого для семьи: когда жена заявляетъ притязанія все ставить на своемъ, тогда мужъ, естественно, не дѣлаетъ ее участницей ни общей думы, ни общесемейнаго совѣта; слѣдовательно обдумываетъ и рѣшаетъ односторонне и не полно; когда идетъ самое дѣло, тогда жена, не разумѣя что и для чего, скорѣе можетъ вредить дѣлу чѣмъ приносить ему пользу; а еще случается и то что озлобившись на невниманіе къ ней мужа, ея же самой заслуженное, усиливается идти на переборъ всему — что дѣлаетъ мужъ; — какой же можетъ быть успѣхъ дѣла, когда разладъ — до зла, до желанія нарочно портить дѣло, между главными дѣятелями? А какое губительное вліяніе на дѣтей: если между отцомъ и матерью нѣтъ

единодушія въ совѣтахъ и дѣлахъ; если каждый изъ нихъ во всемъ смотритъ врознь, то откуда они научатся тому братскому единенію, которое составляетъ силу и несокрушимую прочность семьи? Мать притязаетъ на первенство, отецъ казнить ее за то; что жъ остается дѣтямъ, какъ не подражать этому несчастному примѣру, — т. е. однимъ стремиться къ преобладанію, другимъ, какъ сумѣлось и пришлось, отстаивать свои права?—Но при этомъ возможно ли существованіе семьи? Никакъ. Она распадается на отдѣльные клочки; а что хуже всего, всѣ эти дробленія семьи начинаются бранью, сопровождаются озлобленіемъ и оканчиваются тѣмъ ожесточеніемъ однимъ противъ другаго, которое родныхъ братьевъ на всю жизнь дѣлаетъ ни чѣмъ непримиримыми врагами.

Но если грустно и возмутительно видѣть притязанія жены на первенство въ семьѣ, то видѣть мужа употребляющимъ во зло свое право, позволяющимъ себѣ гнесты и мучить свою жену, это значить уже—видѣть не человѣка, а животное и даже звѣря. Да, злоупотреблять силой противъ слабости, и притомъ слабости, которая есть слѣдствіе величайшаго и важнѣйшаго изъ дѣлъ земной жизни, — каково рожденіе дѣтей, это уже не дѣло разумнаго божьяго созданія, каковъ есть человѣкъ, а дѣло именно звѣря. Такъ обращаться съ женой вообще называется «тиранить жену». Тиранство имѣетъ много видовъ. Есть тиранство до того грубое, дикое, возмущающее душу, что мужей позволяющихъ себѣ его, по самой строгой справедливости, слѣдовало бы судить и осуждать, какъ посягающихъ на жизнь своихъ жень; да, не меньше, потому что тутъ идутъ въ дѣло такіе побои и истязанія жень, которыя доводятъ ихъ до безчувствія, до полумертва, что, разумѣется, преждевременно сводить ихъ въ могилу ³⁾. — Есть тиранство не столько страш-

³⁾ Не столько въ крестьянской сколько въ мѣщанской средѣ тиранство жень доходить до самой крайней степени, до той—когда оно совершенно вѣрно

ное, но не менѣ вредное, дѣйствующее на здоровье и жизнь жены подобно медленному яду; это—тѣ душевныя оскорбленія, часто ни чѣмъ незаслуженныя, тѣ выходки злаго и загрузѣлаго сердца, которыя слишкомъ болѣзненно дѣйствуютъ на самую неразвитую женщину, заставляють ее обливаться горькими, отъ самой глубины сердца, слезами, и, какъ говорится, «убиваться отъ тоски»; потому что женщина на самыхъ нижнихъ ступеняхъ общества съ избыткомъ самой природой надѣлена той мягкостью сердца, той впечатливостью чувствъ, которыя не позволяютъ ей хладнокровно, безъ потрясенія всего внутренняго существа, выносить оскорбительныя, злыя, ни чѣмъ ею незаслуженныя нападки на нее. Есть тиранство отъ тѣхъ пошло - нечѣпыхъ капризовъ мужа, по которымъ онъ подъ иной часъ готовъ ласкать и ублажать свою жену — до возбужденія въ ней отвращенія къ неумѣреннымъ ублаженіямъ а въ другое время, по цѣлымъ суткамъ, и ѣсть и глотеть ее за какіе-нибудь сушіе пустяки, и даже ни за что ни про что; а такъ—взошла въ голову такая дурь чтобы помучить жену. Есть тиранство, выражающееся въ той сухости, холодности, суровой молчаливости мужа, вслѣдствіе которыхъ самая добрая, заботливая, любящая жена не слышитъ отъ него слова ласки и привѣта, и доводится, наконецъ до того невыносимотяжелаго положенія, что мужъ дѣлается для нея грозой и стра-

можетъ быть названо медленнымъ убійствомъ. Бѣдность, слѣдствіе нравственной распушенности, житейскія невзгоды, неудачи задуманныхъ предѣловъ и т. п.,— все это вмѣщается на женѣ ругательствами и истязаніями, при которыхъ мужъ, особенно подъ вліяніемъ одурающаго нитя, безъ малѣйшаго преувеличенія, дѣлается звѣремъ — и рвущимъ, и душащимъ и топчущимъ ногами свою жертву. Ни никакой защиты ни отъ кого убиваемой жертвѣ! —Однимъ изъ поводовъ такъ неистовствовать мужьямъ можетъ быть легкость, съ которой они могутъ вступать во второй и третій бракъ. Така именно, —у подобныхъ людей самая обыкновенная поговорка надъ избитыми ими до полусмерти женами: — «сидихай; — издохнешь, у меня двѣ вперед». И конечно, являются двѣ безъ малѣйшей задержки; потому что никому нѣтъ дѣла до того что сведо въ могилу его первую и вторую жену.

шилицемъ, въ присутствіи котораго она вся теряется, дѣлается неспособною—ни сказать слово кетати, ни сдѣлать самое простое дѣло съ толкомъ и успѣхомъ. — Да и перечесть ли всѣ виды тиранства? Никогда не перечесть; потому что у рѣдкаго изъ мужей нѣтъ своей особенной замашки—такъ или иначе, больше или меньше, помучить свою жену, или, какъ говорится, «потѣшиться надъ женой», потѣшиться просто отъ нечего-дѣлать, не обращая никакого вниманія на то что иная потѣха стоитъ тѣхъ пытокъ и истязаній, о которыхъ говорено выше, и ведетъ не къ лучшимъ послѣдствіямъ. И никто-то не хочетъ подумать о томъ что тиранство семейное—одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, какія только могутъ совершать люди! Да, изъ всѣхъ возможныхъ тиранствъ, какія позволяютъ себѣ сильные надъ слабыми, самое ненавистное, самое отвратительное,—тиранство домашнее; потому что тутъ зло неизлечимо, или, по крайней мѣрѣ, возможное лекарство само въ себѣ есть крайнее зло,—зло непоправимое. Такъ, что можетъ сдѣлать женщина противъ буйства, насилій и жестокостей мужа? Жаловаться начальству?

Да, она имѣетъ право жаловаться, и мужъ *можетъ*, долженъ быть наказаннымъ, потому что мужъ - тиранъ, — преступникъ не только божескаго, но и нашего гражданскаго закона. Въ немъ, въ нашемъ гражданскомъ законѣ, прямо сказано: «мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи⁴⁾. Значить, такой мужъ

*) Св. Зак. Т. X; Ч. I, § 106. — Здѣсь же (§ 107) сказано, что жена обязана повиноваться мужу своему, какъ главу семейства; пребывать къ нему въ любви, въ почтеніи и въ неограниченномъ послушаніи, оказывать ему всякое угожденіе и привязанность, какъ хозяйка дома. Слишкомъ трудно, если только возможно опредѣлать смыслъ этой статьи о неограниченномъ послушаніи и всякомъ угожденіи: неограниченное и всякое—основа для самыхъ крайнихъ злоупотребленій мужней власти.

идеть прямо противъ этой статьи закона, и заслуживаетъ наказаніе, — какое? А вотъ какое, по нашимъ уголовнымъ законамъ: «За жестокое обращеніе съ женою, особливо въ случаѣ нанесенія ей увѣчья или ранъ, мужъ, по жалобѣ супруги или ея родителей, подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ за тяжкіе побои, раны или увѣчья, съ возвышеніемъ оныхъ двумя степенями и церковному покаянію»⁵⁾; — а виновные въ этихъ преступленіяхъ «приговариваются къ ссылкѣ, или въ каторжную работу на заводахъ отъ 4 до 6 лѣтъ, или, неизъятые отъ тѣлеснаго наказанія — наказанію розгами и къ отдачѣ въ арестанскія роты отъ 6 до 7 лѣтъ и отъ 1 до 4 лѣтъ; или къ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 1 года до 2 лѣтъ; или къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяц. до 1 года?»¹⁾, и п. т. п. Вотъ чему подвергается мужъ за тиранство своей жены. И положимъ, что онъ получитъ заслуженное наказаніе; но что за тѣмъ? — Онъ или возвращается, или не возвращается въ семью; что ждетъ жену въ первомъ случаѣ? Если мужъ тиранилъ свою жену безъ всякаго повода съ ея стороны, то озлобленный, ожесточенный полученнымъ наказаніемъ, развѣ не постарается онъ расплатиться съ нею по-своему, лишь съ большею осторожностью, чтобы преступленіе не могло быть доказаннымъ? Что ждетъ жену во второмъ случаѣ? Она, почти всегда съ дѣтьми, — какъ говорится, уже «ни дѣвица, ни вдова, ни мужняя жена», — какъ можетъ существовать она въ такомъ положеніи?

Вотъ почему большинство женъ, тиранимыхъ мужьями, предпочитаетъ все выносить на себѣ, чѣмъ обращаться къ начальству съ жалобами. Не знаютъ онѣ законовъ, но слишкомъ хорошо понимаютъ, что не только жалобы, которыя еще и остаются почти всегда безъ послѣдствій, потому что мужъ съ умѣтомъ или откупится, или инымъ образомъ отдѣлаться отъ

⁵⁾ Улож. Нак. Угол. и Испр., преступленія противъ правъ семейственныхъ §§ 2040—2093. ¹⁾ Тамъ же, — §§ 1948—1969.

заслуженнаго наказанія ⁶⁾; даже огласка мужняго буйства, даже заявленіе его роднымъ отцу и матери, — все это вымѣстится, жестоко и беспощадно, на нихъ-же самихъ; и потому молча глотаютъ онѣ слезы безразсвѣтнаго горя-до отчаянія, и таково, случается, страшнаго отчаянія, которое заставляетъ поднимать руки на себя, или посягать на жизнь мужа. Но каково-жъ это положеніе—беззащитное, безвыходное?! И что за мать дѣтямъ въ такомъ положеніи?! Вмѣстѣ съ кровью, жизнью и молокомъ не передастъ ли она имъ несокрушимой непріязни къ отцу, за то-что поругана и убита ея жизнь? Да, несомнѣнно, неизбѣжно передастъ, потому что нужно стать выше обыкновеннаго человѣчества, чтобы съ любовію благословлять ту руку, которая сводитъ преждевременно въ могилу.

Всякая власть неразлучна съ отвѣтственностью и всякое право опирается на обязанность. Какія же обязанности главы семьи?

О главной обязанности мужа, по отношенію къ женѣ и отцу по отношенію къ дѣтямъ, уже было говорено. Напомнимъ здѣсь объ этомъ, какъ указывается въ священномъ писаніи: «мужья любите своихъ женъ и не будьте къ нимъ суровы (Кор. 111, 19; см. Еф. V. 25); мужья обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немогущимъ сосудомъ (Петр. II, 7); оказывайте женѣ должное благорасположеніе (1 Кор. VII, 3); отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи

⁶⁾ Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда доведенныя до крайности жены приносятъ жалобы на мужей, — въ крестьянствѣ весь судъ ограничивается тѣмъ что обвиняемый поставитъ ведро-другое водки, перепойтъ праведныхъ судей и горлановъ на міру и, по ихъ приговору, сбьетъ жену какъ только захочетъ, за то что она «осрамила мужа» своей жалобой. Что-жъ остается ей затѣмъ? Идти дальше мірскаго суда; — но куда и съ чѣмъ? — сбѣжать отъ мужа и бродяжничать; — а дѣти?! Впрочемъ, случается, и особенно часто стало случаться въ послѣднее время, что бѣгутъ оставшия все, даже дѣтей; бродяжничаютъ, попадаютъ и предпочитаютъ идти за бродяжничество въ Сибирь, чѣмъ возвратиться къ ненавистному мужу.

и наставленіи господнемъ» (Еф. VI, 4). Затѣмъ на немъ лежать обязанности иного рода, которыя въ нашемъ гражданскомъ законѣ опредѣляются такъ: «мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей; родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное, по своему состоянію⁷⁾».

Такъ, если мужъ дѣлается главой семьи, то это потому что онъ естественный ея хранитель и покровитель; и его власть была бы преимуществомъ невыносимымъ и нестерпимымъ, если бы онъ добивался вліять на семью, самъ ничего не дѣлая въ пользу ея, и не воздавая семьѣ за ея подчиненіе ему доставленіемъ ей всего нужнаго для жизни.

Значить, прямое дѣло главы семьи — обезпечивать ее во всемъ нужномъ для жизни, доставлять ей средства удовлетворять своимъ каждодневнымъ потребностямъ. Какими способами и средствами? Трудомъ неукоривленно-честнымъ. Трудъ, поэтому, непреложный, ничѣмъ неотмѣняемый долгъ главы семьи; долгъ всѣхъ и во всѣхъ классахъ общества безъ исключенія. Да, заповѣдь Божія: «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой», легла на всѣхъ потомковъ адовыхъ. Не освобождены отъ исполненія этой заповѣди и тѣ которые получили отъ предковъ обильныя средства жизни: если безъ пота лица достается имъ кусокъ хлѣба, то предлежитъ имъ цѣложизненный трудъ служенія обществу въ разныхъ званіяхъ и должностяхъ; трудъ, часто, неменѣе тяжелый — чѣмъ и приобрѣтеніе потомъ и мозолями насущнаго куска хлѣба, и отъ котораго не могутъ они уклониться подъ страхомъ наказанія за неисполненіе заповѣди божіей. Что до тѣхъ у которыхъ средства жизни добываются личнымъ трудомъ, то горе тѣмъ изъ нихъ, которые предаются лѣности — они тройнѣ преступники: противъ

⁷⁾ Св. Зак. Т. X, Ч. 1, §§ 106 и 172.

заповѣди божіей, противъ семьи и противъ общества. «Лѣни-
вая рука сдѣлаетъ бѣднымъ (Притч. X, 4); рука прилежныхъ
владеетъ, а лѣность дѣлается данницею (— XII, 24);
камню замаранному подобенъ лѣнивый; всякій освищетъ его
при его бѣдности (Сирах. XXII, 1); проходилъ я мимо поля че-
ловѣка лѣниваго, — и вотъ все оно заросло колючими расте-
ніями, терніе разостлалось по нему и изгорода его обрушилась;
и увидѣвъ, я обратилъ на него мысль свою, посмотрѣлъ и
взялъ себѣ на замѣчаніе; не много поспишь, не много подрем-
лешь, немного сложивъ руки полежишь, и придетъ къ тебѣ
бѣдность, какъ наѣздникъ, и ницета къ тебѣ, какъ воору-
женный разбойникъ» (Притч. XXIV, 30—33);— вотъ что говорятъ
мудрые; не то же ли самое свидѣлствуютъ и опыты житей-
скіе?— За лѣнью бѣдность; за бѣдностью— займы у кого толь-
ко можно, — «а должникъ всегда рабъ заимодавца», по слову
мудраго (Притч. XXII, 7); обдолжалому бѣдняку остается сред-
ство не умереть съ голоду— нищенство, и не то нищенство, ко-
торое возбуждаетъ состраданіе, а то которое сопровождается
презрѣніемъ; — сколько-жъ тутъ преступленій? именно три:
лѣнивый нарушилъ заповѣдь божію о трудовомъ кускѣ хлѣба,
и не употребилъ на добро всѣхъ тѣхъ силъ, которыя даровалъ
ему Господь Богъ, — преступленіе противъ Бога; заставилъ го-
лодать, бѣдствовать и подвергъ презрѣнію свою семью, — пре-
ступленіе противъ семьи; взвалилъ на общество лишнее и не
нужное бремя — бормить его семью и нести за него разныя тя-
готы и повинности, — потому что что-жъ возьмешь съ нищаго,
у котораго все развалилось и на полосахъ котораго лишь сор-
ная трава? — преступленіе противъ общества, не говоря уже о
другихъ, бѣдшихъ преступленіяхъ, къ которымъ почти всегда
ведетъ такого рода ницета. Вотъ что дѣлаетъ лѣнивый своею
лѣнью! И тоже самое дѣлаетъ расточитель, какимъ бы спосо-
бомъ — пьянствомъ, распутствомъ и т. п. ни расточалъ свое

имущество: «пьяница и расточитель обѣднѣють и сонливость одѣнегъ въ рубища (Притч. XXIII, 21); любители веселья остаются въ нищетѣ; кто любитъ вино, не разбогатѣеть» (—XXI, 17), говорить мудрый и подтверждаетъ опытъ. Такъ, лѣнивый и расточитель одно и то-же для семьи; отъ того и другаго семья въ лохмотьяхъ и подбирается кусками хлѣба подъ чужими окнами. Заслуживаютъ ли же такіе названія—«главы семьи»? Нисколько. —«Нерадивый въ работѣ своей—братъ расточителю» говорить мудрый (Притч. XVІІІ, 9); и вотъ приговоръ на таковыхъ другаго мудраго: «калу воловьему подобенъ лѣнивый; кто касается его отрясаетъ руку» (Сир. XXII, 2).

— Но и трудъ труду рознь. Въ потѣ лица добываетъ себѣ хлѣбъ земледѣлецъ; но не безъ пота-же лица упражняется и воръ въ своихъ преступныхъ дѣлахъ; не безъ трудовъ, случается и тяжкихъ, достаются и беззаконныя приобрѣтенія. Но если кому такъ главѣ семьи необходимо—больше всего на землѣ, больше всякой бѣды, бояться и такихъ трудовъ и такихъ приобрѣтеній, потому что въ нихъ несомнѣнно гибель всей его семьи. «Въ прибыткахъ беззаконника—начало разстройства», говорить мудрый (Притч. XV, 6), —разстройства полного всѣхъ дѣлъ семейныхъ, потому что лишь на честныхъ приобрѣтеніяхъ лежитъ благословеніе божіе, которое служитъ несокрушимой основой семьи и всѣхъ дѣлъ семейныхъ; на приобрѣтеніяхъ беззаконныхъ—проклятiе божіе, которое неминуемо ведетъ ко всякимъ бѣдамъ и напастямъ. «Имѣніе неправедныхъ, какъ рѣка иссохнетъ и какъ сильный громъ съ дождемъ отзвучитъ (Сирах. XI, 13); исчезнетъ плодъ дома ихъ, имѣніе въ день гнѣва божіа» (Іов. XX, 28)—такъ говорится въ другихъ мѣстахъ священнаго писанія обо всѣхъ тѣхъ, которые нечестнымъ путемъ и беззаконными средствами хотятъ обезпечить свою семью. Не то же ли самое свидѣтельствуетъ и житейскій опытъ? Не прахомъ ли идутъ—не какіе нибудь

скудные достатки земледѣльца, а тысячи и миллионы, въ основѣ которыхъ неположена честность? Небѣдствуютъ ли, сплошь — и рядомъ, семьи такихъ больше — чѣмъ семьи послѣднихъ бѣдняковъ? О да, — мудро слово Премудраго: «лучше немногое съ правдою, нежели множество прибытковъ беззаконныхъ» (Притч. XVI, 8). «Немногое съ правдою» и, поэтому, съ благословіемъ божіимъ, доставляетъ ту мирную, отрадную, счастливую жизнь семьѣ, какой никогда не доставятъ миллионныя, но беззаконныя прибрѣтенія; потому что возможное счастье на землѣ зависитъ не отъ прибытковъ и капиталовъ, — эти только возбуждаютъ многія и гибельныя для души и даже для тѣла страсти, и несутъ съ собою заботы и крушеніе духа, — а отъ мира въ совѣсти и въ душѣ, и отъ удовлетворенныхъ главныхъ потребностей жизни.

Такъ, трудомъ безукоризненно-честнымъ доставлять своей семьѣ все нужное для жизни — долгъ главы семьи. Но это одна сторона дѣла; есть другая, не менѣе если не болѣе важная, также лежащая на отвѣтственности главы семьи. Это — водворять и сохранять миръ въ семьѣ.

Что раздоры семейные — одно изъ величайшихъ несчастій на землѣ, — объ этомъ говорить нѣтъ нужды. Каждый собственными глазами можетъ видѣть, что они ведутъ къ разстройству, упадку и гибели семей, значить, ко вреду всего общества. Поэтому предупреждать раздоры въ семьяхъ, вводя въ нихъ духъ мира и единенія, — дѣло слишкомъ важное. Чье же это дѣло? — Собственно, хоть и не единственно, — главы семьи. — На то онъ и умъ и сила семьи, чтобы оберегать ее отъ всего вреднаго. — Какимъ путемъ и средствами онъ долженъ тутъ дѣйствовать? Первое, съ чего онъ долженъ начать, это жена.

Есть одно, чрезвычайно — важное, обстоятельство въ семейной жизни, на которое у насъ почти совсѣмъ не обращаютъ

вниманія; это — положеніе молодой жены въ новой, чужой для нея семьѣ. — Бракъ, такъ или иначе, по взаимному влеченію жениха и невѣсты, или по соглашенію старшихъ въ семьѣ, совершился, новое лице вступило въ семью; — какъ-же смотрятъ на него прочіе члены семьи; какъ обращаются они съ «молодой»? Въ большинствѣ именно такъ чтобы на самыхъ первыхъ шагахъ ея семейной жизни ей пришлось испытать все — что есть самага тяжелаго и невыносимаго въ этой жизни.

Какъ нѣтъ двухъ человекъ на землѣ во всемъ схожихъ между собой, такъ нѣтъ двухъ семей которыя жили бы совершенно одинаковой жизнью. Вотъ хоть бы крестьянскія семьи, — по внѣшности, казалось бы, чѣмъ онѣ отличаются одна отъ другой? — А между тѣмъ всмотрѣться, въ каждой есть свои особенности, случается очень рѣзкія особенности — обращенія семейныхъ между собою; особенности — во взглядахъ на житейскія дѣла и на людскія отношенія, въ пріемахъ при работахъ, даже въ складѣ рѣчи, что чуткое къ народному говору ухо различить даже въ дѣтяхъ разныхъ семей, играющихъ гдѣ-либо на улицѣ, и пр. и пр. Отсюда образуются семейныя привычки, отрѣшиться отъ которыхъ слишкомъ трудно; трудно даже для мужчины, такъ что крестьянинъ, перенесшій напр. свою дѣятельность изъ деревни въ городъ и разбогатѣвшій, всостояніи измѣнить внѣшнюю житейскую обстановку, но никакъ не всостояніи отстать отъ тѣхъ навыковъ, съ которыми онъ сжился въ своей родной семьѣ: — въ богатомъ, разубранномъ и разукрашенномъ домѣ, онъ все тотъ же крестьянинъ извѣстной мѣстности, извѣстной семьи ⁸⁾. Если-жъ мужчина

⁸⁾ Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія, что слишкомъ хорошо извѣстно крестьянству и тѣмъ изъ живущихъ въ его средѣ, которые внимательно слѣдятъ за строемъ всей его жизни. Именно, всякая семья имѣетъ свой особенный типъ — сколько въ наружномъ сходствѣ членовъ семьи, столько во всемъ складѣ жизни и рѣчи, такъ что въ разбогатѣвшемъ горожанинѣ — изъ крестьянъ туземецъ сейчасъ отличить — изъ какой именно онъ семьи, хотъ-бы никогда прежде и въ глаза его не видывалъ

втягивается такъ въ семейныя привычки, то что-жъ сказать о дѣвицѣ которая вся и всецѣло въ семьѣ? Естественно, привычка родной семьи прививается къ ней еще крѣпче; до того что много потребуется ей борьбы и усилій, чтобы втннуться въ жизнь чуждой ей семьи. И вотъ, перешла она изъ подъ роднаго подъ чужой кровъ, — и все здѣсь ей ново, непривычно, дико, — отъ новой жизни вдвоемъ и до отношеній къ прочимъ членамъ семьи. Что нужно для нея на первыхъ шагахъ новой жизни, по одному простому здравому смыслу? — Нужно терпѣннѣе, бережью, лаской приучить къ новому мѣсту, къ новымъ людямъ. Да, если умные хозяева и новокупленное животное холью и бережью заботятся приучить къ себѣ, то на сколько-жъ это необходимѣе по отношенію къ молодой женщинѣ, только что разставшейся съ отцовскимъ кровомъ и съ любящимъ крыломъ матери? А между тѣмъ, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, въ новой семьѣ относятся къ ней строже, притязательнѣе, беспощаднѣе, чѣмъ къ кому либо изъ прочихъ членовъ этой семьи; т. е. поступаютъ именно на перекоръ здравому смыслу. — Первая, которая поднимается на невѣстку, это всегда свекровь, — сколько потому что она старшее лице въ домашнемъ хозяйствѣ, столько и потому бессмысленному расчету что если не озадачить, не ошеломить невѣстку на первыхъ порахъ, такъ она — «зазнается, возьметъ волю и надъ ней» — свекровью. Отсюда — требованіе работъ, услугъ, дѣла — ни однимъ словомъ, ни намекомъ не указавши — что именно и въ какой мѣрѣ требуется отъ нея. Затѣмъ, когда она, по соображеніямъ свекрови, мало дѣлаетъ, на нее обрушиваются цѣлые потоки, — еще не ругательствъ на первыхъ порахъ, а тѣхъ злостныхъ укоровъ и намековъ, которые не выносимѣ всякихъ ругательствъ, и которые на народномъ языкѣ совершенно вѣрно характеризуются выраженіемъ: «поѣдомъ ѣсть»; — когда она рвется и мечется, желая угодить сво-

ими услугами, но все не впадетъ, потому что привычная жизнь этой семьи ей совершенно чужда, ее безжалостно колеть свекровь тѣми ядовитыми насмѣшками, которыя сильны убить всякій порывъ къ дѣлу, всякое желаніе быть полезной своими работами семьѣ. Озадаченная, ошеломленная, «молодая», естественно, теряетъ и на все опускаетъ руки; — а это только и надобно было свекрови, чтобы убѣдить всѣхъ въ семьѣ что «изъ молодой» толку и проку не будетъ, если она не подчинится свекрови безусловно во всемъ, которая, при этомъ условіи, и направитъ ее на путь истинный. Разумѣется, свекровь добивается своего, т. е. всѣ въ семьѣ смотрятъ на «молодую» ея глазами; всѣ относятся къ ней также любезно, какъ и свекровь, и хлопчуть чтобы совсѣмъ затереть ее. — Но человѣческая личность безнаказанно не можетъ быть понираема. Та же самая «молодая» которой такъ горько и мучительно достаются первые опыты ея новой жизни, проникается вся самыми глубокими, непріязненными чувствами къ свекрови, какъ къ главной виновницѣ убиваемыхъ такъ безжалостно лучшихъ дней жизни. Не мать — какъ-бы слѣдовало, — врага видитъ она себѣ въ своей свекрови; — и этотъ начальный взглядъ рѣдко измѣняется во всю послѣдующую жизнь. Да, не напрасно въ народныхъ пѣсняхъ общій эпитетъ свекрови — «лихая»; не напрасно въ этихъ пѣсняхъ жизнь «молодой» въ новой семьѣ рисуется какъ безвыходная мука, какъ безразсвѣтная истома: — жизнь выработала эти пѣсенные стоны, отъ которыхъ у самыхъ хладнокровныхъ потрясается вся душа. Въ нихъ, какъ нельзя вѣрнѣе, выражается положеніе «молодой» въ чуждой для нея семьѣ: — она готова бѣжать въ лѣса дремучіе, къ звѣрямъ лютымъ; въ нихъ надѣясь найти болѣе жалости и состраданія, чѣмъ въ принявшей ее семьѣ; — должно быть не особенно отрадно и сладко это положеніе. — И что же въ этомъ положеніи — задатки-ли мира и единенія семейнаго? Съ чувствами-ли

родственныхъ влеченій зачнется, родится и вскормится новое поколѣнiе по отношенiю къ поколѣнiю старшему? Нѣтъ надобности говорить съ какими чувствами: жизнь почти не представляетъ примѣровъ, чтобы дядя жили подъ одной кровлей съ взрослыми племянниками, или, чтобы живя даже подъ разными кровлями, относились взаимно хоть такъ—какъ относятся добрые сосѣди: кровная связь между ними еще слишкомъ близка; но она совершенно разорвана всѣмъ тѣмъ, отъ чего болѣла и изнывала душа матери племянниковъ; пусть личныхъ обидъ они не видали отъ дядей, но въ ихъ крови неодолима неприязнь къ всей дѣловской семьѣ.

На комъ же тутъ лежитъ обязанность—иначе устроить жизнь «молодой»? На «главѣ жены», т. е. на мужѣ. Въ томъ то и выразится что онъ именно *глава*, т. е. смыслъ и умъ будущей семьи, если онъ поставитъ свою жену въ тѣ добрыя отношенiя ко всей семьѣ, которыя сколько могутъ служить залогомъ семейнаго мира и единенiя, столько въ ней самой разовьются стремленiя именно къ жизни мира и единенiя, стремленiя которыя она съ плотию и кровiю передастъ своимъ дѣтямъ. Тѣмъ и докажетъ онъ, что смыслящая глава и, слѣдовательно, имѣющая право на семейное первенство, если съ самаго начала своей супружеской жизни такъ поставитъ свою жену чтобы она, повинуваясь новымъ родителямъ, служа новымъ роднымъ, ничего при этомъ не теряла изъ своего званiя жены и будущей матери; чтобы въ ней не только не глохли или, что еще хуже, не направлялись въ дурную сторону ея сердечныя влеченiя, но напротивъ развивались и находили себѣ удовлетворенiе въ новой для нея семьѣ. Что-жь ему нужно дѣлать для этого? — Ясно — приучить свою молодую жену къ новой для нея жизни. А чтобы приучить, разумѣется—надобно *учить*.

Но какая же это должна быть наука,—та-ли которая въ

обыкновеніи, на подобные случаи, въ народной средѣ, или другая какая?

Какія понятія у народа соединяются съ словами—*наука* и *учить*, страшно и вспомнить. *Учить* — на его языкѣ именно значить—побоями и всевозможными истязаніями добиваться, чтобы человекъ дѣлался умнѣе, точнѣе выполнялъ свои обязанности и т. п. — «Отецъ *поучилъ* сына, мужъ *поучилъ* жену», именно значить что въ дѣло были употреблены побои. Такое ученье молодыхъ женъ дѣйствительно въ ходу среди народа, и, разумѣется, руки мужа прежде всего направляются ради этой науки. Къ чему ведетъ такая наука, объ этомъ уже было говорено; здѣсь замѣтимъ только что мужъ, разъ дерзнувшій поднять свою руку на жену, уже нарушилъ ту заповѣдь апостола, по которой онъ долженъ любить свою жену какъ самаго себя, беречь ее какъ свое собственное тѣло,—а самаго себя никто не терзаетъ кромѣ сумасшедшихъ, — и сдѣлалъ первый шагъ къ своей розни съ женою и, слѣдовательно, къ несчастію всей своей жизни; потому что не отъ побоевъ же развивается и крѣпнеть любовь,—а безъ любви что-жъ за жизнь семейная?

Нѣтъ, не эта гибельная наука должна быть употребляема имъ въ дѣло, особенно въ первую, лучшую пору ихъ супружеской жизни, а та—которая мѣрами тихими и кроткими вліяетъ на умственные силы другаго, развиваетъ ихъ безъ шума, безъ крику, терпѣливымъ словомъ совѣта, разумленія, убѣжденія. Если жена отъ Бога данная ему помощница всей жизни, то именно ради того чтобы она была ему дѣйствительною помощницей, а незабитой и потому ни къ чему неспособной рабой,—онъ долженъ быть самымъ крѣпкимъ и надежнымъ ея помощникомъ въ то время, когда она еще не освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ; разъяснить и указать, что именно желается и требуется отъ нея въ непри-

вычной для нея семьѣ, идти объ руку съ нею въ дѣлѣ для нея непосильномъ, предупреждать непріязненные выходки матери, что для него, какъ знающаго характеръ ея, возможно и удобно; безъ брани и зла, но твердо и настойчиво, оберегать жену отъ выходокъ другихъ членовъ семьи; а тамъ— гдѣ не успѣеть или не сможетъ этого, не замедлить утѣшеніемъ и ободреніемъ ея; словомъ— во всемъ и всегда быть для нея надежнымъ совѣтникомъ и твердой опорой;— и все во имя любви, и ничего во имя страха,— вотъ это и будетъ значить *учить* жену и приучить къ новой семьѣ и жизни. Такая, и только такая наука послужитъ въ самый существенный прокъ женѣ, а чрезъ нее мужу и будущимъ дѣтямъ ихъ, да и всей отцовской семьѣ. Подъ вліяніемъ *такой* науки будутъ развиваться въ ней не тѣ дурныя стороны, какія есть въ каждомъ человѣкѣ, — не раздражительность до конечнаго озлобленія и ожесточенія, не прирожденно-злыя наклонности сердца которыя, развившись, изъ человѣка дѣлаютъ звѣря; а тѣ добрыя и свѣтлыя стороны души, которыя дѣлаютъ изъ человѣка лучшее созданіе божіе на землѣ, отраду и счастье для тѣхъ съ кѣмъ живетъ онъ. Молодая женщина, на первыхъ порахъ своей супружеской жизни, то-же что хорошая глина:— брошенная безъ призору, небрежно попираемая всеми, она загрубѣетъ, иссохнетъ и сдѣлается ни къ чему негодною; съ терпѣніемъ ухоженная, съ умѣньемъ размягченная, она получитъ способность принять какую угодно форму на несомнѣнную пользу другимъ. Слова нѣтъ, и тутъ бываютъ исключенія, — иная и молодая жена попадетъ такое зелье, что ее ничѣмъ, — ни какимъ терпѣніемъ, ни какою любовію не сдѣлаешь доброй и миролюбивой; но такія исключенія чрезвычайно рѣдки. А вообще, не въ семью входятъ, а въ семью дѣлаются зельемъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ сказали мы выше. Женщина въ первую пору своей молодости искренно

и горячо отвѣчаетъ на всякій призывъ, на всякое слово мужней и вообще семейной любви; нѣтъ жертвъ, которыя она задумалась бы принести изъ самой себя по этому призыву, по этому слову. А если вмѣсто ихъ она слышитъ только незаслуженныя оскорбленія, видитъ отъ всѣхъ гоненія, то чѣмъ же и сдѣлаться ей, наконецъ, какъ не зельемъ?

И благо тому мужу который сумѣетъ, съ самаго начала, добромъ повліять на добрыя и свѣтлыя стороны души своей жены: никакой жизненный трудъ, никакое его дѣло не принесутъ ему столько радостей на землѣ, какъ это доброе вліяніе на существо, съ которымъ неразрывно связана вся его жизнь, и настоящая и будущая. Разъ, — его разумная наука будетъ вѣрнымъ залогомъ мира въ отцовской семьѣ — подъ вліяніемъ такой науки его жена скоро приучится къ новой для нея семьѣ, къ ея духу и строю; не будетъ смотрѣть на себя, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ на что-то чуждое этой семьѣ, лишь судьбой загнанное подъ негостепріимную кровлю, — а скоро прикинеть душой къ общей ея жизни, ко всѣмъ ея интересамъ: — сколько же тутъ предотвратится столкновений, всегда разрѣшающихся бранью и ссорами? Да и всѣ ея отношенія къ старшимъ и младшимъ въ семьѣ примутъ то направленіе, которое именно ведетъ къ сохраненію семейнаго единенія: не запуганная и не забытая, она будетъ повиноваться и служить другимъ не за страхъ, отъ котораго добра не бываетъ, а за совѣсть, за любовь, съ которыми что ни дѣлается, все дѣлается во благо и въ удовольствіе другимъ. Кромѣ того, разумно отстаивая права жены, какъ человѣка и хрістіанки, онъ тѣмъ самымъ укажетъ прочимъ членамъ семьи прямую ихъ обязанность — относиться къ ней, какъ къ личности имѣющей уже законное право на уваженіе; право, данное ей самимъ Богомъ: — отъ сколькихъ-же непріязненныхъ и безсмысленно притязательныхъ выходовъ спасетъ онъ ее? Вообще жизнь на каждомъ шагу пока-

зываетъ, что если мужъ съ любовію и уваженіемъ относится къ своей женѣ, то и прочіе члены семьи не накидываются на нее съ своими бранными и язвительными выходками; даже самыя стронтивыя свекрови при этомъ ограничиваются лишь тѣмъ, что втихомолку, гдѣ-нибудь въ углу, отдѣлываютъ свою невѣстку за что-либо имъ неудобное; даже наиболѣе самодурные свекры опускаютъ свою бичующую руку передъ такой невѣсткой, зная, что любящій мужъ никому—ни отцу родному, не дастъ въ обиду своей жены;—а стоитъ мужу съ самаго начала своей женатой жизни показать небреженіе или недостатокъ любви къ своей женѣ, —кончено:—оскорбленіямъ и гоненіямъ ея отъ всѣхъ въ семьѣ не будетъ ни конца, ни мѣры.

Затѣмъ жена, такъ поставленная въ новой для нея семьѣ, внесетъ и въ свою будущую семью то сокровище, которое выше всѣхъ благъ земныхъ, духъ мира и любви. Горькая, возмутительная, но тѣмъ не менѣе, несомнѣнная правда, что гонимая въ семьѣ женщина срываетъ накипѣвшее на душѣ зло особенно на своихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, даже грудныхъ и колыбельныхъ. Часто, къ несчастью слишкомъ часто, приходится слышать у крестьянскихъ женщинъ такого рода колыбельную пѣснь: «что не дрыхнешь проклятый пострѣленокъ? вотъ теперь ходи за тобой; ночи не спи; а вырастешь, такой же разбойникъ будешь, какъ и всѣ»,—пѣснь, сопровождаемую такими встряхиваніями и колотушками, которыя нисколько не свидѣтельствуютъ о желаніи матери жизни ребенку. Не дикія ли и злыя сѣмена залагаются этой несчастной матерью въ душу ребенка? Съ самымъ молокомъ своимъ не передаетъ ли она въ плоть и кровь ему зачатки того чтобы изъ него именно готовился «разбойникъ», т. е. будущій тиранъ семьи? Да, какъ объ этомъ уже и было говорено прежде. И еще иной безсмысленный глава семьи жалуется, что «дѣти и изъ подростковъ не вышли, а ужъ совсѣмъ отъ рукъ отбиваются:—между со-

бой грызутся какъ волчата, да и его, отца, ставятъ ни во что; а ужъ онъ-ли, кажись, ихъ не училъ». А спросить его: «какъ обращался ты съ женой, когда она была беременна и кормила грудью своихъ дѣтей,—какъ любящій мужъ, или какъ тиранъ?»—Какъ тиранъ,—такъ и наслаждайся, совершенно заслуженно, плодами своего тиранства: мать передала лишь дѣтямъ то чѣмъ ты самъ надѣлялъ ее. И дважды безсмысленный,—чѣмъ и какъ онъ думаетъ поправить имъ самимъ посѣянное зло?—Безопасными побоями!—т. е. къ злу прилагаетъ новое зло,—конечное озлобленіе дѣтей противъ самого себя! А жалуется! Такъ,—мать именно проводникъ дѣтямъ тѣхъ вліяній, подъ которыми идетъ ея собственная жизнь. Охраняемая любовью мужа отъ всего — что могло бы вредно дѣйствовать на ея душевное настроеніе,—дѣтямъ своимъ, вмѣстѣ съ жизнью и воспитаніемъ, передать то-же настроеніе мира и любви, ихъ воспитать въ томъ стремленіи къ взаимному единенію, которое не только родныхъ братьевъ сплочиваетъ въ одну общую и нераздѣльную жизнь, но идетъ дальше перваго родственнаго колѣна,—въ двоюродныхъ, троюродныхъ отзывается глубокой взаимной привязанностью.

Вотъ дѣло главы семьи. Но его обязанность не только водворять миръ въ семьѣ, но и охранять его отъ всего — что могло бы вредить ему съ виѣшной стороны. Тутъ какія могутъ быть опасности? О, не мало ихъ; и нужны зоркій взглядъ и умъ именно главы семьи, чтобы его внутренней семейный миръ не колебался отъ виѣшнихъ вліяній. — Странно, а не подлежитъ сомнѣнію и жизнь представляетъ безчисленные свидѣтельства того,—что мирно и счастливо живущая семья рѣдко служитъ примѣромъ для подражанія; напротивъ, всего чаще къ ней относятся съ чувствами недоброжелательства и даже какого-то озлобленія. Кто относится такъ? Разумѣется тѣ, въ чьихъ семьяхъ нѣтъ мира и радостей, значить нѣтъ никакого добра.

Чтожь заставляетъ ихъ такъ относиться? Понятно, зависть. И вотъ, по возбужденію этого дьявольскаго чувства, они не жалѣютъ усилій—вредить такой семьѣ словомъ, дѣломъ, всячески. Главное, на что бьютъ они, это—повредить семейному миру, т. е. въ самой основѣ испортить счастье такой семьи. И къ чему только не прибѣгаютъ они для достиженія своей дьявольской цѣли! И съ какимъ злорадствомъ всюду стараются распространить они вѣсть о томъ, что вотъ же и тутъ начались смуты и пошли усобицы между мужемъ и женой, если имъ удастся возмутить семейный миръ! Завлечь мужа,—и всегда подъ видомъ доброжелательства, крѣпкой любви къ нему, въ страсть, которая прямо ведетъ къ раздорамъ семейнымъ, — на прим. въ пьянство; воспользоваться этимъ положеніемъ, чтобы набить его разстроенную голову мыслями объ однообразіи и скукѣ его семейной жизни и о необходимости развлеченій внѣ ея; вбиться въ довѣріе жены съ тѣмъ, чтобы вызнавъ всѣ тайны ихъ семейной жизни, личные ея недостатки (а кто безъ недостатковъ? совершенства нѣтъ на землѣ), колоть ими, и опять таки подъ видомъ доброжелательства, мужа, и представить жену вѣчно, всѣмъ и каждому, жалующеюся на него, значить неумѣющею цѣнить его, — такое сокровище, которому и цѣны нѣтъ; въ свою очередь передавать женѣ, съ сожалѣніемъ и сокрушеніемъ, свѣдѣнія не только подробныя, но и со всевозможными прикрасами, о подѣтеляхъ мужа; возмущать чувство ея любви внушеніями, что мужъ именно изъ за нее бѣгаетъ отъ дому, чего и нескрываетъ ни передъ кѣмъ, такимъ образомъ вооружать ее противъ мужа и пр. и пр.,— вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ средствъ, которыя употребляются, чтобы убить счастье мирно и въ любви живущей семьи. И какъ перѣдко случается, что семья нѣсколько лѣтъ наслаждавшаяся такимъ счастьемъ, въ какіе нибудь годъ-два возмущается въ самыхъ основахъ своихъ, благодаря этимъ зміямъ-губителямъ! Вотъ эти опасности, противъ кото-

рыхъ главѣ семьи нужно брать самыя вѣрныя мѣры предосторожностей. Какія мѣры? Главная—величайшая осмотрительность въ сближеніи съ кѣмъ-бы то ни было. Хитро дѣйствуютъ злые и коварные завистники; и не одна Ева погибла отъ доброжелательныхъ внушеній змія, — многія попадаютъ на ту-же удочку и гибнуть несчастно и безславно. Вотъ почему, если гдѣ, такъ тутъ-то мужу нужно быть смыслящей главой, чтобы не допустить змиевъ губителей ни къ себѣ, ни къ женѣ. Какъ распознать ихъ?—Общаго правила тутъ быть не можетъ; потому что эти зміи умѣютъ преображаться въ всевозможныя виды, даже въ ангеловъ свѣтлыхъ, т. е. въ такихъ благожелателей и друзей, что вотъ, кажется, душу свою готовы отдать, а не только спѣшить со всякой помощью, или навязываться со всевозможными услугами. Но вотъ одинъ изъ признаковъ. Если такіе друзья и благодѣтели стараются, подъ видомъ гостепримства, желанія доказать свою дружбу и преданность, отвлекать мужа отъ семьи; взамѣнъ чистыхъ семейныхъ наслажденій, затагиваютъ его въ разныя порочныя, грязныя наслажденія,— въ пьянство, напр., или во что либо еще худшее (картежничество, распутство и т. п.); вбиваются въ довѣріе къ мужу или къ женѣ, и пользуются имъ для того, чтобы мужу чернить жену и наоборотъ—не прямо и открыто, а въ тѣхъ двусмысленныхъ, повидимому полныхъ глубокаго сочувствія, выраженіяхъ которыя сильны взволновать самаго хладнокровнаго, — конечно, эти друзья и благодѣтели—самые лютые враги, змигубители семейнаго счастья.—«Какъ забавляющійся выдаетъ бошня, стрѣлы и другія убійственныя орудія, такъ человѣкъ коварный на друга своего и говоритъ; вѣдь я шучу». (Прит. XXVI, 18, 19). Именно такъ дѣйствуютъ и такъ отдѣлываются такіе друзья и благодѣтели, когда у мужа и жены найдется наконецъ умъ—обличить ихъ козни: «мы-де зла не желали, а желали добра; а то буде—мы только шутили». Нѣтъ, истинный,

настоящій другъ всѣми мѣрами старается отвлекать мужа не отъ семьи, а отъ тѣхъ дурныхъ поползновеній, которыя вредятъ его семейному миру и счастью; такой другъ не дерзнетъ лукаво втираться въ довѣріе мужа или жены по отношенію къ ихъ семейной жизни, — совершенно напротивъ, — онъ остановитъ того или другую, когда они, подъ вліяніемъ недоброй минуты, захотѣли бы высказать все сокровенное своей жизни; потому что между мужемъ и женой, кромѣ Бога, никакъ — ни подъ какимъ условіемъ, третьяго не должно быть. Нуженъ ли же умъ и умъ, чтобы отличить истиннаго друга отъ коварныхъ друзей-губителей и спасти свою семью отъ губительнаго вліянія ихъ? «Врагъ на устахъ своихъ совсѣмъ кажется другимъ (т. е. на словахъ онъ — самый искренній, преданный другъ) и коварство держитъ внутри себя. Хотя онъ и пѣжнымъ голосомъ говорить, не вѣрь ему, потому что въ сердцѣ его все мерзости». (Прит. XXVI, 24, 25).

Такая обязанность главы семьи — водворять и охранять миръ въ семьѣ; обязанность не менѣе, если не болѣе, важная — чѣмъ обеспечивать ее нужными средствами жизни. Потому эта обязанность можетъ быть болѣе важною, что при семейномъ мирѣ и работается охотнѣе и спорѣе, значить и средства достаются удобнѣе, да и самая скудость, кого Господь посѣтитъ ею, переносится легче. «Лучше, говорить Мудрый, кусокъ хлѣба и при немъ согласіе, нежели домъ, полный всякаго имущества, съ раздоромъ». (Прит. XVII, 1).

Есть еще одна обязанность, чрезвычайно важная для главы семьи, это — хранить себя безукоризненно чистымъ отъ того грѣха который на обыкновенномъ языкѣ называется распутствомъ, а на языкѣ св. писанія и св. церкви — прелюбодѣяніемъ. Вообще говорить объ этомъ грѣхѣ ⁹⁾ здѣсь не мѣсто; а нужно сказать о значеніи его для семейной жизни.

⁹⁾ Грѣхъ, совершаемый холостыми, называется блудомъ, женатыми — прелюбодѣяніемъ. Это одинъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ, какой можетъ быть со-

Мудрый говорить: «утѣшайся женою юности своей; ласки ея пусть услаждаютъ тебя во всякое время,—любовію къ ней увлекайся постоянно. А къ чему тебѣ гоняться за не своей и держать въ объятіяхъ чужую!» (Прит. V, 18 и д.). Но рѣдко люди слушаютъ совѣты мудраго, несмотря даже на то что всегда казнятся за пренебреженіе мудрыхъ совѣтовъ. — Гоняться за чужими оставляя свою, — явленіе слишкомъ не рѣдкое въ жизни. И еще въ былыя времена хоть въ крестьянствѣ строже смотрѣли на это:— глава семьи, пустившійся въ распутство, дѣлался притчей въ своей средѣ; и какъ крестьянство незнакомо съ умѣньемъ—скрывать свои внутренніи чувства, то такому, какъ говорится, житья не было ни въ своемъ селеніи, ни даже на всемъ міру,—его всюду преслѣдовали тѣми позорными названіями, которыя не пишутся на бумагѣ; къ нему всѣ, и свои и чужіе, относились какъ къ человѣку «пропащему», — крайняя степень народнаго презрѣнія, — что, до нѣкоторой степени и сдерживало охотниковъ до чужихъ женъ. Но то уже старина, хоть по числу лѣтъ и неслишкомъ далекая отъ настоящаго времени. А затѣмъ, когда распутство до конца обуяло стоявшихъ выше народа и безнаказанно вносившихъ развратъ

первенъ человѣкомъ въ этой жизни. «Вѣгайте блуда, говорятъ апостолы; всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человѣкъ, есть внѣ тѣла; а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла. А не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ св. Духа, котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои?—Вы куплены дорогою цѣною!» (1 Кор. VI, 18 и дал.). Вотъ почему, по церковнымъ законамъ, прелюбодѣй, даже искренно раскалывающійся, на 15 лѣтъ, а блудникъ на семь лѣтъ должны быть удалены отъ причащенія («по 59 правилу вел. Василія, какъ замѣчено въ «Номоканонѣ». Извлеченіе изъ «Номоканона» есть въ каждомъ требникѣ, подъ 42 главою). Къ истинному несчастію, «сообразующіеся вѣку сему», не считаютъ нужнымъ слѣдовать церковному законоположенію, и къ означеннымъ грѣхамъ относятся чрезвычайно легко, до того легко что, ничтоже сумняся, допускаютъ до причащенія совершенно погрязшихъ въ нихъ, даже мужей, которые, бросивъ женъ, открыто живутъ съ наложницами. Отсюда безконечный соблазнъ и примѣры для подражанія народу. При такихъ, и имъ подобныхъ, случаяхъ невольно приходитъ на мысль то, что сказалъ пророкъ Іеремія въ 23 главѣ.

въ самую среду его, дерзко и небоязненно осквернявшихъ все, что только возбуждало ихъ разнузданныя страсти, — тогда и народъ приучился смотрѣть на распутство уже не такъ строго. — Конечно тѣ, дѣла которыхъ неусыпно стоять на стражѣ народной нравственности, всеми мѣрами и возможными средствами должны бы поддерживать прежній взглядъ на распутство, и бороться съ этой язвой, въ самыхъ основахъ губящей семью и все общество; но это не дѣлалось по многимъ причинамъ, изъ которыхъ непоследнюю была — невозможность дѣйствовать противъ главныхъ распространителей этой язвы. Въ послѣдніе три года, съ повсѣднымъ распространеніемъ пьянственныхъ мѣсть, нравственное растлѣніе народа приняло такіе размѣры, что вся душа содрогается при мысли о томъ, — что же будетъ дальше: — дѣло неслыханное, невѣроятное, — въ деревняхъ появились непотребныя дома, куда потянулася не только холостая молодежь, но начали направляться и женатыя, и даже главы семьи. Значить распутство льется въ народную среду уже не чуть замѣтной струей, а цѣлымъ всеохватывающимъ весеннимъ потокомъ; можетъ ли не содрогаться вся душа при мысли о томъ, — что будетъ дальше?

Послушаемъ же, что говорить св. писаніе объ распутствѣ по отношенію къ главѣ семьи.

«Блудъ, вино и пьянство, по слову пророка, отнимають умъ»; духъ блуда ведетъ къ такимъ заблужденіямъ что предавшіеся ему дѣлаются отступниками отъ самаго Господа Бога (Осн IV, 11; 12). Значить, глава семьи, предавшись распутству, лишается того самаго во имя чего онъ и глава, т. е. ума. Этого мало, — дѣлается отступникомъ отъ Господа Бога; поѣтому чѣмъ же слугой? Ясно — дьявола. Чтожъ, послѣ этого, глава-ль онъ семьи? Нѣтъ, онъ губитель ея; потому что безъ ума, и служа дьяволу, человѣкъ только и можетъ всюду вносить зло, — ничего кромѣ зла. «Прелюбодѣйствующій съ женою, лишился

ума; губитель души своей,— тотъ только это дѣлаетъ». (Притч. VI, 32) говорится въ другомъ мѣстѣ св. писанія.

Мудрый говоритъ: «съ устъ жены чужой каплетъ сотовый медь, и языкъ ея мягче оливковаго масла; но послѣдствіе отъ нея горько какъ полынь, остро какъ обоюду-острый мечъ; ноги ея сходятъ къ смерти, стопы ея близь преисподней. —Итакъ... удаляй отъ нее дорогу свою, и не подходи близко къ дверямъ дому ея, чтобы посторонніе не нанитались до сыта добромъ твоимъ, и труды твои не перешли въ чужой домъ (Притч. V, 3 и 9). Остерегай себя отъ дурной женщины, отъ ласковаго языка чужой; не прельщайся въ сердцѣ своемъ красотою ея; потому что изъ-за блудной жены доведешь себя до куска хлѣба (VI, 24 и д.). Кто знается съ блудницами расточаетъ имѣніе» (XXIX, 3). Значитъ глава семьи, предающійся распутству, разоряетъ свою семью, подрываетъ ея благосостояніе и, поэтому, идетъ прямо противъ того закона, который обязываетъ его обезпечивать ее.

Мудрый же говоритъ: «можетъ ли кто положить себѣ огонь за пазуху, такъ чтобы не прогорѣло платье его? Можетъ ли кто ходить по горячимъ угольямъ такъ, чтобы не обожглись ноги его? Тоже будетъ съ тѣмъ, кто ходитъ къ чужой женѣ,— не останется безъ наказанія каждый, кто коснется ея, побой и срамъ найдеть онъ и безчестіе его неизгладимо» (Притч. VI, 27 и 9). Значитъ, срамъ и вѣчно-неизгладимый позоръ на главѣ семьи, какъ и на всякомъ предающемся разврату. На одномъ ли главѣ семьи? Нѣтъ, на всей его семьѣ; потому что какъ жизнь ея нераздѣльна съ жизнью главы семьи, такъ добрая слава объ немъ или позоръ, честь или срамъ, падаютъ на всю семью: его распутство — позорное клеймо для семьи.

А его соблазнительный примѣръ для дѣтей? Невозможность научить ихъ честной и чистой жизни; потому что кто жъ будетъ слушать такого учителя, который самъ первый идетъ про-

тивъ своего ученья? Значить, для дѣтей открытая и торная дорога къ распутной жизни, — въ чему же должно привести все это? А вотъ въ чему: «какъ беззаконникъ онъ истребится съ земли, и какъ преступникъ изгладится съ ней (Притч. 11, 22); память его погибнетъ, и ни дѣтей, ни потомковъ не останется отъ него въ народѣ» (Іов. XVIII, 17, 19); значить, онъ «исчезнетъ вовсе и потомство его все истребится». (Псал. XXXVI, 38). Вотъ конецъ, который неизбѣжно ожидаетъ распутнаго главу семьи, по свидѣтельству св. писанія.

И такъ, лишеніе ума, значить потеря всякаго права быть главой семьи; разореніе и позоръ семьи, уничтоженіе цѣлаго поколѣнія, — таковы несомнѣнные плоды распутства главы семьи: есть объ чемъ подумать и подумать, прежде чѣмъ сдѣлать первый шагъ на этомъ скользкомъ пути! А въ будущей жизни? Судьба несомнѣнная: «никакой блудникъ или нечистый не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога» (Еф. IV, 5.). Вотъ почему для всѣхъ христіанъ безъ исключенія заповѣдь апостола: «блудъ и всякая нечистота не должны даже именоваться у васъ» (Еф. V, 3.); т. е. объ самомъ распутствѣ и говорить ужъ нечего; но даже тѣ свверныя слова, которыми выражается распутство, или напоминаетъ объ немъ, отнюдь не должны быть произносимы въ христіанской семьѣ; «никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, чтобы оно доставляло благодать слушающимъ» (IV, 29), а не оскверняло ихъ слуха и мысли словами выражающими срамъ и позоръ.

Таковы обязанности главы семьи, отъ которыхъ онъ никакъ, ни подъ какимъ предлогомъ уклониться не можетъ, подъ страхомъ собственнаго несчастія и гибели всей семьи. Изъ его мыслей и памяти ни на минуту не должно выходить то что онъ основной камень семьи, и можетъ сдѣлать ей или много добра, которое пойдетъ въ цѣлыя поколѣнія, или бездну зла,

которое съ корнемъ вырветъ ее изъ среды живущихъ, если не въ дѣтяхъ, то въ ближайшихъ потомкахъ. Правда, отвѣтственность за добро или зло семьи можетъ падать не на него одного; но на него больше всѣхъ, потому что кому больше дано, съ того больше и взыщется. И не смотря на то, съ какой необдуманной легкостью берутъ на себя такую важную обязанность, какъ главы семьи! Женятся, потому что ужъ такъ заведено жениться; потому что представилась выгодная невѣста; потому что въ семьѣ понадобилась работница и т. п., и никто-то прежде чѣмъ рѣшиться на это важнѣйшее дѣло всей жизни, не спроситъ себя настоящимъ образомъ: могу ли, способенъ ли я быть на столько разумнымъ главой, чтобы руководить женой и дѣтьми къ ихъ истинному благу, и вообще управлять семьей на счастье свое и ихъ? Женятся,—и ни думы ни помысла объ тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ счастливая семейная жизнь, или которыя могутъ вести къ безвыходному несчастію на цѣлую жизнь! А придетъ бѣда, пристигнуть семейныя невзгоды,—и польются жалобы мужа на жену, жены на мужа; того и другой на семью, на чужихъ людей, на всѣхъ и все, не исключая и самаго Бога что такую судьбу послалъ; на самаго себя только никто не жалуется, хоть тутъ то и заключается главная причина большей части семейныхъ несчастій. —

Спросимъ же теперь друзья самихъ себя, такъ ли все это дѣлается у насъ, какъ должно дѣлаться?

Быть главой семьи, т. е. имѣть власть надъ женой и дѣтьми,—объ этомъ у насъ хлопочетъ каждый отецъ семейства. Чтожъ обыкновенно имѣется при этомъ въ виду? И всегда ли эти хлопоты сопровождаются успѣхомъ?

— Въ виду почти всегда одно—слѣпое, рабское подчиненіе жены и дѣтей и желаніе дѣйствовать лишь по своей волѣ, не стѣсняясь ни кѣмъ и ни чѣмъ. И чего только не позволяютъ себѣ дѣлать иные чтобы удовлетворить этимъ стремленіямъ!

Жестокое обращеніе съ женой и дѣтьми; самая грубая, отвратительная брань, и еще сопровождаемая побоями—по чему только пришлось, взамѣнъ разумныхъ наставленій, когда этого требуетъ дѣло; требованіе чтобы всѣ, не исключая и жены, были безмолвны и безотвѣтны, когда разглагольствуетъ глава семьи, хоть бы онъ несъ самую несодѣянную дичь,—требованіе, сопровождаемое угрозой булака или кнута; словомъ такія отношенія главы ко всѣмъ членамъ семьи, какія возможны только между самымъ лютымъ баринномъ и его безправнымъ слугой,—мало ли у насъ семей, въ которыхъ совершаются подобныя вещи?

И еще можно бы до нѣкоторой степени примириться съ тѣмъ что отцы семейства требуютъ у насъ такого подчиненія отъ своихъ семейныхъ, еслибъ ихъ собственная воля во всемъ была подчинена волѣ Господа Бога и его святому закону,—тутъ воля человѣка сдерживалась бы и направлялась этой высшей волей, которая никакъ не допустила бы до злоупотребленій. А то, что такое воли у какого-нибудь нашего главы семьи? Это,—та дикая сила, которая готова давить и ломить все—что только слабѣе ея, которая знать не хочетъ ни какого закона, никакой нравственной обязанности, а все хочетъ поставить на своемъ, хоть бы изъ этого вышелъ положительный вредъ для семьи, для общества, для кого бы то ни было. Это—именно то самодурство, которое коверкаетъ и уничтожаетъ добытое собственнымъ трудомъ, лишь во имя того—что «я такъ хочу,—и никто мнѣ не мѣшай»; которое по такому же побужденію, подъ недобрый часъ, совершаетъ не маловажные проступки и даже преступленія. Вотъ что воля у большей части нашихъ отцовъ семей. Если прибавить къ этому, что весьма немногіе изъ нихъ совершенно чужды пьянственной страсти, а большинство не опускаетъ случаевъ предаваться ей, и, понятно, въ опьянѣломъ состояніи дѣлается еще болѣе неудар-

жимымъ и свирѣлымъ въ проявленіи своей дикой воли, то на сколько большинство отцовъ семей заслуживаетъ того, чтобы власть семейная дѣйствительно и беспорочно оставалась за ними?

Хлопочуть о своей родительской власти, и къ чему чаще всего сводятся всѣ ихъ хлопоты?—Къ тому—что пока дѣти малы, такъ изъ за страха пинковъ и затрещинъ еще выносятся отцовскую власть, а подростутъ, — и долой ее. Какъ-же иначе?—Вѣдь только передъ разумной главою съ почтеніемъ преклоняются и малый и взрослый; вѣдь только та власть не ложится тяжелымъ бременемъ на людей, въ основаніи которой полагается истинная любовь; та-же власть, которая проявляетъ себя жестокостью и насиліемъ и дѣйствуетъ однимъ страхомъ, ненавистна для всякаго, и всякій старается избавиться отъ нея. Значить, если въ главѣ семьи и на столько нѣтъ смысла и разуму, чтобы жить и обращаться съ другими по человѣчески, а не ломить все какъ ломить звѣрь лѣсной; если онъ самъ, злоупотребленіемъ своей власти, дѣлаетъ ее невыносимою для дѣтей,—то чего же хотѣтъ и ждать ему?—«Но, скажете друзья, дѣти на то и дѣти, чтобы почитать отца, каковъ-бы онъ тамъ ни былъ».—Такъ. И въ священномъ писаніи нигдѣ не сказано, чтобы можно было не почитать отца не путнаго, или даже совсѣмъ распутнаго. Но вы вотъ что разсудите: почитать отца—обязанность дѣтей? да; а любить и «не раздражать дѣтей своихъ, но воспитывать ихъ въ ученіи и наставленіи господнемъ»—обязанность родителей? да. Именно такъ разсуждаетъ и апостоль въ посланіи къ Ефесеямъ (V, 1—4). Спрашивается теперь: кто жъ первый долженъ выполнить свою обязанность—отцы или дѣти? Понятно, отцы:—дѣти не просили чтобы отцы дали имъ жизнь,—на то была ихъ собственная воля; а ужъ какъ скоро дали жизнь, то и наложили сами на себя обязанность по отношенію къ дѣтямъ, которую и должны выполнить строго и свято, какъ только появятся они

на божій свѣтъ. Значить, если они первые не выполнили своей обязанности, то этимъ самымъ не дали-ль они дѣтямъ—если не права, то хоть предлога не выполнять своихъ обязанностей по отношенію къ нимъ—отцамъ? Въ томъ то и дѣло, друзья, что по началу, т. е. при зачатіи и первыхъ годахъ дѣтей, наши отцы дѣйствуютъ какъ дѣйствуетъ всякое животное,— да пожалуй еще и хуже, потому что никакое животное не бываетъ жестокимъ и злымъ съ своими дѣтьми; а какъ под-ростутъ, то и требуютъ отъ нихъ отношеній человѣческихъ. Откуда жъ бы явилось это, когда въ нихъ ни что такое не посѣяно и ни взрощено? Какъ животныя зачаты и взрощены они; такими, значить, идутъ и въ жизнь; какими же иными они и могутъ быть по отношенію къ своимъ отцамъ, какъ не тѣми же животными, т. е. отецъ только до тѣхъ поръ и нуженъ дѣтямъ, пока они сами не стали твердо на свои ноги? А что еще, кромѣ этого, они грубы и злы, такъ развѣ не сами отцы учили ихъ этому и словомъ и примѣромъ? Дѣтская душа тоже—что и полоса въ полѣ: уродитъ только то что посѣяно; доброе сѣяно, доброе и уродитъ; худое—худымъ только и снабдить.

Такъ, друзья, все главнымъ образомъ идетъ отъ самаго главы семьи; и не на кого жаловаться, кромѣ себя, если иному главѣ приходится, какъ говорятъ, пить горькую чашу отъ своей семьи: каждый, собственными руками, куетъ себѣ счастье или несчастье жизни. «Да что жъ тутъ подѣлаешь, когда мы такъ мало разумѣемъ все это»? говорите вы. Плохое оправданіе, друзья. Кто не разумѣетъ, тотъ учится,—учиться никогда не поздно; желанія то разумѣть нѣтъ у насъ и сдѣлаться лучшими, чтобы дѣлать лучшими и другихъ,—вотъ въ чемъ наша бѣда!

«Мудрость вещь главная: приобрѣсти мудрость, и за все имѣніе свое приобрести разумъ» сказано въ свящ. писаніи

(Притч. IV, 7). А это и не дѣлается нами; отсюда всѣ наши бѣды и невзгоды,—семейныя, общественныя и всяческія. Ну положимъ,—не дѣлаемъ мы этого ради себя: «до могилы какъ-нибудь доплетемся», говорите вы; а дѣтей своихъ за что же пускаемъ по этому жъ несчастному пути?—Мудрость и разумъ приобрѣтаются ученьемъ;—гдѣ жъ у насъ ученье? гдѣ училища? «За все имѣніе свое приобрѣти разумъ»,—сказано. За все имѣніе! И части самой незамѣтной изъ имѣнія не жертвуемъ мы на то—чтобы въ каждомъ селеніи было у насъ свое училище; не жертвуемъ ради этого, такъ необходимаго для насъ же самихъ, дѣла, половины, трети того—что расточаемъ по трактирамъ и шинкамъ. И хотимъ послѣ этого, чтобы дѣти читали насъ;—да вѣдь было бы за что, друзья!

4. ХОЗЯЙКА. МАТЬ.

«Умная женщина устроить свой домъ, а глупая своими руками разстроитъ его», говоритъ мудрый (Притч. XIV, 1). Почему же «устроить и разстроитъ свой домъ» относится именно къ женщинѣ? — Потому что вообще «строить» домъ, т. е. вести и держать домашній порядокъ — дѣло женщины.

Такъ, если мужу принадлежитъ первенство въ семьѣ; если его обязанность — имѣть общее попеченіе объ ней и давать ей Главное направленіе; то здѣсь есть еще владѣніе тѣсное по виду, но безконечное въ частностяхъ и слишкомъ важное для блага и счастья семьи, гдѣ жена главное дѣйствующее лице и располагаетъ почти неограниченной властью. Это владѣніе — домашнее хозяйство.

На сколько необходимо съ толкомъ и разумомъ вести домашнее хозяйство, — много говорить объ этомъ нѣтъ нужды; безъ длинныхъ рѣчей понятно, — къ чему можетъ вести безтолковое хозяйство. — Такъ, пусть мужъ убивается на работѣ и, не жалѣя силъ, достаточно и даже съ избыткомъ обезпечиваетъ семью; но если у жены не хватаетъ смыслу — бережно и отчетливо располагать приобрѣтеніями мужа; если она, по нерадѣнію, по лѣности, или по нерасположенію къ мужу, по отвращенію къ мужней семьѣ, не вникаетъ во всѣ подробности и мелочи хозяйства, не слѣдитъ зорко за всѣмъ — что куда идетъ, — то семья съ такой хозяйкой неизбѣжно бѣдствуетъ: всѣмъ въ ней и голодно и холодно, хоть бы всего было съ избыткомъ; потому что все идетъ бабъ понало, куда пришлось; все превращается

въ плесень, гниль и прахъ, прежде чѣмъ дойдетъ до семейнаго употребленія.—Но почему же не взять на себя этого дѣла мужу? По той простой причинѣ, что онъ не созданъ для него. Силы его, тѣлесныя и душевныя, наиболѣе приспособлены къ дѣламъ внѣдомашнимъ, къ попеченію объ общемъ строѣ семьи;—что жъ до наблюденія за безчисленными мелочами обыденной жизни семьи, то на это отъ самой природы не дано ему ни силы, ни способности, не говоря уже о томъ что и времени для этого, за главными дѣлами, у него никогда бы не нашлось. Отсюда если и случается что иной глава семьи, —или особенно ретивый, или такъ сумѣвшій разстроить свою семью что никому ничего довѣрить нельзя—все тащатъ изъ подъ рукъ, беретъ на себя и домашнее хозяйство, то это никогда не ведетъ къ добру. Пугаясь въ мелочахъ хозяйства, слѣдя за зернами и крохами, онъ, по необходимости,—потому что нельзя же разазъ дѣлать два дѣла, оставляетъ въ сторонѣ свое главное дѣло, т. е. тѣ работы и труды, которыми долженъ обезпечивать свою семью. Затѣмъ, затыкаясь въ эти мелочи, онъ теряетъ и способность къ тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ должны сказываться умъ и сила мужчины и, въ концѣ концовъ, дѣлается тѣмъ смѣшнымъ и нелѣпымъ существомъ, которое отъ мужской дѣятельности отстало и къ женской не пристало, и представляетъ изъ себя нѣчто среднее между мужчиной и женщиной,—посмѣшище для своихъ и чужихъ. Достигаетъ ли онъ хоть того чтобы замѣнить настоящую хозяйку дома? Никакъ. Теряя въ главномъ своемъ дѣлѣ, онъ слишкомъ мало выигрываетъ и въ мелочахъ: чтобы услѣдить за ними—за всѣми нуженъ особенный складъ умственныхъ силъ,—именно тотъ—которымъ отъ природы надѣлена женщина, и которымъ мужчина, чтобы онъ ни дѣлалъ, овладѣть никогда не можетъ, потому что для этого потребовалось бы пересоздать его снова, что, явно, не возможно.—Поэтому, онъ за тѣми только мело-

чами и услѣдить, которыя сами лѣзутъ въ глаза; тѣ же для которыхъ требуется проникательность и зоркость женщины, всегда ускользнуть отъ него и пропадутъ для хозяйства. Именно пропадутъ: при такомъ главѣ семейныя женщины изощряются въ той хитрости своего рода, которая вся направляется къ тому чтобы, какъ говорится, «проводить» (обманывать) на каждомъ шагу взяшагося не за свое дѣло, съ цѣлюю— все тащить отъ него,—но уже не ради семейныхъ нуждъ, а ради личныхъ потребностей, часто весьма некрасивыхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, женщина мститъ, часто и не скрывая, за лишеніе ея того на что она имѣетъ неоспоримое право. Да, несчастная та семья, въ которой нѣтъ разумаго главы семьи: много ей приходится терпѣть лишеній и нуждъ; но еще болѣе, безконечно несчастна та семья въ которой нѣтъ настоящей хозяйки: тутъ гибнуть напрасно самый усиленный трудъ, самая ревностная дѣятельность мужчины; все идетъ гнилью и прахомъ, что приобрѣтается и сваливается многими годами. Глухая женщина, т. е. не хозяйка въ настоящемъ смыслѣ, своими руками разстроитъ домъ»,—не подтверждаются ли эти слова мудраго повсюднымъ опытомъ? Не откуда ли же взялась народная пословица: «при безпутномъ мужѣ домъ валится; при безпутной женѣ горитъ; что валится, то еще поддержать можно; даже изъ разваливашагося можно сдѣлать какое либо употребленіе. А что уже обнялось огнемъ, то мудрено спасти; и изъ пеплу ничего не подѣлаешь. Такъ оно и есть въ дѣйствительности: при безпутномъ главѣ семьи, но при дѣльной матери-хозяйкѣ, семейныя дѣла еще плетутся; нужда и лишенія еще не доходятъ до такой крайности, чтобы дѣти бродяжничали за нищенствомъ, и этимъ путемъ до-тла развращались съ раннихъ лѣтъ; при безпутной хозяйкѣ ни чѣмъ не восполнишь хозяйственныхъ утеръ,—все гибнетъ въ ея рукахъ, какъ въ бездонной ямѣ, которую ничѣмъ не наполнишь; дѣти такой матери

вѣчно оборванцы и лохмотники, всегда, какъ говорится, ни сытые ни голодные,—не лучше нищихъ; подобно имъ эти несчастныя дѣти съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучаются къ той беспорядочности во всемъ, къ тому нерадѣнію о себѣ, и къ той готовности на всѣ продѣлки, чтобы только набить свои желудки, которые какъ нельзя лучше разовьютъ то что въ нихъ есть прирожденно дурнаго.

И здѣсь-то сказывается, между прочимъ, удачный или неудачный выборъ жены; и этимъ то путемъ скорѣе всего казнятся тѣ, которые поженились не по чистому влеченію сердца, а по своимъ или по чужимъ расчетамъ, и которые съ самаго начала своей супружеской жизни не хотѣли, или не сумѣли поставить такъ свою жену, чтобы она была, или подготовилась быть дѣйствительною, въ настоящемъ значеніи слова, хозяйкой.

Такъ польстившіеся на богатое приданое и къ нимъ въ придачу взявшіе себѣ безпробую жену, горькимъ опытомъ убѣждаются что нѣтъ такого богатаго приданого, которое при безпробой хозяйкѣ не прошло бы сквозь руки въ короткое время; а что за тѣмъ? а за тѣмъ, вслѣдъ за приданымъ, сквозь руки же проходить и все—что имѣлось своего собственнаго; и остается на рукахъ такая жена,—не какъ «помощь приличная» мужу данная Господомъ Богомъ, а какъ невыносимое бремя, произвольно навязанное себѣ на шею;—бремя, отъ котораго можетъ избавить одна смерть; и уродуется такимъ образомъ жизнь всей семьи. Точно такъ бываетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда неволя соединяетъ мужа и жену, или когда молодая жена на первыхъ порахъ своей семейной жизни, подвергается оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ: какъ было сказано уже и прежде,—при нелюбимомъ мужѣ и въ нелюбимой семьѣ не мило все въ жизни для молодой жены; а при этомъ, что за охота радѣть ей о чемъ либо?—Такъ и привыкнетъ, такъ и пойдетъ она въ жизнь ни о чемъ нерадящей хозяйкой. Вообще сбить съ толку и

сдѣлать ни къ чему негоднымъ человѣка, особенно молодую женщину—и съ наилучшими задатками быть примѣрной хозяйкой дома, ничего не стоитъ: годъ—два незаслуженныхъ оскорбленій и семейныхъ преслѣдованій,—и кончено; все доброе въ ней убито, не злая отъ природы, она дѣлается злобной и ожесточенной; на все семейное она смотритъ если не съ полнымъ отвращеніемъ, то съ той холодностью и безчувственностью души, которыя развѣ не многимъ лучше отвращенія. Какъ невольница изъ подъ палки, она ломитъ всякую работу; но извѣстно, какъ спора и успѣшна такая работа; кромѣ того, извѣстно также какъ невольницы смотрятъ на всякое хозяйское добро; пропади и сгини оно все,—не пожалѣютъ онѣ объ немъ, если еще не порадуются, что наказалъ-таки Богъ хозяина за ихъ безотрадную жизнь.

Значить, вся мудрость тутъ въ томъ чтобы съ любовью взошла молодая жена въ новую семью, съ любовью была принята и приучена въ ней. Въ этомъ то и состоитъ единственный способъ, чтобы она вся прониклась интересами семьи. Этимъ и только этимъ путемъ, и никакъ другимъ какимъ либо, и выработается изъ ней та хозяйка которая, по слову мудраго, «устроить свой домъ». — Пусть она не обладаетъ ни особенно бойкимъ умомъ, ни особенно развитыми мышцами тѣла, а будетъ той посредственностью, какихъ большинство въ народѣ,—любовь къ семьѣ во многихъ, даже очень многихъ случаяхъ замѣнитъ ей и бойкость ума и способность ломить работу за двоихъ. Любовь семейная заставитъ ее дорожить всякимъ зерномъ семейнымъ, беречь всякую кроху домашнюю; а это въ семейной жизни дороже большихъ приобрѣтеній, при нежеланіи сохранять прибрѣтенное. Не большими приобрѣтеніями, а большой бережливостію прочно созидаются дома;—берегутъ же то что любятъ и ради тѣхъ—кого любятъ,—въ этомъ и вся загадка тѣхъ жизненныхъ явленій, что у иной хозяйки, даже при

видимой скудости средствъ, все въ домѣ смотритъ весело и довольно; а у другой при несомнѣнномъ обилии средствъ, все неприглядно и уныло, во всемъ проглядываютъ недостатки и общее недовольство. Первая, возбуждаемая любовью, никакой мелочи, совсѣмъ незамѣтной для посторонняго глаза, не дастъ пропасть напрасно, и всякую сумѣетъ употребить въ дѣло, на пользу семьи; вторая, съ отсутствіемъ любви, не дорожитъ и крупными вещами, и всему даетъ употребленіе — какъ пришлось и какъ попало; а оттого и много всего выходитъ у нея, а никому не въ радость, не въ удовольствіе. И не подлежитъ никому сомнѣнію, что первая устроить домъ, а не вторая.

Что именно составляетъ цѣну и достоинство настоящей хозяйки дома, — слова объ этомъ мудраго уже были приведены въ первой нашей бесѣдѣ. Главное, — усердный, неусыпный трудъ и та умная распорядительность, по которой всему въ хозяйствѣ дается свое мѣсто и назначеніе. Порядокъ — основа успѣха во всякомъ дѣлѣ; имъ-то и отличается настоящая хозяйка отъ безпрокой: тогда какъ у первой для всякаго дѣла — свое время и никакое дѣло не мѣшается съ другимъ, отчего берегаются время и трудъ: вторая отъ одного дѣла мечется къ другому, какъ угорѣлая; хочетъ успѣть въ десяти работахъ заразъ и, разумѣется, производитъ ту безтолочь въ семьѣ, отъ которой всѣ, какъ и она сама, выбиваются изъ силъ, бьются работу, жизнь, все на свѣтѣ, — и не смотря ни на что не видятъ подспорья въ дѣлѣ; тогда какъ у первой дѣло безъ суеты, отчего на все стаеетъ времени, — и на работу, и на отдыхъ, отчего, значить, и работаетъ легко и всякій трудъ переносится безъ ропоту: у второй суета вмѣсто всякаго дѣла, — та невыносимая суета, которая не позволяетъ ни присѣсть, ни вздохнуть, и вымучиваетъ силы не на дѣлѣ, а на беспощаемомъ бѣганьѣ за дѣломъ, безъ существенной пользы для него, что, разумѣется, дѣлаетъ ненавистнымъ всякій трудъ и всякую ра-

боту. Вообще, хозяйка любящая и умѣющая держать порядокъ сказывается не въ однихъ работахъ, а во всей житейской обстановкѣ до послѣдней бездѣлицы:—все и всегда у ней прибрано, все на мѣстѣ, отчего не бѣгаетъ она, съ крикомъ и бранью, по цѣлымъ часамъ, отыскивая какую-нибудь нужную вещь—ключъ, посудину и т. п.; не терпитъ она грязи и вони въ домѣ, потому что одно названіе «неурядливой» хозяйки для нея невыносимо, и ради этого лишь все въ домѣ у ней,—отъ полу до послѣдней полочки, отличается опрятностью и чистотой; не выносить она ни грязи, ни дыръ, ни лохмотьевъ въ одѣяніи—какъ своемъ, такъ и всѣхъ членовъ семьи, потому что и это обличало бы въ ней «неурядливость»,—сущій позоръ для такой хозяйки; а отъ этого на всѣхъ и все до послѣдней рубашки у ней всегда чисто, свѣжо и цѣло; словомъ, у такой хозяйки,—будь ея домъ изъ бѣдныхъ—бѣдный, ничто не поражаетъ и не отталкиваетъ посторонняго человѣка. Такимъ образомъ она, кромѣ неисчислимой хозяйственной пользы семьѣ, себѣ невѣдомо, доставляетъ еще большую пользу членамъ семьи—сохраненіемъ ихъ здоровья. Дѣло извѣстное, неподлежащее никакому сомнѣнію, что нечистоплотность и вообще домашняя грязь—причина множества болѣзней въ народѣ, особенно дѣтскихъ болѣзней, и что, такъ называемыя, повальные болѣзни (эпидеміи) потому такъ сильно и развиваются въ крестьянствѣ, и дѣлаютъ такія страшныя опустошенія, что въ крестьянскихъ избахъ такъ нерѣдко отъ всевозможныхъ нечистотъ образуется тотъ гнилой, вонючій, тлетворный воздухъ, который служитъ наилучшимъ проводникомъ для всякой заразы. Значитъ, опрятность и чистота—самыя вѣрныя предохранительныя средства отъ болѣзней, какъ и лучшее лекарство въ нѣкоторыхъ изъ нихъ,—особенно въ кожныхъ, каковы напр. чесотка и т. п. Вотъ это-то и дѣлаетъ хозяйка, у которой во всемъ порядокъ и которая не выноситъ названія «неурядливой». — Не допуская,

напр., чтобы дѣти ея заскорузли въ грязи, не давая имъ ходить въ грязныхъ рубашкахъ, спать на грязномъ полу, прикрытомъ грязными подстилками, она этимъ спасаетъ ихъ отъ тѣхъ сыпей на тѣлѣ, которыя такъ часто обращаются внутрь и поражаютъ дѣтей тяжкими, случается даже, и неизлечимыми недугами.—Да, такая хозяйка въ домѣ—сокровище, «цѣна ея выше жемчуговъ», какъ говоритъ мудрый. — Не то у хозяйки безпрокой, порядокъ замѣняющей вѣчной суетой. И въ домѣ у ней, какъ во всякой работѣ, непроходимая безурядица: ничему нѣтъ мѣста опредѣленнаго; все торчитъ и валяется, какъ пришлось, сбитое—нужное съ ненужнымъ, непрестанно употребляемое съ требующимся лишь изрѣдка; а какъ все не на мѣстѣ, то все и всѣмъ мѣшаетъ и перекидывается съ мѣста на мѣсто съ тѣмъ чувствомъ досады, которое не разбираетъ какъ швырнулась вещь и куда угодила, и производитъ тотъ сумбуръ, что потребовавшаяся вещь, случается, отыскивается по цѣлымъ часамъ, и не одной хозяйкой, а всей семьей. При такой безурядицѣ, понятно, уже не до чистоты и опрятности въ домѣ, не до заботливости о томъ, чтобы не въ прорѣхахъ и лохмотьяхъ щеголяли семейные; до того-ли?—«времени нѣтъ, руки не доходятъ», отвѣчаетъ такая хозяйка, когда ей указываютъ на безобразное одѣяніе семейныхъ, на кучи во всѣхъ углахъ гниющаго навозу, на непроходимую грязь во всемъ,—начиная съ нея самой до послѣдней ложки въ ея хозяйствѣ.—И дѣйствительно, у человѣка безпрокаго и безтолковаго ни на что нужное не находится достаточно времени; потому что оно, главнымъ образомъ, теряется на бесполезную суетню. Горе семьѣ съ такой хозяйкой, какъ не радость и ей самой; и большое горе, если безпрокой ее сдѣлали тѣ условія и обстоятельства, о которыхъ сказано выше: все дурное, все вредное, что несетъ въ семью ея непрокой, заслуженная кара за то что по началу относились къ ней, какъ къ невольницѣ, которую можно гнать

и тѣснить, а не какъ къ личности имѣющей всѣ права на бережъ и разумное пріученіе къ семейной жизни.

«Сердце мужа ея надѣется на нее (на добрую жену и разумную хозяйку), и не останется безъ награды» (Притч. XXXI, 11). Такъ, а не иначе и должно быть. Разумная хозяйка вполнѣ заслуживаетъ того чтобы «сердце мужа надѣялось на нее», т. е., чтобы она пользовалась полнымъ довѣріемъ мужа. Кромѣ того довѣріе необходимо для самаго успѣха ея дѣятельности; безъ него самая разумная и дѣльная хозяйка никогда не принесетъ всей той пользы семьѣ, какую она въ состояніи принести.

Довѣріе—великая сила. Лице, такъ или иначе подчиненное другому и отвѣтственное передъ кѣмъ либо, ровно на столько приноситъ существенной пользы, на сколько свободно въ своей дѣятельности. Напротивъ, стѣсненіе свободы не только убиваетъ то чѣмъ сильна и плодотворна дѣятельность, — т. е. ревность и усердіе къ дѣлу, но и производитъ чрезвычайно вредное вліяніе на умственные силы дѣлающаго; при продолжительномъ стѣсненіи свободы онъ дѣлается машиной, по столько и дѣйствующей, по сколько толкаетъ ее посторонняя сила. Значить, чтобы дѣятельность чья-бы то ни было приносила возможно большую пользу, необходимо чтобы онъ пользовался возможно большей свободой, а это возможно при одномъ условіи—довѣрія. Стѣсненный въ своей дѣятельности дѣлаетъ только то что ему приказано, да и то изъ страха наказанія; а извѣстно, какъ дѣлаются при этомъ побужденіи дѣла:—протянуть время, вмѣсто настоящаго дѣла представлять видъ, личину дѣла; оставлять безъ всякаго вниманія то что существенно необходимо для дѣла, но на что особеннаго приказанія не послѣдовало, или что можетъ проглядѣть приказавшій, и т. п., отсюда ложь и обманъ на каждомъ шагу, —такова дѣятельность безъ довѣрія и, потому, безъ свободы.—Кто жъ не пойметъ,

что немного можетъ быть истинной пользы отъ такой дѣятельности, если еще будетъ какая нибудь? Свободный же въ своей дѣятельности, значить пользующійся довѣріемъ, не ждетъ приказанія на каждый данный случай и не ограничивается имъ,— для него важно дѣло, а не приказаніе. Отсюда не гибнетъ у него время въ пустыхъ проволочкахъ; не оставляется безъ вниманія никакая сторона дѣла, не пренебрегается никакая его мелочь; напротивъ, все взвѣшивается, обдумывается, предусматривается; для всего отыскиваются подходящіе способы и средства; словомъ, всякое дѣло ведется такъ чтобы оно говорило само за себя, т. е. было настоящимъ дѣломъ, а не личной дѣла. Мудрено ли же, что отъ такого дѣла идутъ и плоды настоящіе и польза дѣйствительная?

Это вообще такъ. А тѣмъ болѣе по отношенію къ хозяйкѣ дома. Съ одной стороны, кому и можетъ быть отдано довѣріе съ большой надеждой на то что оно не обманетъ, какъ не разумной хозяйкѣ дома?—Жизнь ея вся принадлежитъ семьѣ; да и такъ крѣпко и неразрывно, какъ не можетъ принадлежать жизнь главы семьи; можно ли сомнѣваться въ томъ чтобы трудъ ея и плоды ея неусыпнаго труда пошли куда-либо за черту семьи? чтобы она рѣшилась пустить на вѣтеръ достояніе семейное? Никакъ. Не на вѣтеръ, или на сторону,—для себя, для своего личнаго употребленія, настоящая хозяйка никогда не рѣшается отдать многого; напротивъ она всегда предпочитаетъ терпѣть лишенія и нужды сама, лишь бы довольны были мужъ и дѣти. Такъ должно быть по прирожденнымъ ей свойствамъ—самоотверженія и домовитости; такъ и есть въ дѣйствительной жизни. Настоящая хозяйка есть всегда вѣрная хранительница семейнаго добра; и въ тѣхъ случаяхъ когда глава семьи предается расточительности,—не безъ тяжкой, случается, не безъ болѣзненной борьбы уступаетъ она его гибельной склонности. Съ другой стороны, если кому и гдѣ мо-

жетъ вредить отсутствіе довѣрія, и, поэтому, недостатокъ свободы въ дѣйствованіи, такъ именно хозяйкѣ въ ея хозяйствѣ. Дѣятельность ея, преимущественно, состоитъ изъ такихъ мелкихъ частныхъ, усмотрѣть, услѣдить за которыми за всѣми нѣтъ человѣческой возможности; но отъ которыхъ, между тѣмъ, зависитъ правильный ходъ семейной жизни. Положимъ, что она стѣснена въ своей дѣятельности и не можетъ располагать всѣмъ такъ, какъ сама находитъ удобнѣе и лучше; что изъ этого должно слѣдовать?—Одно изъ двухъ: или она, подчиняясь необходимости, будетъ оставлять безъ вниманія множество тѣхъ хозяйственныхъ мелочей которыя не замѣтны для глаза главы семьи, или совсѣмъ не понимаются имъ; или будетъ обманывать его на каждомъ шагу, — и нисколько не съ дурной цѣлю, а собственно въ видахъ семейной пользы. Отъ перваго, разумѣется, неизбѣжно будетъ страдать все хозяйство; что до втораго, то ужъ тутъ не хозяйственный вредъ, а семейственное зло, которое идетъ глубоко и далеко.

Есть въ народѣ не добрая поговорка: «плоха та жена, которая семь разъ въ день не обманетъ мужа». Поговорка эта, замѣтитъ нужно, до того ходячая что едва ли не составляетъ правила жизни для большинства хозяекъ. Что выражаетъ эта поговорка: крайнюю-ли степень нравственнаго растлѣнія женъ, — такого растлѣнія что онѣ безъ лжи и обмана по отношенію къ мужьямъ и существовать не могутъ, или другое что? Именно другое: — необходимость въ хозяйственныхъ дѣлахъ прибѣгать къ этому нечистому способу, въ избѣжаніе столкновеній съ неразумѣющимъ всего главой семьи, — столкновеній которыя всегда ведутъ къ брани съ его стороны, случается даже, и къ худшему для жены. Спрашивается: нужно ли было бы хозяйкѣ прибѣгать въ обману, еслибы она свободно располагала своей дѣятельностью и пользовалась всѣмъ тѣмъ довѣріемъ отъ своего главы, какое должна имѣть жена — единое и нераздѣльное

съ мужемъ? — Понятно нѣтъ: при свободѣ и довѣрїи она дѣйствовала бы во всемъ прямо и открыто, съ довѣрїемъ же обращаясь къ мужу за совѣтомъ и вразумленїемъ во всякомъ своемъ недоразумѣнїи, даже во всякой своей ошибкѣ. — Если же ей приходится разъ по семи въ сутки обманывать мужа, то отъ этого вотъ что происходитъ: мужа она дѣйствительно обманываетъ, и часто такъ успѣшно, что онъ и находитъ особенно хорошимъ именно устроенное такимъ путемъ; но есть иные глаза въ семьѣ, которые слишкомъ зорко всматриваются въ такой образъ дѣйствования, — дѣтскїе глаза. Нечистыя продѣлки матери, хоть и съ доброй цѣлю, не ускользаютъ отъ наблюденїя дѣтей; да еще чаще всего матери не считаютъ и нужнымъ скрывать отъ нихъ, лишь предупреждая — «не говорить отцу», подъ карой раздѣлки за болтливость. И вотъ, ложь дѣйствования, обманъ словъ, заботливость скрывать то и другое, — такова материнская наука, которую скоро, къ несчастїю слишкомъ скоро перенимаютъ и усваиваютъ себѣ дѣти. Это еще не все. — Гдѣ ложь и обманъ, тамъ непрестанныя опасенїя что объ нихъ прознаютъ; что они безнаказанно не пройдутъ; — отсюда эти непрестанныя клятвы, къ которымъ прибѣгаютъ хозяйки чтобы прикрывать свои нечистыя продѣлки, эти заклинанїя, сколько нелѣпныя столько и возмутительныя ¹⁾, которыми

¹⁾ Клятвы, самыя обыкновенныя въ народѣ: «душа—вонъ, сквозь землю провалиться, будь я апаема — проклять» и проч. Заклинанїя, принадлежащїя собственно женщинамъ: «дѣтей не зрѣть, покарай Богъ дѣтми, провалиться бы въ преисподнюю съ дѣтми» и т. п. Вообще «о клятвѣ» у насъ будетъ особенная рѣчь. Здѣсь замѣтимъ только что Спаситель нашъ положительно воспретилъ всякую клятву; «а я говорю вамъ: не клянитесь вовсе.; но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго» (Мѣ. V, 34—37). Это значить: такъ живи честно и правдиво, чтобы одного твоего—«да—нѣтъ» было достаточно для удостовѣренїя другихъ въ чемъ-либо; чтожь до клятвъ—«небомъ, землею, собою», чѣмъ бы то ни было, то всѣ такія клятвы отъ лукаваго, т. е. отъ дьявола.—Поэтому,—какое значенїе онѣ имѣютъ? Можно-ль и должно-ль вѣрить такимъ клятвамъ? Ничагъ не должно, хоть бы клянувшїйся такими незаконными клятвами, какъ «чрезъ дѣтей» напр., въ дополненїе къ

употребляютъ онѣ, когда по ихъ мнѣнію, обыденныя клятвы не вполне достигаютъ своей цѣли. Какое же вліяніе должны производить эти клятвы и заклинанія на дѣтей, которыя слишкомъ зорко видятъ, изъ за чего такъ распинается мать? Именно то что они съ дѣтства привыкаютъ всѣ свои продѣлки прикрывать клятвой, и ни во что ставятъ при самомъ нагломъ обманѣ отдѣлываться заклинаніями. И идетъ эта несчастная привычка въ жизнь; и развивается она до той степени что клясться при всякомъ случаѣ, и еще съ полнымъ сознаніемъ что клянутся во лжи, дѣлается самымъ обыденнымъ дѣломъ, объ отвѣтственности за которое передъ Господомъ Богомъ никто не помышляетъ; и доходитъ до того что даже присяга ³⁾ не имѣетъ для нихъ никакого значенія:—они готовы принимать ее, даже для прикрытія самой отчаянной лжи. Вотъ куда идетъ дѣтская привычка, начало которой полагается материнской наукой.—А къ чему ведетъ все это?—Само собой разумѣется, не къ добру. Добро въ правдѣ, въ одной только правдѣ; гдѣ ложь и обманъ,—тамъ зло и гибель; ничего кромѣ зла и гибели. И чему же быть другому?—«Отецъ лжи», какъ сказалъ Спаситель, «дѣволъ» (Іоан. VIII, 44); значить, всякій лжець—чадо дѣвола; такъ тутъ ли, отъ дѣвола ли и чады его, быть добру?

И вотъ, друзья, какъ все нерасторжимо крѣпко связано у насъ въ жизни, и какъ одно зло неизбежно вытекаетъ изъ другаго, и прямо ведетъ къ тому, что изъ чадъ божіихъ мы

этому передѣлывать всѣ образа (— «черезъ дѣтей поклянусь; образъ подѣлюю»,—самыя обыкновенныя заклинанія въ народѣ). Все—что кромѣ этого—«да-да; ни-ни» отъ лукаваго; значить всѣ такія клятвы и заклинанія отъ дѣвола;—а отцу лжи, т. е. дѣволу, и всему что идетъ отъ него, развѣ можно, позволительно вѣрять?

³⁾ *Присяга*—та же клятва, но только болѣе торжественная, употребляемая въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, напр. при судебномъ изслѣдованіи дѣла и т. п. И о присягѣ будетъ особая рѣчь.

превращаемся въ чадъ діавола, и сами, своими руками, губимъ всю свою жизнь.— Мужъ и жена соединяются въ единую нераздѣльную жизнь. Значить, мысли, заботы, дѣла— все должно быть у нихъ общее и нераздѣльное. — Но вотъ мужъ нарушаетъ эту обязанность: хорошо зная что жена его не утерять даромъ копѣйки, слѣдовательно, сознавая все ее право на довѣріе его, — не оказываетъ однакожь довѣрія и настолько чтобы дать ей свободу расходовать изъ общихъ пріобрѣтеній для удовлетворенія всѣхъ потребностей семейныхъ; первое зло — попраніе права жены. Изъ него вытекаетъ другое зло: вмѣсто прямого, честнаго образа дѣйствованія жена, по необходимости, прибѣгаетъ къ утайкѣ, къ скрытной продажѣ своего же добра; отсюда третье зло: чтобы прикрыть свои утайки она должна лгать, обманывать; отсюда четвертое зло: она, своимъ примѣромъ, пріучаетъ дѣтей къ тому же; отсюда..., а ужъ тутъ пойдетъ такая бездна зла, что его не исчислишь и не опишешь. — Видите-ль же вы, откуда начальное-то зло?—Отъ главы семьи!... да! — А еще иной безсмысленный глава семьи, спуская самъ рубли по шинкамъ и трактирамъ, съ ругательствами отказываетъ женѣ въ гривнахъ, когда она вымаливаетъ ихъ на самыя вопіющія семейныя надобности, или кидаетъ ей вмѣсто гривенъ алтыны. И того, безсмысленный, не сообразить что если ужъ что надобно для семьи, то, что съ женой ни дѣлай, а надобно; и что для восполненія этой надобности, продавая что-либо изъ хозяйства втихомолку, жена теряетъ при продажѣ, бабъ всегда теряется при тайныхъ продажахъ; чтожь выигрываетъ онъ, не оказывая всего довѣрія своей женѣ?

И что хуже всего, глава семьи съ такимъ безсмыслиемъ не рѣдкость у насъ; напротивъ, едвали не большинство такихъ. Да еще жалуются, — изъ рукъ тащатъ семейные! — Какъ-же иначе?— Не ставь самъ жену въ необходимость — та-

щитъ что пришлось; не давай ей поводу къ этой несчастной привычкѣ; съ самаго начала семейной жизни обращай съ нею—какъ съ «помощью данной отъ Господа Бога», т. е. съ любовью и довѣріемъ во всемі; будь ей, какъ велитъ законъ Господа Бога, совѣтникомъ и руководителемъ, а не господиномъ и тираномъ, — ну, и не стануть тащить; потому что какъ не покажетъ примѣра хозяйка дома, такъ и другіе не посмѣють дѣлать этого; а ей какая надобность будетъ тащить, когда безъ этого грѣшнаго способа будетъ возможность удовлетворять всемі нуждамъ семьи?

Такъ, друзья, любовь и довѣріе,—съ этимъ скорѣе поднимутся наши хозяйства, чѣмъ со всемі нашими строгостями и учитываньями на каждомъ шагѣ, надъ чѣмъ только смѣются иныя хозяйки дома.—«Сердце мужа ея надѣется на нее, и не остается безъ награды». И не останется никогда.—Дѣйствуя сама на чистоту, т. е. поступаая во всемі честно и правдиво, она, словомъ и примѣромъ своимъ, научитъ тому же и дѣтей, и введетъ въ семью тотъ духъ правды на которомъ одномъ можетъ создаться благоденствіе всякой семьи:—мала-ли эта награда за довѣріе и свободу, данная ей?

Но хозяйство — одна сторона жизни и дѣятельности семейной женщины; есть другая еще болѣе важная — дѣти.

Господь и Спаситель нашъ говоритъ: «женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ» (Іоан. XVI, 21). Такъ и было среди народа божьяго; такъ и должно быть, что чадорожденіе — источникъ самой чистой, высшей радости для матери; таковой глубокой радости что за нею она забываетъ и страшныя муки родильныя, и то-что она сама, вслѣдъ за рожденіемъ, стоитъ одной ногой въ могилѣ. Выносить въ себѣ новое существо, дать ему жизнь, сдѣлаться матерью,—выше

этого блага для женщины не существуетъ на землѣ. — Но такъ ли это у насъ, друзья? — Жизнь не привнесла-ли и сюда чего-либо дурнаго, чего либо способнаго и отравить радость матери, и даже въ чужомъ человѣкѣ возбудить скорбь за родившую и за рожденнаго? —

О, какъ много тутъ у насъ дурнаго! — Какая тутъ непроходимая бездна зла, въ основѣ подрывающаго самое первое и главное благословеніе божіе, данное человечеству: «и благословилъ ихъ (первыхъ людей) Богъ и сказалъ имъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю». — Посмотримъ, какъ и что тутъ дѣлается у насъ.

— Женщина сдѣлалась беременною. Положеніе, какъ можно понять, весьма не легкое; потому что беременность есть болѣзнь своего рода, сопровождаемая многими, часто, мучительными припадками (тошнота до рвоты, головокруженіе до обмороковъ и проч. и проч.). — Нужны ли же для беременной женщины, — если уже не уходъ какъ за всякимъ больнымъ, то хоть возможное спокойствіе? — Понятно нужны; — «по человечеству», какъ говорится, т. е. изъ человѣческаго чувства состраданія къ болѣзненному положенію, нужны. А еще болѣе нужны по отношенію къ зачатому плоду. Его жизнь, чуднымъ, непостижимымъ образомъ, вырабатывается изъ крови и соковъ матери. Чтобы эта таинственная работа совершалась правильно, безусловно необходимо чтобы жизнь матери, во все время ея беременности, текла такъ-же правильно, — т. е. безъ волненій и тревогъ, потому что онѣ, вредно дѣйствуя на кровь ея, вредно дѣйствуютъ и на зародышъ; безъ изнуреній и отягощеній, потому что ослабленіе силъ матери неизбежно ведетъ къ слабости и хилости плода; безъ душевныхъ потрясеній, каковы напр. страхъ, сильное огорченіе, раздраженіе и т. п.; потому что всякое подобное потрясеніе разстроиваетъ, а случается и совсѣмъ убиваетъ, только что

начавшуюся жизнь новаго творенія божія. Такъ-ли же, друзья, ведется у насъ беременная женщина?— Или уже объ этомъ и спрашивать нечего; —оказывается ли ей, по крайней мѣрѣ, какое-либо снисхожденіе въ пору тяжелыхъ работъ, которыя и для здоровой женщины — «страда», т. е. мука и страданіе? Дается ли ей, ради беременности, пощада отъ тѣхъ ругательныхъ и ядовитыхъ выходокъ, которыя такъ обыкновенны въ нашихъ семьяхъ со стороны свекровь и свекровей; отъ тѣхъ потасовокъ и заушеній, на которыя такъ щедры у насъ мужья, особенно подъ пьяную руку?— Что вы скажете на это?

— Э, говорите вы, наши женщины неизбалованы, —носятъ дѣтей, какъ съ ними, съ беременными ни обращаются.— Носить дѣтей!... а выкидыши отчего бываютъ?— Или вы думаете что выкинуть женщину не значить ровно ничего и никто въ томъ не отвѣтственъ? Нѣтъ, выкидышъ на языкѣ нашей Церкви прямо называется убійствомъ³⁾; хоть различается то, —намѣренно это, со стороны матери, сдѣлано или нѣтъ, и сообразно съ этимъ выкинувшая подвергается большому или меньшему запрещенію. Но если мать ни которой

³⁾ Такъ именно — въ «молитвѣ женѣ, егда извержеть (выкинетъ, какъ говорится) младенца», выкидышъ называется убійствомъ: «во убійство внадшую волю или неволю, и зачатое въ ней извергшую помилуй» и т. д. — Невольный или ненамѣренный выкидышъ, — когда это произошло вслѣдствіе какой-нибудь случайной причины, наприм. отъ испуга, отъ паденія и т. п. И тутъ, если была какая-нибудь неосмотрительность со стороны матери, то, по церковному законоположенію, она на годъ должна быть удалена отъ св. причащенія (Треб. гл. XLII, § 71). Вольный или намѣренный выкидышъ судится какъ намѣренное убійство, т. е. мать виновная въ этомъ на двадцать лѣтъ удаляется отъ причащенія (§§ 68 и 4); даже мать у груди заспавшая младенца подвергается семилѣтнему запрещенію (§ 65). Какже должно судить о томъ кто довелъ женщину до выкидыша, напр., буйнымъ обращеніемъ съ нею? Или намѣренный убійца, хоть бы со всевозможными клятвами утверждалъ, что, тиранил жену, не имѣлъ въ виду, или не желалъ ея выкидыша. Къ истинному сожалѣнію выкидыши отъ такихъ причинъ, весьма нередкіе въ народѣ, проходятъ безнаказанно.

стороной тутъ невиновата, а выкидышь произошелъ отъ излишняго изнуренія на работахъ, отъ семейныхъ непріятностей, отъ потасовокъ мужа, — то думаете ли вы что это убіиство такъ никому и не вмѣнится? О, горько и страшно ошибаетесь, если такъ думаете: Господь Богъ найдетъ виновника преждевременной смерти невиннаго творенія своего, и взыщется кровь его на томъ—кто довелъ его мать до безвременныхъ родинъ: «мнѣ отмщеніе; я воздамъ говорить Господь,—а страшно впасть въ руки Бога живаго!»—«Носить дѣтей». Конечно носить; природа дѣлаетъ свое дѣло: не случилось выкидыша, — въ опредѣленное время, человѣкъ является въ міръ. Но съ какимъ запасомъ силъ — вотъ вопросъ! И не трудно рѣшить этотъ вопросъ: чахлое, полуизсохшее дерево не дастъ сочныхъ плодовъ; замороженное, забитое животное не произведетъ здороваго племени. И этотъ законъ — общій для всего что только рождаетъ и даетъ плоды на землѣ. Значить, какой же запасъ силъ даетъ своему младенцу и мать, изнуренная всѣмъ тѣмъ что видитъ и переноситъ она отъ семьи во дни своей беременности?—Такой что младенецъ сможетъ лишь продышать нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль и даже дней, и относится въ могилу, съ нескрываемой радостью матери, что она скорехонько развязалась съ лишнимъ бременемъ, съ лишнимъ горемъ въ жизни.—Да, съ лишнимъ горемъ, и такимъ что все горькое, что видѣла она во время своей беременности, были только цвѣточки; а ягодки наступаютъ для нея въ минуты рожденія, какъ сказано будетъ дальше. Да! А еще дивятся, что смертность дѣтей такъ сильна въ народѣ; что больше чѣмъ на половину рождаемыхъ не переживаетъ года!—Не этому дивиться надо, а тому—какъ еще остаются въ живыхъ остальные, когда жизненные условія беременныхъ женщинъ, за рѣдкими исключеніями, такъ несчастны. Скорая смерть рождаемыхъ—естественное, неизбѣжное слѣдствіе этихъ

условія:—младенецъ, прежде чѣмъ увидѣлъ божій свѣтъ, уже совершенно изнуренъ, потому что его начинающаяся жизнь вся и всецѣло въ жизни матери; всякое ея страданіе, всякое потрясеніе душевное—вредъ и даже медленное убійство находящагося въ ней плода. Здѣсь-то и заключается настоящая причина страшной смертности дѣтей среди народа. Правда и послѣдующія условія не лучше для родившей и рожденнаго; но младенецъ, родившійся крѣпкимъ и здоровымъ, переноситъ годъ, и два, и три, самыя неблагопріятныя условія, случается еще и совсѣмъ остается живъ; а для изнуреннаго, хилаго и чахлаго до рожденія много-ли надобно, чтобы погасла въ немъ едва начавшаяся жизнь? Нѣсколько недѣль, нѣсколько дней.

А вы, друзья, еще съ такимъ пренебреженіемъ говорите: «носить же дѣтей». Носить, чтобы наполнять могилы, — ради этого носить онѣ?! Ради этого дается благословеніе божіе каждой сочетавающейся парѣ?—Не это говорить вамъ надо; а крѣпко подумать о томъ въ комъ вина этого, и съ кого Господь Богъ взыщетъ за такую страшную смертность дѣтей среди насъ. Вотъ изъ среды васъ—большинство женатыхъ; есть главы семей. Допросите свою совѣсть: такъ ли вы всѣ ведете у себя беременныхъ женщинъ, чтобы онѣ, не изнуренныя и, по возможности, успокоенныя отъ семейныхъ тревогъ и волненій, приносили крѣпкій и здоровый плодъ?—Такъ ли?— Или вы, подобно Пилату, готовы умыть руки, что «дескать неповинны въ преждевременной смерти столькихъ дѣтей»?—Но вѣдь такъ только можно обмануть людей и обманывать самихъ себя; а обманете-ль Господа вседѣющаго и всевѣдущаго, который видѣлъ всякое ваше движеніе, слышалъ всякое слово?—Его-ль обманете и скажете: не повинны мы?»

Но самое горькое для беременной женщины — родины и

послѣдующее за тѣмъ. О болѣзняхъ родильныхъ говорить нѣтъ нужды; должно быть онѣ особенно тяжки, когда самъ Господь и Спаситель нашъ благоволилъ вспомнить объ нихъ въ своей предсмертной бесѣдѣ. Но чѣмъ тяжелѣе болѣзнь, тѣмъ нужнѣе людская помощь, и не кое-какая помощь а разумная, съ знаніемъ дѣла. Тутъ что и какъ у насъ?—А ужь тутъ такое, что если не жившему въ народной средѣ рассказать все, такъ иной и совсѣмъ не повѣритъ, что и какъ тутъ дѣлается у насъ.

Начать съ того—что женщина, готовящаяся родить, дѣлается точно опальной, виноватой передъ семьей: всѣ, не исключая даже мужа, если не совсѣмъ съ озлобленіемъ, то далеко и не съ лаской смотреть на нее, — за что и ради чего? — Что на нѣсколько дней она перестаетъ быть работницей семьи? такъ развѣ *ея* вина въ томъ?—И это отсутствіе добраго расположенія семьи, отчего, разумѣется, къ тѣлеснымъ страданіямъ женщины прибавляется душевное—уныніе и тоска, въ то самое время когда ей именно требуются всѣ силы тѣла и души, чтобы вынести страшное потрясеніе всего ея существа:—по христіански-ль это? даже по человѣчески-ль?—За тѣмъ, кто къ ней является на помощь?—Какая нибудь, отживающая свой вѣкъ, старуха, или даже первая, попавшаяся подъ руку, женщина ⁴⁾. Друзья! съ чѣмъ

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ деревняхъ берутся за это дѣло пожилыя вдовы, разумѣется, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ—за что берутся, и продолжаютъ его до конца своей жизни,—часто полуслѣпыя и еледвижущіяся; въ другихъ деревняхъ и этого нѣтъ, а просто кликутъ сосѣдку, чтобы «помогла», т. е. или стояла при родильницѣ сложа руки, или суетилась безъ всякаго толку. Послѣднія еще безвреднѣе, потому что ничего не дѣлаютъ, и дожидаются пока все сдѣлается само собой; но что видѣваютъ первыя, — такъ суму неосуществимо, по народному выраженію. Прежде всего, готовящуюся родить женщину онѣ приводятъ въ такое положеніе, которое неизбѣжно замедляетъ разрѣшеніе; затѣмъ, сами, испортивъ начало дѣла, онѣ или приказываютъ трясти родильницу, буквально—какъ кошель; или прикрѣпляютъ къ потолочной балкѣ веревку, приказываютъ ей, ухватившись за нее обѣими руками, вытягиваться, перегибаться и

сравнить такое преступное небреженіе на такія минуты, отъ которыхъ такъ нерѣдко зависитъ жизнь двухъ божіихъ созданій—матери и ребенка?—Разсудите: заболить у васъ скотина,—вы не поручаете же леченія первой встрѣчной женщиной, а ищете хоть какого-нибудь да лекаря; какже тутъ то у васъ нѣтъ ни малѣйшей заботливости, чтобы для родильницъ была хоть сколько-нибудь пріученая и знающая свое дѣло женщина,—и отнюдь ни чуть движущаяся старуха, а способная оказать всю нужную помощь, особенно при, такъ называемыхъ, неблагополучныхъ родахъ, что бываетъ нерѣдко?—Или по вашему жизнь женщины и рождаемаго младенца меньше значить, чѣмъ жизнь скотины?—И много ли бы стоило имѣть такую женщину для каждой деревни, или для двухъ-трехъ деревень, если онѣ не велики и близко расположены одна къ другой?

Но вотъ, скорѣе или медленнѣе, Богъ, какъ говорится, «прѣстилъ» родильницу, т. е. она разрѣшилась. Но опасное

проч. проч. Понятно, что родильныя муки и безъ того тяжкія, дѣлаются невыносимыми. Не забудемъ, что это дѣлается всегда въ банѣ, гдѣ сверху невыносимая жара, а внизу, если это зимой, такой-же холодъ,—съ ледяными воздушными массами въ всѣхъ углахъ; отсюда обмороки, безпамятство, даже у самыхъ здоровыхъ отъ природы женщинъ. Наконецъ, природа хотя съ всевозможными усиліями, но доканчиваетъ дѣло,—младенецъ является на божій свѣтъ; но какъ? случается совсѣмъ задохшимся, весьма часто обмершимъ; какія же средства употребляются для возбужденія въ немъ жизни? Разрываетъ и кое-какъ перевязываетъ пуповину его трясуть и трясуть, и всегда лицомъ къ низу,—больше ничего. И тутъ-таки природа не отказывается въ своемъ содѣйствіи, младенцы оживаютъ;—но понятно, великъ-ли запасъ у нихъ жизненныхъ силъ. Счастлива та женщина которой, глѣтомъ, приходится родить въ полѣ безъ этихъ варварскихъ пособій; тамъ природа дѣлаетъ свое дѣло легко и скоро; но и тамъ есть важныя неудобства,—отъ несвоевременнаго перевязыванья пуповины наир., младенецъ истечетъ кровью и проч. Вообще родильная часть въ совершенномъ небреженіи у крестьянъ; потому что ни какія частныя вліянія и внушенія не дѣйствуютъ на нихъ. Поэтому,—правительству безусловно необходимо взять противъ этого мѣры; потому что тутъ зло не частное, а общественное. Огромный процентъ смертности дѣтей, не такая маловажная вещь, чтобы можно пренебрегать ею, и не употреблять всего того что въ силахъ человѣческихъ для уменьшенія его.

положеніе ея далеко не кончилось; не мало еще времени по разрѣшеніи она, такъ сказать, стоитъ одной ногой въ могилѣ, т. е. ея тѣлесныя силы на столько потрясены и разстроены что требуется слишкомъ немногое для того чтобы она совсѣмъ покончила съ этой жизнью. Чтожь требуется для возстановленія ея силъ?— Прежде и главнѣе всего, тѣлесное и душевное спокойствіе; затѣмъ предосторожность отъ всего— что можетъ вредно вліять и на здороваго человѣка, напр. отъ простуды и т. п.— Слова нѣтъ, въ крестьянствѣ нельзя требовать всего — что нужно въ такихъ случаяхъ; но ни отъ кого и не требуется того что онъ не можетъ, не въ силахъ сдѣлать,—въ такомъ случаѣ онъ и не отвѣчаетъ за несчастныя послѣдствія отъ недостатка пособій и нужныхъ въ данную минуту средствъ.— А если кто можетъ и не дѣлаетъ, и оттого гибнетъ человѣкъ,—то что онъ въ такомъ случаѣ?— Такой же почти преступникъ закона божія, какъ и убійца въ самомъ точномъ значеніи этого слова. Теперь, друзья, припомните, гдѣ у васъ укладываютъ только что родившую женщину? Почти всегда на полу, едва прикрытомъ соломою, и непрѣмѣнно гдѣ-нибудь въ заднемъ углу; именно тамъ гдѣ холодъ и сырь;—такъ въ самую холодную осень, въ самые лютые морозы; и прикрываютъ какой-нибудь углой шубенкой. Положите такъ самаго здороваго мужчину, и ему, что называется, придетъ «безъ смерти—смерть»! Каково же должно быть изнеможенной и безъ того страдающей женщинѣ? — А за тѣмъ сколько времени дается женщинѣ—«обмочься», т. е. собраться съ силами и поправиться здоровьемъ?—Двое, много трое сутокъ; и ее затуриваютъ во все работы, объ руку со здоровыми. Что можетъ быть безчеловѣчнѣе этого?! — И ужъ пусть это дѣлалось бы въ крайней необходимости, когда напр. родильница—единственная въ домѣ женщина; а то точно также дѣлается и въ людныхъ семьяхъ, гдѣ есть вся возможность—

родившей дать все нужное спокойствіе, хоть на недѣлю. Вы, друзья, повторяете опять свое: «наши женщины небалованныя, — выносятъ». Выносятъ—это правда, хоть далеко не всё. Но ужели вы можете думать, что это безчеловѣчіе остается безъ горькихъ послѣдствій для женщины? — А эта преждевременная хилость, дряблость вашихъ женщинъ откуда-же? — А эта ранняя старость и короткій вѣкъ ихъ отчего же? — Здѣсь то, въ этомъ то небрежініи къ ихъ до — и послѣродительнымъ болѣзнямъ и заключается главная причина ихъ дальнѣйшаго слабосилія, ихъ частыхъ недуговъ и ихъ скорого состарѣнія.

Такъ съ родившей; лучше ли съ поворожденнымъ младенцемъ? Не лучше, если не хуже. Если младенецъ родился и совершенно здоровымъ, то и тутъ требуется уходъ и уходъ въ первыя недѣли его жизни, потому что тутъ все для него отъ воздуха которымъ онъ дышетъ, и до пищи которую принимаетъ, все можетъ быть ядомъ; на сколько-жъ нужнѣе этотъ уходъ для хилыхъ и чахлахъ младенцевъ, какихъ у насъ родится большинство? — Каковъ-же уходъ у насъ за младенцами? — Безъ всякаго преувеличенія хуже чѣмъ за ягнятами и телятами. Да! Овцу принесшую плодъ недѣли на двѣ-три убираютъ въ овчаникъ, а чаще въ избу гдѣ всё живутъ, чтобы ягнята поправились; маткѣ даютъ лучшій кормъ, чтобы у ней доставало молока для кормленія, и молоко было здоровое: значитъ тутъ есть бережь, есть уходъ за безсловеснымъ животнымъ, которому, когда оно выростетъ, и вся цѣна — два рубля. Для матери — женщины съ ея новорожденнымъ младенцемъ, въ которомъ безсмертная душа, ничего подобнаго нѣтъ. Сама изнеможенная и, не смотря на то, принужденная участвовать во всѣхъ работахъ, хоть бы то было въ самую лютую зиму, въ самую жгучую лѣтнюю страду, сама полуголодная и даже совсѣмъ голодная; потому что въ своемъ болѣзненномъ положеніи она не въ состояніи поглотить то что поглощаетъ вся семья, сколько

и какого молока въ силахъ дать она ребенку?—Ясно, не то количество какое требуется; и да и молока, въ которомъ слишкомъ мало питательныхъ частей; напротивъ много частей положительно вредныхъ, которыя приносятъ неисчислимые страданія младенцу ⁵⁾. А между тѣмъ здоровое молоко матери должно быть единственной пищей для младенца на первыя недѣли по рожденіи. Голодный и страдающій ребенокъ надрывается въ стонахъ; къ чему жь прибѣгаетъ мать чтобы какъ-нибудь заставить его молчать?—Къ соскѣ изъ хлѣба или каши, которой и слѣшитъ она забивать ротъ ребенку при всякомъ крикѣ его, и которая есть положительный вредъ для его здоровья. Мать, конечно, тутъ не виновата; что больше дѣлать ей, когда въ груди мало молока, или оно не достаточно питаетъ младенца? Что больше дѣлать ей, когда, за неисклонными работами, ей не дается и времени достаточно чтобы накормить его какъ слѣдуетъ, и это она должна дѣлать урывками, кое-какъ, и еще часто подъ бранью какой-нибудь безсмысленной свекрови, что

⁵⁾ Молоко вырабатывается въ матери изъ той пищи, которую принимаетъ она. Значитъ, чѣмъ здоровѣе и питательнѣе пища матери, тѣмъ здоровѣе и ея молоко для младенца; напротивъ, чѣмъ грубѣе и малопитательнѣе пища матери, тѣмъ нездоровѣе ея молоко. Отсюда наибольшая смертность дѣтей именно въ посты, когда черезъ-чуръ груба и не питательна пища крестьянскихъ матерей. Но кромѣ пищи весьма значительное вліяніе на молоко имѣетъ душевное состояніе матери: при сильномъ горѣ, при крупныхъ семейныхъ непріятностяхъ молоко оскудѣваетъ, случается, совсѣмъ пропадаетъ въ груди матери; при раздраженіи оно портится, и уже не столько питаетъ, сколько убиваетъ младенца. Именно отъ такого молока происходитъ воспаленіе желудка и кишокъ, даже размягченіе слизистой оболочки желудка и кишокъ,—болѣзни, отъ которыхъ такъ много гибнетъ дѣтей на первомъ году ихъ возраста. Тоже производитъ и молоко коровье, если его дать младенцу въ первыя недѣли его рожденія; это оттого что желудокъ, по началу, еще такъ слабъ и безсиленъ что ничего не можетъ переваривать, кромѣ материнскаго молока. Молоко корови еще на столько тяжело и грубо для его желудка, что не можетъ ни столь легко перевариваться, ни столь легко усваиваться, какъ женское. Отъ рожка и особенно отъ соски развиваются эти судороги въ его желудкѣ, отъ которыхъ корчить его всего, и онъ кричитъ по цѣлымъ часамъ, кричитъ до безпамятства.

«вотъ-де она разбѣлась съ своимъ сокровищемъ», и проч. и проч.—Что больше дѣлать ей, когда отъ утренней до вечерней зари ее угоняютъ на работу, —случается, за нѣсколько верстъ, какъ напр. на пустошъ? Ничто больше и не остается ей, какъ забивать ротъ ребенку сосками.

Что съ кормленіемъ младенца, то и съ прочимъ уходомъ за нимъ. Не меньше материнскаго молока необходимы для его здоровья чистота и здоровый воздухъ.—Но если матери нѣтъ времени и накормить его порядкомъ, то до того-ль ей, чтобы заботиться о чистотѣ вокругъ него?—Разъ, много два въ сутки, успеетъ она перевязать его кое-какъ, —и весь уходъ. Затѣмъ весь мокрый, съ испражнениями подъ собой, кажимъ воздухомъ дышетъ онъ въ своей душной люлькѣ?—Такимъ, отъ котораго у взрослого, но не совсѣмъ привычнаго, сейчасъ же дѣлается рвота.—Кто, не выдавшій, повѣритъ, что лѣтомъ въ люлькахъ заводятся черви отъ гнющихъ нечистотъ и пеленокъ?—А это бываетъ сплошь и рядомъ. Что же это все какъ не медленное убійство? Это и дѣлаете, вы, друзья, лишь не своими руками, да заставляя младенца изстрадаться, прежде чѣмъ онъ задохнется въ убійственномъ воздухѣ, или умретъ голодною смертію отъ недостатка и непитательности материнскаго молока.— «Не всѣ же умираютъ; есть что и въ живыхъ остаются», оправдываетесь вы. Конечно есть такіе живущіе что переносятъ и это все;—а сколько такихъ, не хотите-ль посчитать? Изъ десяти, въ общей сложности, —трое, нибакъ не больше; а въ остальныхъ, безвременно сгибшихъ, думаете вы никто и не дастъ отвѣта Богу?—«Мы-то чѣмъ же виноваты? Матери ужъ про то знаютъ». Друзья! это опять—пилатово умовеніе рукъ. Еще разъ повторяю: въ васъ, главахъ и отцахъ семей, главная вина этой безвременной гибели столькихъ младенцевъ; въ васъ нѣтъ этой заботливости къ родившимъ женщинамъ, которую выказываете къ овцамъ и коровамъ; т. е. дать достаточно времени родиль-

ницѣ—поправиться съ силами; дать ей болѣе здоровую и питательную пищу, по крайней мѣрѣ на первыя недѣли послѣ родовъ для здороваго и достаточнаго молока ребенку; давать ей достаточно времени не уходѣ за нимъ и т. п.,—развѣ не отъ васъ все это зависитъ?—Если же вы ничего этого не дѣлаете, то кто нибудь другой, а не вы виноваты въ томъ, что изъ десяти-семеро дѣтей безвременно и напрасно гибнуть?

Да и тѣ что не гибнуть,—какъ идетъ ихъ дѣтство? Вѣдь горько посмотрѣть. Эти разнообразныя припадки, что у вашихъ женщинъ вообще называется *младенческимъ*, много ли дѣтей выростетъ безъ нихъ?—А вѣдь эти припадки, съ возрастомъ, нерѣдко переходятъ въ надучую болѣзнь, въ сухотку и чахотку. А золотуха отъ которой, кажется, не свободенъ у насъ ни одинъ человѣкъ? А чесотки и всѣ кожныя болѣзни?—Что же, все это, по вашему, такъ, ни съ того ни съ сего? Нѣтъ, все это прямо идетъ отъ того же самого, о чемъ говорили мы выше: отъ дурнаго питанія младенцевъ, отъ дурнаго ухода за ними. Да,—когда вашихъ дѣтей корчитъ и ломаетъ въ судорогахъ надучей болѣзни, когда золотуха избородитъ имъ шею и лицо, и пр. и пр.,—знайте главы семей что начальная причина ихъ страданій въ васъ: въ вашемъ безчеловѣчномъ небреженіи объ ихъ матеряхъ и объ нихъ самихъ, когда они были младенцами.

Здѣсь-то и есть для матерей ягодки, о которыхъ упомянули мы выше. Здѣсь то и заключается причина, почему онѣ, беременныя, нисколько не радовались за свою беременность; а родивши, радовались, что скорой смертью младенцевъ своихъ развязывались съ лишнимъ бременемъ, съ лишнимъ горемъ въ жизни.—Развѣ не горе для матери: слышать стоны младенца, видѣть его страданія, и не имѣть никакой возможности—помочь ему, облегчить его страданія?—И при томъ еще съ сознаниемъ, что этого могло-бы и не быть, еслибъ къ ней относились въ это время хоть съ такимъ только состраданіемъ, съ какимъ

относятся къ скотинѣ? И что можетъ быть больше этого гора? Поэтому совершенно понятно, что она радуется скорой смерти своего младенца, или молить о томъ Бога и утромъ и вечеромъ.

Слова нѣтъ, не вездѣ такъ ведутся эти дѣла. Есть у насъ благодатныя крестьянскія семьи, гдѣ и вообще смотрять на женщину, какъ на божіе созданіе, достойное любви и заботливости, и особенно окружають ее любовію и заботливостію во все время беременности и послѣ родовъ, — ее и рожденнаго отъ нея. Но такія семьи — исключеніе, и, къ несчастію, очень рѣдкое исключеніе. А въ большинствѣ такъ именно ведутся дѣла какъ мы сказали. Скажете-ль вы, что это неправда?

Вы говорили: «у насъ женщины не балованныя», и прибавляете: «и баловать намъ ихъ некогда да и не для чего». — Но между тѣмъ что вы называете «баловствомъ», и тѣмъ что требуется по совѣсти, по закону божескому и человѣческому, огромная разница; и смѣшивать эти понятія, значить — лишь желать какъ-нибудь прикрыть свое безчеловѣчіе. Рѣчь не о баловствѣ, которое портить женщину, не приносить ей добра ни въ чемъ, ни даже въ беременности и что слѣдуетъ за нею; рѣчь о той заботливости по отношенію къ беременной женщинѣ, отказывая въ которой вы попираете права, данныя ей самимъ Богомъ, ругаетесь надъ его благословеніемъ по отношенію къ размноженію рода человѣческаго, — вотъ о чемъ рѣчь! — Что именно требуется тутъ отъ васъ, изъ сказаннаго можно понять; а кромѣ того дальше еще пояснимъ. — А теперь замѣтимъ, что непосредственно вытекаетъ изъ вашего безчеловѣчія.

Выше было говорено о безпробихъ хозяйкахъ, — безпробихъ даже по отношенію къ дѣтямъ своимъ, и было замѣчено что не всѣ входятъ безпробими въ семью, а большею частію дѣлаются такими отъ семейной жизни. — Да, это вообще такъ, и особенно такъ по отношенію къ дѣтямъ. Женщина отъ природы можетъ быть и не слишкомъ умной, и лѣнливой, и имѣть много

другихъ недостатковъ; но чтобы она могла не любить своихъ дѣтей, и любя, не употреблять всѣхъ своихъ силъ на сохраненіе ихъ жизни и здоровья,—это ужъ дѣло,—не скажемъ совсѣмъ невозможное, потому что исключенія вездѣ могутъ быть, а почти невозможное, потому что это было бы противъ одного изъ самыхъ главныхъ законовъ природы. Теперь, посмотрите же что дѣлается въ вашихъ семьяхъ: молодыя матери истомляются надъ своими младенцами; горько плачутъ онѣ отъ невозможности—во время дать имъ грудь, или перевязать; при болѣзни младенцевъ своихъ онѣ болѣютъ сердцемъ не меньше, если не больше ихъ. Что значить это?—Значить, что законъ природы дѣйствуетъ въ нихъ во всей силѣ, и онѣ страдаютъ отъ невозможности выполнить его какъ слѣдуетъ. А что дѣлается съ тѣми же матерями послѣ нѣсколькихъ рожденій?—Онѣ уже дѣлаются равнодушными къ своимъ младенцамъ; стонеть ли младенецъ отъ голоду и болѣзней, — онѣ, даже имѣя время и возможность, не спѣшатъ успокоить его; напротивъ, по цѣлымъ часамъ приказываютъ трясти люльку кому-нибудь, чтобы затрясти его до одуренія и, съ нимъ, до молчанія; если же и принимаютъ за ребенка, то съ самой возмутительной бранью.— Это что значить?—Значить, что въ нихъ уже подавленъ законъ природы; и онѣ сдѣлались хуже животныхъ самокъ, которыя всегда спѣшатъ кормить дѣтей своихъ. Вотъ вамъ и безпрокія матери,—до того безпрокія, что пусть сдѣлаются онѣ полными хозяйками своего времени и дѣла, какъ это бываетъ у васъ при раздѣлѣ семей, онѣ никогда не сдѣлаются лучшими, т. е. какъ слѣдуетъ заботливыми о жизни и здоровьѣ дѣтей своихъ; этого мало, сдѣлавшись въ свою очередь свекровями, онѣ еще будутъ преслѣдовать своихъ невѣстокъ за ихъ заботливость о своихъ младенцахъ. Какъ же дошли онѣ до этого неестественнаго положенія, до котораго не доходятъ и животныя?—Очень просто: на первыхъ порахъ не дали развиться

ихъ материнскимъ влеченіямъ и еще всячески подавляли ихъ;— и сгибли эти спасительныя влеченія, и замѣнились этой душевной отупѣlostью, этимъ окаменѣніемъ сердца, при которыхъ женщина можетъ совершенно равнодушно смотрѣть на болѣзни и страданія своихъ дѣтей, и не дѣлать ничего для предотвращенія ихъ. Такъ гибнетъ все доброе въ человѣкѣ, при рожденное ему, если не развивается и не укрѣпляется во-время; такъ онъ можетъ идти противъ самыхъ существенныхъ законовъ природы, если житейскія обстоятельства задавили ихъ влеченія и требованія.

Что требуется отъ васъ, друзья, чтобы не было у насъ этой страшной смертности дѣтей, и чтобы вина за безвременную гибель ихъ не падала именно на васъ, угадать и сказать не мудрено:— не дѣлайте того, что дѣлаете, т. е. что дѣлаеть большая часть изъ васъ,—въ этомъ главное. Но такъ какъ этотъ предметъ слишкомъ важенъ, потому что такая смертность дѣтей, не говоря о законѣ Господа Бога, подрываетъ законъ и условія развитія общественной жизни,— то и необходимо войти тутъ въ нѣкоторыя подробности и даже повторить кое что изъ вышесказаннаго.

Главное въ беременности то чтобы зачатый плодъ развивался правильно и не было вредныхъ вліяній на образованіе его тѣла и души. Отсюда совершенно, положительно необходимо чтобы отъ беременной женщины, особенно во вторую половину ея беременности, было отстранено все—что можетъ черезчуръ изнурять ея тѣлесныя силы, или слишкомъ волновать и потрясать ея душу. Это не то значить, чтобы освободить ее отъ всякой дѣятельности,—совсѣмъ нѣтъ:—это было-бы другой крайностью, также весьма вредною; а значить, чтобы давать ей возможное облегченіе отъ работъ и такое же спокойствіе души. Обыкновенныя при этомъ въ крестьянствѣ отговорки почти не имѣютъ никакого значенія. Хозяйство не раз-

строится и не падеть, если беременной женщинѣ дадутъ свободу дѣлать никакъ не больше того, сколько позволяютъ ей силы и не будутъ требовать, чтобы она шла въ работахъ обр-уку съ здоровыми. Въ этихъ требованіяхъ, почти всегда, выражается не столько забота объ интересахъ хозяйственныхъ, сколько самодурство старшихъ въ семьяхъ:—«не барыня-де; пусть ломитъ работу наравнѣ со всѣми»,—хоть и сами они хорошо понимаютъ что какъ ни убивается на работѣ беременная женщина, а слишкомъ не спора ея работа. Пора-же, наконецъ, крестьянскому православному міру разстаться съ своимъ самодурствомъ, отъ котораго столько бѣдъ и грѣховъ,—тяжкихъ грѣховъ, какова, напр. безвременная гибель столькихъ дѣтей, и жить по закону Господа Бога, который предписываетъ скотовъ миловать, а не то что будущую мать разумнаго божьяго созданія. Еслибъ даже и утеря въ хозяйствѣ случилась отъ этого, какъ это можетъ быть въ одиночныхъ семьяхъ, все же это легче, чѣмъ крайнимъ изнуреніемъ матери подорвать, при самомъ началѣ, жизненные силы будущего человѣка:—всякая утеря хозяйственная—дѣло поправимое, и за нее не придется давать отвѣтъ Господу Богу на его страшномъ судѣ; но безъ времени загубленная жизнь его созданія—дѣло уже непоправимое, и грозно потребуетъ Господь Богъ отчета въ ней.

О нужной помощи женщинѣ при родахъ сказано достаточно. Здѣсь нужно замѣтить только, что то деревенское общество, которое, по ничѣмъ неизвѣняемому небреженію, не хочетъ имѣть у себя знающую свое дѣло и опытную повитуху, намѣренно и сознательно допускаетъ, чтобы сколько можно меньше рождающихся въ его средѣ младенцевъ оставалось въ живыхъ. Такъ, а и не иначе. Кто заботится о жизни другаго, когда предстоитъ ей опасность, тотъ беретъ все мѣры для предотвращения этой опасности, употребляетъ все средства для сохраненія этой жизни. Кто-жъ видитъ, что другой гибнетъ и, имѣя всю воз-

возможность спасти его, пальцемъ не двинетъ для спасенія, тотъ, значить, желаетъ его смерти, и хотя непрямо, не собственными руками, но тѣмъ не менѣе уподобляется убійцамъ. Такъ и гибель младенцевъ отъ отсутствія правильной и разумной помощи при ихъ рожденіи, падаетъ на то деревенское общество, которое ничего не хочетъ дѣлать, чтобы была эта помощь. Могутъ быть и тутъ отговорки, что средствъ-де нѣтъ на то, чтобы выбравши изъ своей среды дѣльную вдову или незамужнюю дѣвицу, отдать ее въ ученье повивальному искусству; но эти отговорки — самая вопіющая ложь. Не говоря уже о томъ, что въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ общественныхъ (деревенныхъ) денегъ отъ оброчныхъ статей, которыя всегда, безъ исключенія, идутъ на пропой, — если находятся, деньги на ежелѣтній наемъ пастуха, то какъ же не найдись деньгамъ на сказанное ученье? — Вѣдь, наконецъ, стоитъ же жизнь человѣческая, — положимъ и младенцевъ, но развѣ они не созданія по образу и подобию божію — стоитъ того чтобы для сохраненія ея были принесены какія либо и жертвы!..

Женщинѣ послѣ рожденія необходимо дать всевозможный покой, по самой меньшей мѣрѣ недѣли на двѣ, какими бы, по наружности, брѣвскими силами ни обладала она; потому что тутъ дѣло не въ прирожденныхъ ей силахъ (— а какія силы нельзя подорвать въ самое короткое время?), а въ томъ чтобы все потрясенное внутри ея пришло въ свой естественный порядокъ. Кромѣ того необходимо взять мѣры противъ простуды, потому что въ это время женщина легче всего подчиняется ей; и простуда въ это время самымъ губительнымъ, никакими лекарствами послѣ непоправимымъ, образомъ дѣйствуетъ на извѣстныя женскія отправления (очищеніе). И тутъ все отговорки, что въ крестьянской избѣ не возможно это устроить — вопіющая ложь. Не одинъ же задній уголъ въ избѣ; и не укладываютъ тамъ, почти на голомъ полу, больныхъ обыкновенной болѣзью; а

находить возможным и уложить по лучше и укутать по крѣпче; а развѣ родильная болѣзнь меньше значить, чѣмъ всякая другая?—И уже не человекъ тутъ страдаетъ и нуждается въ помощи? Самая пища на это время должна быть возможно питательнѣе и не черезъ чуръ груба; сколько для матери это нужно, столько, и даже больше, для новорожденного младенца. Даже св. Церковь на этотъ случай выразила свою особенную заботливость; именно, — она разрѣшила родившей въ самую страстную недѣлю ѣсть съ масломъ и употреблять вино⁶⁾. Обыкновенная при этомъ ссылка на крестьянскіе недостатки не значить ровно ничего; — пусть мужъ родильницы вспомнить только, сколько за годъ стаскаетъ онъ въ шинокъ, — и самъ увидитъ, что ссылки на недостатки — отчаянная ложь, употребляемая для прикрытія самаго возмутительнаго безобразія въ крестьянской жизни. Да наконецъ, если и дѣйствительно нѣтъ никакой возможности собственными средствами доставить родильницѣ лучшее обыкновеннаго питаніе, — попроси у другаго; при такихъ случаяхъ, какъ помочь больному и страждущему, нашъ православный народъ не только не отказываетъ ни въ чемъ, но послѣднее отдаетъ. Не только не видано, но и не слыхано, чтобы въ крестьянствѣ гдѣ-либо поступали иначе. — Не имѣешь — попроси, вмѣсто безсмысленной ссылки на крестьянскіе недостатки.

Что до младенца, то самое главное, самое важное для него, особенно въ первыя недѣли его рожденія, материнское молоко, о чемъ выше сказано достаточно. Здѣсь нужно замѣтить, что кормленіе грудью должно быть, сколько возможно, правильно; потому что если желудокъ взрослога человека не можетъ не страдать и не разстраиваться до болѣзней, когда въ одно время его черезъ-чуръ набиваютъ, а въ другое оставляютъ пустымъ,

⁶⁾ «Рождаша въ великую седмицу, ясть масло и вино пїеть». (Треб. гл. 42, § 62, 1).

то что жъ сказать о черезъ-чуръ-слабомъ желудкѣ младенца? Если бы и всѣ условія для здоровья младенца были хороши, то достаточно одного неправильнаго кормленія, чтобы появились у него рвота и поносъ, которыхъ, по чрезвычайной слабости его силъ, совершенно достаточно для скорой смерти. Вотъ почему, удалять надолго мать отъ ея ребенка (какъ напр. на пустошѣ) значитъ навѣрное убивать его. Сгорѣвшееся молоко въ груди матери и само по себѣ уже вредно; затѣмъ принятое изголодавшимся ребенкомъ въ неумѣренномъ количествѣ оно производитъ тотъ злокачественный поносъ, отъ котораго нѣтъ спасенія. Вотъ почему лѣтомъ и гибнетъ столько грудныхъ дѣтей — именно отъ поносу.

О чистотѣ кругомъ ребенка и здоровомъ воздухѣ, такъ необходимыхъ для сохраненія жизни его, тоже было говорено. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на одно обстоятельство; это-чтобы мать, особенно вскорѣ послѣ рожденія, отнюдь не укладывала, ни для кормленія, ни для успокоенія, своего ребенка вмѣстѣ съ собой. По началу это нужно потому что, вслѣдствіе послѣродоваго очищенія матери и молочныхъ отдѣленій, отъ нея отдѣляются испаренія, которыя отравляютъ дыханіе младенца; а затѣмъ, чтобы не сдѣлалось его привычкой. Извѣстно, какъ нерѣдки въ крестьянствѣ случаи *засыпаній*: — мать приучившая ребенка спать съ собой и утомленная работой, ткнетъ ему грудь и спитъ какъ убитая; достаточно получаса, чтобы онъ задохся подъ этимъ мягкимъ покровомъ, который плотно охватываетъ не только его ротъ, но и все лицо. — Ужели и противъ этого не нужно имѣть нужныхъ мѣръ? А мѣра тутъ единственная — не приучать ребенка спать вмѣстѣ съ матерью.

Наконецъ, необходимо удалять младенцевъ отъ слишкомъ сильныхъ вліяній холода, тепла, свѣта и сырости, которыя неизбѣжно ведутъ къ болѣзнямъ, если не всегда смертнымъ, то къ такимъ, слѣды которыхъ остаются на всю жизнь. Такъ, въ

крестьянствѣ введено въ обычай таскать младенцевъ въ жарко натопленную баню, или въ печь, и даже парить; такъ, есть обычай спѣшить съ крещеніемъ младенца, даже и тогда когда не предстоитъ ни какой опасности для его жизни, и употреблять для крещенія воду, какъ она зачерпнется въ колодезь или рѣ-вѣ,—будь то въ самый лютый морозъ:—что можетъ быть гибельнѣе для младенцевъ этихъ и подобныхъ этимъ обычаевъ? Въ первыя недѣли, по рожденіи младенца, всѣ оболочки и ткани у него, внутреннія и виѣшнія, до того еще нѣжны и тонки, что достаточно вліянія холоднаго и сыраго воздуха, чтобы внести неизцѣльное разстройство во весь его тѣлесный составъ; чѣмъ же должно отозваться погруженіе его въ воду, отъ которой даже замирають руки погружающаго его лица?—

Вотъ, друзья, главное изъ того что требуется для матери и младенца, если кто захочетъ озаботиться о сохраненіи ихъ жизни и здоровья. Казалось-бы, такое ли это трудное дѣло, чтобы его нельзя было выполнить въ какой угодно крестьянской семьѣ?—А между тѣмъ много ли изъ васъ,—по совѣсти и передъ Богомъ, захотятъ выполнить его? Не большая ли часть изъ васъ и теперь, какъ и всегда, заговорить: «гдѣ намъ, наше дѣло крестьянское», т. е. въ тысячу первый разъ повторить самую бессмысленную и нелѣпую отговорку свою.—«Ваше дѣло крестьянское»;—чтожь это значить,—т. е. если вы крестьяне, такъ и можете безнаказанно ругаться надъ закономъ божіимъ? И можете ли во что ставить его волю, его благословеніе о размноженіи рода человѣческаго?—Страшно и горько обманываетесь вы, друзья. Если крестьянство не мѣшаетъ вамъ заботиться о здоровьѣ и жизни скота своего, то какъ-же вы осмѣливаетесь ссылаться на него при своемъ нерадѣніи о сохраненіи здоровья и жизни матерей и ихъ младенцевъ?—Это именно нерадѣніе, одно нерадѣніе, и больше ничего. Но такое нерадѣніе, которое не только по суду—Господа всевидящаго, но и по человѣческому, должно быть вѣнено каждому, какъ великій и тяжкій грѣхъ.

Б. УЧЕНІЕ ДѢТЕЙ.

Имѣть дѣтей—всегда и у всѣхъ народовъ считалось особеннымъ благословеніемъ божіимъ. Такъ оно и должно быть. Жить, заботиться, трудиться,—и не знать—для кого и для чего, значило бы — бить воздухъ. Кромѣ того, для трудовой дѣятельности человѣка есть определенное время,—нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда тѣлесныя силы крѣпки, свѣжи и способны къ дѣятельности. Затѣмъ наступаетъ время изнеможеній и упадка силъ, что называется старостью. Тутъ человѣку нужны только покой отъ житейскихъ трудовъ и ничѣмъ неразвлекаемое и не тревожимое приготовленіе къ вѣчно-блаженному покою въ другой жизни. Значить, необходимы самыя близкія лица, которыя продолжали бы его житейскіе трудъ и дѣло и дали ему покой на остатокъ дней на землѣ;—кому же естественнѣе и ближе сдѣлать это какъ не дѣтямъ?—Наконецъ, въ минуту перехода изъ этой жизни въ другую необходимо чтобы самая искренняя, самая чистая любовь уладила горечь этихъ минутъ, слишкомъ горькихъ и страшныхъ для всякаго; чья-же любовь можетъ сдѣлать это такъ, какъ любовь дѣтей?—Да, горька хилая старость для бездѣтныхъ и, слѣдовательно, для безпомощныхъ. Еще горѣче умирать человѣку, когда его одръ смертный окружаютъ чужь-чужанинъ, и ничье слово любви не доходитъ до его трепетной души. Вотъ почему неизмѣніе дѣтей всегда считалось несчастіемъ, знакомъ неблаговоленія божія къ семьѣ.

Но милосердый Богъ не многимъ отказываетъ въ этомъ бла-

гословеніи. Большинство родителей онъ надѣляетъ дѣтьми. Что же, всегда ли они то, — чѣмъ должны быть, — радость и утѣшеніе родителей, опора на дни оскудѣнія силъ ихъ? — Не только не всегда, но и рѣдко; — особенно между народомъ несравненно чаще можно слышать самыя горькія жалобы на дурныхъ дѣтей, чѣмъ благословенія Бога за дѣтей добрыхъ. Откуда же такая бѣда?

Вотъ что говоритъ мудрый: «умный сынъ радуется отца, а глупый сынъ горе для матери своей (Притч. X, 1); умный боится и удаляется зла, а глупый буйствуетъ, ничего не боясь (— XIV, 16); досада отцу своему глупый сынъ и кручина для матери своей (— XVII, 25); бѣда для отца — глупый сынъ» (— XIX, 13).

Значитъ въ этихъ двухъ словахъ: *умный* — *глупый*, вся разгадка радости и горя родителей отъ дѣтей. Но что же такое: *умный* сынъ, и вообще — *умный* человѣкъ? — Вотъ что говоритъ мудрый: «тогда узнаешь истину, правосудіе, прямодушіе, всякое доброе дѣйствованіе, когда мудрость войдетъ въ сердце твое и знаніе будетъ правиться душѣ твоей; тогда разсудокъ будетъ оберегать тебя, чтобы спасти тебя отъ пути порочнаго» (Притч. II, 9 и дал.). Именно, знаніе истины и всякаго добраго дѣйствованія и есть то — что называется — *умомъ*. Такое знаніе есть плодъ мудрости. Но что же нужно, чтобы мудрость-то вошла въ сердце человѣка? — «Начало мудрости есть искреннѣйшее желаніе ученія», говоритъ тотъ-же премудрый (Премудр. VI, 18). Итакъ, ученіе ведетъ къ мудрости; мудрость ведетъ къ знанію того что только и дѣлаетъ человѣка умнымъ, — въ истинномъ, настоящемъ значеніи этого слова.

Въ этомъ все и дѣло, друзья. *Умный* сынъ, — который прошелъ путемъ ученія; *глупый*, — который чуждъ былъ этого пути. Первый знаетъ «истину, правосудіе, прямодушіе и всякое доброе дѣйствованіе», — не возрадуется ли сердце родителей отъ такого сына? — Для втораго это невѣдомо; чѣмъ же онъ и можетъ быть, какъ не бѣдой для отца и кручиной для матери?

«Но, спрашиваете вы, чему и какъ учить, чтобы выходилъ *умный* сынъ, потому что, какъ видимъ мы, и ученье-ученью рознь? Да еще и гдѣ учить?»

Да, и ученье—ученью рознь. Есть ученіе истинное, настоящее, которое дѣлаетъ человѣка умнымъ — въ томъ самомъ смыслѣ, о которомъ сказано выше;— и есть ученіе, которое не только не умудряетъ, но еще развращаетъ человѣка. Въ чемъ же тутъ дѣло?

Послушаемъ, что говорятъ объ этомъ люди мудрые. «Благоговѣніе предъ Господомъ Богомъ есть начало вѣдѣнія (Притч. I, 7); любовь къ Господу Богу есть истинная мудрость (Сирах. I, 14); полнота, вѣнецъ мудрости—страхъ господень (Сир. I, 16, 18); источникъ мудрости—слово Бога всевышняго» (—ст. 5). Въ этомъ и состоитъ отличіе — настоящего, благодатнаго ученія, которое ведетъ къ истинной мудрости, отъ губительнаго ученья, которое не умудряетъ, а развращаетъ человѣка. Въ первомъ—Господь Богъ, благоговѣніе и любовь къ нему—начало и основа всего ученія; Онъ же, Господь Богъ, и конечная цѣль его. Во второмъ, съ забвеніемъ Господа Бога, все ведется и сводится лишь къ стремленіямъ и цѣлямъ чисто человѣческимъ. Чистый источникъ перваго—«слово Бога всевышняго»¹⁾; второе извлекается изъ мудрованій человѣческихъ. Первое умудряетъ, въ томъ смыслѣ что человѣкъ, научившійся любить Господа Бога, благоговѣть передъ нимъ, «въ самое сердце свое заключаетъ и слово его, чтобы не грѣшнить передъ нимъ; избираетъ путь истины; отъ всякаго злаго пути удерживаетъ свои ноги; ненавидитъ всякій путь лжи; вообще законъ Господа

¹⁾ «Слово Бога всевышняго», или иначе—«Откровеніе божественное»,—гдѣ самая священныя книги, или—священное писаніе, о которыхъ говорено въ началѣ этихъ бесѣдъ. Эти книги называются—*словомъ* и *откровеніемъ*, потому что въ нихъ написано то, что самъ Господь Богъ *говорилъ*, *открылъ* избраннымъ для того мукамъ.

Бога лучше и дороже тысячъ золота и серебра для него; онъ вѣренъ ему, въ какихъ бы условіяхъ и обстоятельствахъ жизни ни былъ поставленъ (Псал. 118-й). Второе развращаетъ, въ томъ смыслѣ—что человѣкъ, ненаучившійся благоговѣть предъ Господомъ Богомъ и любить его, ни во что ставить и законъ его; чѣмъ же руководится онъ въ жизни? — Тѣми страстями и похотими растлѣнной человѣческой природы, которыя увлекаютъ человѣка на путь всякаго нечестія и беззаконія. Отсюда и случается видѣть—непросто и не кое-какъ учившагося, а ученаго-преученаго, котораго, однакоже, все ученіе не сдѣлало ни честнымъ, ни добрымъ, ни благонамѣреннымъ; который всю свою ученость направляетъ лишь къ личнымъ выгодамъ, хоть-бы оттого тяжко и горько приходилось другимъ; который, со всею своею ученостью, погрязаетъ въ такихъ порокахъ, которыхъ стыдятся и отвращаются и не слыхивавшіе никогда ни о какомъ ученѣ. Да сохранить насъ Отецъ небесный и отъ такого ученія и отъ такихъ ученыхъ.

И такъ, Господь Богъ, благоговѣніе и любовь къ нему—начало и основа ученія дѣтей. Когда же должны быть полагаемы и это начало, и эта основа?—Рано, слишкомъ рано,—съ того самаго времени, какъ ребенокъ начинаетъ понимать и говорить. Имя Отца небеснаго должно быть однимъ изъ первыхъ, которому нужно научить ребенка. Молитва къ Отцу небесному,—вотъ первая наука для него, какъ скоро онъ въ состояніи выражать съ толкомъ свои желанія и свои нужды. Не то разумѣется здѣсь, чтобы нужно было вбивать ребенку тѣ мудренныя слова нашихъ молитвъ (славянскихъ, или, такъ называемыхъ, церковныхъ), которыхъ, за частую, и взрослые не понимаютъ,—совсѣмъ нѣтъ; а то, чтобы онъ—съ такими же дѣтски простыми словами, съ какими обращается къ отцу и матери, научался обращаться и къ Отцу небесному; научался видѣть въ немъ именно—Отца, который даетъ ему хлѣбъ, бере-

жетъ его самого, бережетъ для него отца и мать и пр. и пр. Такимъ обращеніемъ къ Отцу небесному, въ которомъ не языкъ лишь произноситъ непонимаемыя слова, а ребенокъ самъ, какъ умѣетъ, или просить его о чемъ-либо (сохрани, Господи, моего отца и мать; дай Господи намъ всѣмъ здоровья, хлѣба и т. п.), или благодарить его за что либо, и образуется тотъ святой союзъ между Богомъ и душою ребенка, который полагаетъ въ ней прочное основаніе любви и благоговѣнія къ нему—Отцу небесному. Прося и благодаря, ребенокъ скоро осваивается съ тѣмъ понятіемъ что, значить, все отъ Бога; что если онъ даетъ все нужное людямъ, то, значить, милостивъ и добръ (благъ); любить людей, и даже самыхъ маленькихъ дѣтей; всѣхъ бережетъ, обо всѣхъ заботится;—такое понятіе, разъ усвоенное ребенкомъ, обращается, въ ту живую и крѣпкую вѣру въ милосердаго Отца всѣхъ, которая дѣлается достояніемъ всей жизни человѣка, и служитъ ему тѣмъ свѣтильникомъ на весь жизненный путь, о которомъ говоритъ псалмопѣвецъ (Пс. 118-й). Съ возрастомъ должно развиваться и понятіе ребенка объ Отцѣ небесномъ; именно,—что онъ не любитъ и не терпитъ никакого худаго дѣла и слова; что какъ ни милосердъ онъ, но за все худое посылаетъ наказанія;—что онъ присутствуетъ не гдѣ нибудь—въ углу избы, а на всякомъ мѣстѣ—въ домѣ, въ полѣ, вездѣ; все видитъ, все знаетъ; значить скрыться отъ него съ чѣмъ нибудь дурнымъ никуда нельзя. Такое понятіе объ Отцѣ небесномъ, всевидящемъ, и всезнающемъ, который не терпитъ ничего дурнаго, и можетъ научить ребенка—избѣгать худыхъ дѣлъ и словъ не передъ глазами только отца и матери, а вездѣ—гдѣ-бъ онъ ни былъ, совершенно ли одинъ, или въ кругу своихъ товарищей. «Чѣмъ юноша очиститъ путь свой? наблюдая за собою по слову твоему», говоритъ псалмопѣвецъ, обращаясь къ Господу Богу (Пс. СХІІІ, 9). Вотъ это то спасительное наблюденіе за собою и возможно лишь тогда,

когда ребенокъ научится понимать, что отъ Бога нигдѣ и ни съ чѣмъ не скроешься; что вѣдомы ему не только дѣла и слова, но самыя мысли и желанія человѣческія; что онъ чудно милостивый, любящій Отецъ всѣхъ добрыхъ и честныхъ, — строгій, наказующій Отецъ злыхъ и дурныхъ. Это-то спасительное наблюденіе за собою и можетъ приучить ребенка къ правдѣ словъ и дѣлъ, — къ этой жизненной правдѣ, на которой одной прочно стоитъ благосостояніе лицъ и обществъ, и которая почти совсѣмъ оскудѣла между нами. Вотъ здѣсь то, въ этомъ благоговѣніи передъ Господомъ Богомъ, и заключается то «начало вѣдѣнія», о которомъ говорить мудрый.

Съ кѣмъ же ребенокъ долженъ пройти эту науку, — важнѣйшую изъ всѣхъ человѣческихъ наукъ, безъ понятія которой человѣкъ хоть бы «съ неба звѣзды хваталъ», какъ говорится, — самое жалкое существо въ мірѣ? — Ни съ кѣмъ, кромѣ матери. Мать и вообще учительница первымъ звукамъ и словамъ дѣтей своихъ; и въ частности владѣетъ тѣмъ сокровищемъ чувства, по которому влеченіе ея къ Богу и ко всему божественному безконечно сильнѣе и чище, чѣмъ какого бы то ни было отца. Извѣстно, что основаніе вѣрованія въ сердцѣ; а имъ то, сердцемъ-то, женщина и живетъ по преимуществу. Отсюда и слово ея о Богѣ — не холодное слово мужчины, а все проникнутое теплымъ чувствомъ любви. Отсюда, и эта неодолимая жажда слышать о Богѣ и о божественномъ, которой настаиваетъ душа каждой простой, грубой, ничему неученой женщины, и чѣмъ, къ величайшему нашему несчастію, такъ ловко пользуются волки бродящіе среди народа въ овечьихъ шкурахъ. Чье-жъ слово о Богѣ можетъ проникнуть съ такою жизнью и силой въ душу ребенка, какъ слово матери? — Кто прочнѣе можетъ заложить въ этой душѣ основы вѣры, какъ не мать, которая сама вся — стремленіе къ вѣрованію? — Мать, главнѣйшимъ образомъ, мать должна быть первой учительни-

цей дѣтей своихъ объ Отцѣ небесномъ, первой руководительницей ихъ въ молитвѣ къ нему, живымъ, такъ сказать, звѣномъ между Богомъ и душой дѣтей своихъ.

«Но, говорите вы, самыя то матери у насъ много ли смыслятъ? — Имъ ли быть учительницами объ Отцѣ небесномъ, когда и молитву то какую рѣдкая изъ нихъ прочитаетъ съ толкомъ?—Объ Отцѣ ли небесномъ учить имъ, когда онѣ знаютъ лишь разныя бабьи бредни, чѣмъ и набиваютъ головы своихъ ребятишекъ?»

Правда, друзья, горькая и страшная правда. При всей жаждѣ нашихъ женщинъ знать о Богѣ и о божественномъ, большинство ихъ, касательно этого, блуждаетъ въ самой безвыходной тьмѣ. Здѣсь то и заключается причина, что вмѣсто вѣры истинной въ нашемъ православномъ народѣ такая бездна суевѣрій, грубыхъ, непростительно нелѣпныхъ и дикихъ. Отсюда и происходитъ, что ваши дѣти знаютъ множество сказокъ объ вѣдмахъ, лѣшихъ и тому подобномъ вздорѣ, и настоящаго слова не умѣютъ связать объ Отцѣ небесномъ;—а о разумной, благоговѣйной молитвѣ къ нему и толковать уже нечего.

Но кто же виноватъ-то въ этомъ величайшемъ нашемъ несчастіи?— Не удивляйтесь, что я назвалъ это величайшимъ несчастіемъ. Оно такъ и есть; или точнѣе сказать,—здѣсь зерно всѣхъ бѣдъ и золъ, которыми полна наша жизнь; здѣсь сѣмя того грѣховнаго дерева которое, во дни странствованія нашего на землѣ, разрастается въ кедръ ливанскій, страшно—горькіе плоды съ котораго придется вкушать намъ въ другой жизни. Отсутствіе материнскаго учительства дѣлаетъ то что наши дѣти вырастаютъ не только безъ любви и благоговѣнія къ Богу, но безъ настоящаго понятія объ немъ, какъ объ Отцѣ небесномъ, вездѣсушемъ и всезнающемъ. Правда, нѣкоторыхъ выучиваютъ молитвамъ; но что это какъ не болтанье языкомъ, безъ всякаго разумѣнія читаемаго; отчего рѣдко можно слышать

молитву неискаженною до самой крайней нелѣпости. — Правда, случается, ихъ выучиваютъ большому: заповѣдамъ божіимъ, Символу вѣры и т. п.; — да что это, когда въ ихъ душѣ нѣтъ живыхъ стремленій къ Отцу небесному? нѣтъ той любви и благоговѣнія къ нему, изъ-за которыхъ человѣкъ боится прогнѣвить его не только дѣломъ, но и словомъ? — Отсюда и происходитъ, что иной, — уже не мальчикъ, а и взрослый, и пожилой, и даже старикъ, — знаетъ множество молитвъ, твердѣйшимъ образомъ прочитаетъ заповѣди, символъ вѣры, и пр. и пр., — и безстыдно и необязанно пускается во всякое непотребство: — въ его душѣ, значитъ, нѣтъ Бога; нѣтъ истиннаго вѣрованія въ Отца небеснаго; а нѣтъ потому, что ребенкомъ онъ не воспринялъ его въ свою душу, когда она была чиста и достойна этого воспринятія; такъ и выросъ и живетъ безъ стремленій и любви къ нему. Удивляемся мы, друзья, что угодники божіи достигли такой высокой степени духовнаго совершенства. Чему дивиться? — Матери полагали этому основу; матери, съ самаго ранняго дѣтства, направляли души дѣтей своихъ къ Отцу небесному; и во время, и разумно направленная, она уже не стремилась неудержимо и неодолимо къ нему. Прочитайте житіе, напр., вселенскаго учителя Іоанна златоустаго, — и вы увидите и поймете, какъ это дѣлалось.

Кто, повторяю, виноватъ, что наши матери сами не имѣютъ настоящихъ понятій объ Отцѣ небесномъ? — Нельзя имѣть эти понятія не учившись; зачѣмъ онѣ не учились? зачѣмъ не учатся, по крайней мѣрѣ теперь, всѣ эти дѣвочки, дочери ваши, которыя въ свою очередь будутъ матерями дѣтей!

Но не будемъ вспоминать прошлаго; что прошло, того не воротить. Въ нашихъ рукахъ будущее; — и горе намъ, если и будущія матери будутъ такія же, каковы настоящія и бывшія: — чѣмъ оправдаемъ мы, передъ Господомъ Богомъ, такое страшное нерадѣніе? — Въ былыя времена еще и учиться-то въ иныхъ

мѣстахъ не позволялось; теперь не только дана для этого вся свобода, но само правительство хочетъ, требуетъ, чтобы ученіе было повсюдное. Значить, самъ Отецъ небесный указываетъ выходъ матерямъ изъ смертной тьмы, въ которой онѣ блуждали доселѣ. Что жъ если и теперь, при этомъ указаніи Отца небеснаго, мы намѣренно, нарочно будемъ держать дочерей своихъ въ этой смертной тьмѣ, въ которой онѣ сгинутъ сами и сгубятъ дѣтей своихъ, когда сдѣлаются сами матерями?—

Поймите, друзья, что если для житейскихъ дѣлъ необходимо ученіе мальчиковъ, то ученіе дѣвочекъ еще болѣе необходимо, потому что тутъ дѣло не объ какихъ нибудь житейскихъ выгодахъ и удобствахъ, а объ душѣ человѣческой, которую матери должны направить къ Отцу небесному. Поймите, что безъ этой материнской науки все ни къ чему: «какая польза человѣку, говоритъ Спаситель, если онъ приобрететъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою» (Марк. УШ, 37, 36)? А душу человѣка съ дѣтства испорченную, съ дѣтства исполненную безпроглядной тьмой, какая человѣческая наука просвѣтитъ истиннымъ свѣтомъ божіимъ?—Выучать, положимъ, вашихъ мальчиковъ и Закону божію и священнымъ книгамъ; и все о Богѣ и о божественномъ они расскажутъ вамъ наилучшимъ образомъ;—но знаете-ли что?—Вѣдь и бѣсы вѣрують, да только трепещуть (Лук. ІІ, 19); и бѣсы знаютъ единаго Бога, и все-таки творятъ свои бѣсовскія дѣла. Что жъ, послѣ этого, и знаніе Бога, если нѣтъ любви и стремленія къ нему?—И ваши мальчики съ наилучшимъ знаніемъ Закона божія и священныхъ книгъ все-таки будутъ творить бѣсовскія дѣла, какъ это и встрѣчается часто,—къ несчастію слишкомъ часто, въ дѣйствительной жизни, если съ самаго ранняго возраста матери не вложатъ въ нихъ живыхъ и крѣпкихъ стремленій къ Господу Богу.—Съ дѣвочекъ, друзья,—съ дѣвочекъ, прежде и главнѣе всего, должно начинаться все

наше ученье, если мы только хотимъ, чтобы было когда-либо и что-нибудь доброе у насъ. На нихъ должны быть направлены теперь всѣ наши заботы, хлопоты и пожертвованія, если только мы желаемъ, чтобы хоть потомки наши вырвались изъ этой тьмы незнанія Бога и, оттого, всяческихъ беззаконій и нечестій, въ которой блуждаемъ и гибнемъ мы. Съ матерью выученной дѣти не останутся круглыми невѣждами во всемъ: съ самаго ранняго возраста она возбудитъ въ нихъ ту жажду знанія, — сначала о томъ — что относится къ Отцу небесному, а потомъ и обо всемъ — что попадаетъ на глаза имъ, которая не заглухнетъ и не сгинетъ ни въ дѣтскихъ играхъ, ни въ суетахъ и крушеніяхъ послѣдующихъ возрастовъ. И посмотрите, какъ это оправдывается на дѣлѣ. Чрезвычайно рѣдко, а все-таки можно встрѣтить у насъ семьи, гдѣ, по какому-нибудь особенному счастью, мать — если не совсѣмъ выученная, то хоть сколько нибудь грамотная; — посмотрите же, о чемъ у нея самыя главныя, самыя тяжелыя заботы по отношенію къ дѣтямъ? — Чтобы они непременно, во что-бы то ни стало, были *выучены*, т. е. пошли въ жизнь добрыми и умными людьми. Отецъ не радить, медлитъ; случается, проматывая десятки рублей на свои прихоти, въ копѣйкахъ отказываетъ для ученія дѣтей; — сами дѣти рвутся учиться, потому что жажда къ ученю въ нихъ уже положена матерью; и она, продавая послѣдніе свои остатки, теря всяческую нужду, все-таки отдаетъ въ ученье своихъ дѣтей. Посмотрите еще на тѣхъ, которые удалились отъ православной церкви. Мы удивляемся что они, разъ ставъ на тотъ путь, такъ крѣпко держатся на немъ; а кромѣ того, и житейскіе порядки идутъ у нихъ завидно лучше нашего: крѣпко поддерживаютъ они одинъ другаго, оттого и благоденствуютъ всѣ; не предаются пьянству до того чтобы спиваться до тла и пр. и пр. Посмотрите-же, — въ комъ тутъ вся сила? — Въ матеряхъ, — ими все направляется, ведется и держится. А сила матери въ

чемъ? Въ томъ что онѣ учены; и еще часто далеко лучше и больше чѣмъ мужа ихъ. — Вы знаете, друзья, что у нихъ, у уклонившихся отъ православной церкви, грамотность и книги идутъ впереди всего, и что объ ученѣ дѣвочекъ тамъ заботятся несравненно больше чѣмъ объ ученѣ мальчиковъ: — въ этомъ и вся сила ихъ. Много разъ приходилось мнѣ проводить въ ихъ семьяхъ по цѣлымъ суткамъ, и чтожъ видѣлъ я всегда? — Дѣвицы, даже еще и далеко несовершеннолѣтнія, учатъ своихъ братьевъ читать и понимать читаемое: а мать, не оставляя своего дѣла, прислушивается къ ихъ рѣчамъ, и что не такъ — снѣшить поправлять. И невольно думалось каждый разъ: вотъ это матери; и изъ этихъ дѣвочекъ выйдутъ настоящія матери — учительницы; да и въ мальчикахъ будетъ толкъ: не чуждые люди — наемщики знакомятъ ихъ съ грамотой, знакомятъ потасовками и колотушками, отчего и грамотность представляется для дѣтей хуже всякой бѣды; — а свои, родные, знакомятъ даже безъ крику, а съ терпѣніемъ, любовію и разумѣніемъ каждаго слова грамоты, — полюбить же они, — эти мальчики и грамоту и книгу; — и книгамъ будутъ отдавать время свободное отъ трудовъ и работъ, а не развѣвать его по шинкамъ да по трактирамъ; — будутъ же, значить, они людьми. — А у насъ то православныхъ?! Матери только и умѣютъ что кормить своихъ ребятишекъ, да надѣлять ихъ затрещинами; потому что дѣти съ утра до ночи ничѣмъ дѣльнымъ не заняты, ничему доброму не учимыя, знаютъ одно: ругаться и грызться между собой; только и находятъ наши матери одно средство — «вздохнуть отъ *пострѣлятъ* своихъ», что гонять ихъ изъ избы — на всю волю развращаться, т. е. привыкать ко всей мерзости словъ и дѣлъ. И привыкаютъ, разумѣется, къ этому съ самаго раннаго возраста; а что хуже всего, привыкаютъ шлаться и бродяжничать, гдѣ вздумалось и пришлось; — это-то и прокладываетъ такъ широкую и торную дорогу вашимъ сыновьямъ въ шинки и

трактиры. А вы еще дивитесь и жалуетесь: «изъ подростковъ еще не вышли, а пьянственнымъ и всякимъ непотребнымъ дѣламъ уже научились». Да какъ-же иначе-то? Иначе и быть не можете: на какой путь поставлены съ дѣтства, тѣмъ и идутъ; разумѣется, чѣмъ дальше—тѣмъ хуже. Кто полюбилъ съ дѣтства книгу, того и влечетъ къ книгѣ; и ужъ ничѣмъ не оторвешь его отъ книги, ради, напр., трактира. Кто привыкъ съ дѣтства убивать свое свободное время на бродяжничество, тотъ такъ и пойдетъ на цѣлую жизнь, сначала убивая на то лишь дѣйствительно свободное время, а потомъ бросая для того и самыя нужныя работы. А какъ бродяжничать слишкомъ скучно безъ всякаго дѣла, да и совѣсть при томъ не молчить; ну, и направляются туда, гдѣ можно заглушить и скуку, и совѣсть, и всякій стыдъ человѣческій. — Чего-же вы хотите? развѣ не сами направляете дѣтей на этотъ путь? — Мудрый говоритъ: «научи юношу при началѣ пути его, — онъ не сойдетъ съ него и тогда когда состарѣется» (Притч. XXII, 6). — Слышите? — «научи при началѣ», — вотъ въ этомъ вся и хитрость. А какъ при началѣ жизненнаго пути человѣка единственная, никѣмъ не замѣнимая, учительница—мать, то, понятно, пока матери у насъ не будутъ учены, — отъ сыновей ждать намъ добра, — не скажу не возможно, а слишкомъ трудно; особенно теперь, когда зло и развратъ со всѣхъ сторонъ такъ и приливаютъ во всю среду нашей жизни. И повѣрьте, друзья, недалеко то время когда развратъ все охватитъ у насъ (—вы сами видите, какъ быстро онъ идетъ впередъ); все растлитъ и погубитъ, если мы не успѣшимъ, всѣми силами и средствами, разумнымъ ученьемъ подготовить разумныхъ матерей. —

— «Но, говорите вы, тѣ, — хваленныя-то матери не православныя же; и дѣтей своихъ готовятъ не въ православіе-же». Да, грустно и больно, что это такъ; что даже и надежды нѣтъ (—миѣ близко это извѣстно), чтобы онѣ сдѣлались правосла-

ными:—будь православными,—онѣ были бы самымъ неоцѣнимымъ сокровищемъ для нашей общественной жизни; потому что чрезъ нихъ свѣтъ божій лился бы въ наши семьи. Но, друзья, одинъ Богъ разберетъ что лучше: наша-ли жизнь, какъ она есть теперь на дѣлѣ, или ихъ,—разумѣется, кромѣ тѣхъ сввернь которымъ предаются нѣкоторые изъ нихъ. Въ слѣдующія бесѣды мы поговоримъ объ нашемъ православіи, т. е. на сколько слово идетъ у насъ къ дѣлу, и названіе *православныхъ* соотвѣтствуетъ нашей жизни. А теперь припомнимъ только слово Спасителя: «говорю вамъ, что многіе прійдутъ съ востока и запада, и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ; а сыны царства извержены будутъ во тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ» (Мф. VIII, 11, 12). Кто же это «сыны царства»? сначала были евреи,—и они отвержены отъ Бога; потомъ сынами царства сдѣлались хрістіане, по слову Спасителя: «я завѣщаваю вамъ (сказано апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ хрістіанамъ), какъ завѣщаль мнѣ Отецъ мой царство (Лк. XXII, 29). Значить, всѣ мы, по названію,—«сыны царства». И что-же? въ царство божіе «прійдутъ съ востока и запада»,—Богъ вѣсть откуда и какъ, и подъ какими названіями; а изъ хрістіанъ, еще называющихъ себя православными, многимъ придется быть извергнутыми изъ этого царства. «Многіе скажутъ мнѣ въ день тотъ (въ день страшнаго суда), говоритъ Спаситель: Господи, Господи! не отъ твоего ли имени мы пророчествовали? и не твоимъ-ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не твоимъ ли именемъ чудеса творили? И тогда объявлю имъ: я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ меня дѣлающіе беззаконіе» (Мф. VII, 22, 23). Почему же такъ?—«Не всякій говорящій мнѣ: Господи, Господи! войдетъ въ царствіе небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго» (—ст. 21). Видите ли, друзья, что названіе ничего не значитъ, а важно лишь исполненіе воли Отца небес-

наго?—И, по совѣсти, тѣ матери съ своими дѣтьми ближе къ Отцу небесному, чѣмъ наши матери съ своими дѣтьми:—тѣ матери блуждаютъ, —но блуждаютъ ища истины и спасенія;— и Богъ одинъ знаетъ, —ихъ ли вина, что истина не является имъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ; — а наши не блуждаютъ, а просто сидятъ во тьмѣ и сѣни смертной. Впрочемъ,—и вы хорошо это знаете, и отъ насъ православныхъ женская половина,—отъ дѣвочекъ и до матерей семействъ, рвется туда же и, при малѣйшей возможности, примыкаетъ къ тѣмъ-же «блуждающимъ». Явленіе естественное и понятное. У женщины есть прирожденное влеченіе, значить неодолимое, къ божеству и ко всему божественному; а какъ у насъ не указываютъ правильнаго удовлетворенія этому влеченію, т. е. пренебрегаютъ ученьемъ дѣвочекъ, то и бѣгутъ онѣ туда, гдѣ надѣются найти хоть какое-нибудь удовлетвореніе. Виноваты-ли же онѣ, что бѣгутъ?—едва-ли. Пусть и у насъ дѣлаютъ для дѣвочекъ то-же что тамъ дѣлаютъ; пусть и у насъ матери будутъ поставлены такъ же — какъ тамъ стоятъ,—тогда не отъ насъ будутъ бѣгать, а къ намъ будутъ стремиться;—о, безъ сомнѣнія, къ намъ будутъ стремиться, и несравненно сильнѣе чѣмъ туда; потому что, если за неимѣніемъ лучшаго, ищутъ удовлетворить жажду изъ мутныхъ источниковъ, то кто-жъ не предпочтетъ источниковъ чистыхъ, святыхъ и спасительныхъ, лишь бы безъ оскудѣнія текли они?

Чему учить? — Ключъ всякаго знанія, всякой науки — *грамотность*. За этимъ ключемъ всѣ тѣ сокровища мудрости, о которыхъ говоритъ Премудрый: «блаженъ человекъ нашедшій мудрость и приобрѣтшій разумъ: прибыль отъ ней превосходнѣе прибыли отъ серебра, и выгоды отъ ней больше — нежели отъ золота. Она дороже жемчуговъ, и всѣ драгоцѣнности не сравниваются съ нею. Въ правой рукѣ ея долгоденствіе, а въ лѣвой рукѣ богатство и слава. Пути ея — пути прекра-

сные, и на всѣхъ стезяхъ ея благоденствіе. Она — древо жизни для опирающихся на нее, и держащейся ея блаженъ» (Притч. III, 13 — 18). Нуженъ-ли ключъ къ такому сокровищу для всякаго человѣка, — т. е. нужна-ли, послѣ этого, грамотность для каждаго изъ насъ, безъ исключенія? — Очевидно, до того нужна что даже и разсуждать объ этомъ нечего. Не напрасно Премудрый говоритъ еще: «мудрость, вещь главная; пріобрѣти мудрость, и за все имѣніе пріобрѣти разумъ» (Притч. IV, 7). Это значитъ: во чтобы ни обошлась тебѣ дорога къ мудрости, т. е. грамотность, стремись къ ней; стремись, еслибъ это стоило всего имѣнія твоего.

А между тѣмъ, какъ и это идетъ у насъ туго; съ какимъ, ничѣмъ неизвиняемымъ, пренебреженіемъ, въ большинствѣ мѣстностей, народъ относится къ распространенію грамотности въ своей средѣ! — Самъ же сложилъ пословицу: «ученье — свѣтъ, неученье — тьма», — и самъ же шагу не хочетъ сдѣлать къ выходу изъ этой тьмы, отъ которой столько страдалъ и страдаетъ опять самъ же народъ! Что-же это за несчастье наше?! И до чего, наконецъ, дѣло доходить: тамъ, вверху, разсуждаютъ уже о томъ чтобы сдѣлать грамотность *обязательною*. Слышите-ли, понимаете-ли, друзья? — Не находятъ другихъ средствъ, чтобы грамотность распространялась въ народной средѣ, кромѣ мѣръ принудительныхъ, подневольныхъ. О, какой стыдъ, вѣчно неизгладимый стыдъ для насъ, друзья! — И къ добру, — къ высшему добру всей нашей жизни, не по доброй волѣ, не по душевному влеченію пойдѣмъ мы, а принужденіемъ и неволей потащатъ насъ: что-же можетъ быть позорнѣе этого для всего народа нашего? —

— «Но, — слышится между вами, грамотные между нами есть, и мы видимъ что не всѣмъ идетъ грамотность въ добро; — вонъ отъ земскихъ житія намъ нѣтъ, — лучше-бъ было и для нихъ и для насъ, если-бъ они оставались совсѣмъ без-

грамотными: и они бѣ не спивались съ кругу, и намъ было бы легче. Да и молодежь наша, что—грамотная что—безграмотная, одинаково тянетъ въ развратъ. Такъ вотъи нѣтъ особенной охоты у православныхъ слишкомъ заботиться о грамотности».

— Что грамотность, какъ и всякая наука, и всякое знаніе могутъ не пойти на добро человѣку; могутъ даже быть употреблены во зло, объ этомъ уже мы говорили; указали и на причины отчего это бываетъ. Но если нашлись люди, которые употребили во зло вещь, въ сущности добрую и полезную, то слѣдуетъ ли отсюда что нужно выбросить изъ употребленія самую вещь? — Еслибъ такъ слѣдовало, то чего-жъ бы не пришлось выбросить намъ изъ употребленія? Какой, наилучшей и самой полезной для жизни, вещи, люди не употребляютъ во вредъ и гибель себѣ или другимъ? — Вода, огонь, — за что ни возмись, все умѣли и умѣютъ употреблять во зло. И что-же? — Глупцы или развращенные употребили какую-нибудь вещь во зло, а милліоны милліоновъ другихъ людей не перестаютъ и никогда не перестанутъ ту-же самую вещь употреблять на жизненное добро. Такъ все въ жизни; такъ и всякая наука. И это вообще такъ; а объ грамотности нужно поговорить особенно.

Выше было уже сказано, — и замѣтьте это хорошо, — грамотность ключъ къ мудрости, а не самая мудрость. Вотъ въ этомъ то неумѣньѣ отдѣлить самое дѣло отъ того, что ведетъ къ дѣлу, и заключается вашъ ошибочный взглядъ на все дѣло ученья; отсюда и идутъ ваши жалобы, въ которыхъ нѣтъ не только основанія, но и смысла. Вы отдали мальчика учиться; такъ или иначе, лучше или хуже, онъ научился читать; — и полагаете вы что съ нимъ все покончено; отъ него такъ и должно политься добро. Ничего не бывало; — ему дано только средство къ добру, — а воспользуется ли, и въ какой мѣрѣ воспользуется онъ этимъ средствомъ, это зависитъ оттого, при

какихъ условіяхъ давалось ему это средство, и насколько разумно онъ наученъ пользоваться имъ.—Что же это значить?

Вотъ что. Учить грамотѣ можно толково и разумно; можно безтолково и бессмысленно. Въ первомъ случаѣ грамотность достается легко, увлекаетъ ребенка, притягиваетъ къ чтенію, и наконецъ развиваетъ страсть къ книгѣ. Во второмъ случаѣ грамотность достается самымъ тяжкимъ трудомъ, — такимъ тяжкимъ что ребенку приходится пролить слишкомъ много горькихъ слезъ, вытерпѣть много всякихъ мукъ, прежде чѣмъ онъ добьется умѣнья разбирать слова въ книгѣ. — Понятно, такъ достающаяся грамотность не заохотитъ ребенка къ чтенію; напротивъ, книга для него всегда будетъ страшилищемъ, отъ воспоминанія тѣхъ мукъ которыя онъ вынесъ при ученіи грамотѣ. Грамотный, онъ также, даже еще больше, будетъ чуждаться книги, какъ и безграмотный.—Какъ дѣлается то и другое?

Конечно, всѣхъ подробностей,—какъ, разумно или бессмысленно, ведется ученіе грамотѣ, передать здѣсь нельзя. Скажемъ, по крайней мѣрѣ, главное.

Одинъ изъ лучшихъ даровъ божіихъ человѣку — смыслъ. Въ ребенкѣ смыслъ, какъ и все прочее, еще въ зародышѣ; съ годами онъ развивается и крѣпнеть. Задача грамотности, главнымъ образомъ, и состоитъ въ томъ чтобы содѣйствовать этому развитію и укрѣпленію смысла. Отсюда, разумное ученіе грамотѣ ведется такъ: прежде чѣмъ взяться за азы, т. е. за букварь, съ ребенкомъ нѣсколько времени толкуютъ обо всемъ — что онъ видитъ, знаетъ; объясняютъ ему то — чего онъ не понимаетъ изъ видимаго, о чемъ спрашиваетъ; словомъ пробуждаютъ къ работѣ его собственный смыслъ; но такъ что эта начальная работа не только не нагоняетъ тоски и скуки, — напротивъ, доставляетъ ребенку величайшее удовольствіе; потому что дѣти, за весьма рѣдкими исключеніями, отъ самой

природы любознательны. И вотъ, лишь началась въ немъ эта работа, возгарается жажда знать знать и знать; тутъ и объясняютъ ему что въ чтеніи книгъ онъ найдетъ это знаніе. И пробуждается въ немъ стремленіе читать книги, при которомъ изученіе буквъ, складовъ — всей граматѣйной мудрости, идетъ живо и скоро, безъ всякихъ принужденій и возбужденій; потому что тутъ сильнѣе всего толкаетъ впередъ учащагося его собственная жажда знанія. Лишь дойдетъ онъ до умѣнья — изъ буквъ слагать слова, а изъ словъ краткія рѣчи, — тутъ онъ уже самъ допытывается до значенія словъ и рѣчей, составленныхъ имъ; что, разумѣется, объясняютъ ему возможно-удовлетворительнымъ образомъ; и что дѣтямъ, такъ учащимся, доставляетъ величайшую радость: «вотъ де и они разумѣютъ, что тамъ въ книгахъ читаютъ большіе». Чѣмъ дальше — тѣмъ, понятно, чтеніе для него завлекательнѣе; потому что съ каждой строкой, съ каждой страницей онъ узнаетъ новое и новое. И дѣлается, наконецъ, ему книга дороже всего, съ которой онъ не расстаётся ни днемъ, ни ночью. И пойдетъ такая грамотность впрокъ, потому что она будетъ вѣрнымъ средствомъ къ удовлетворенію жажды знанія. А какъ жажда знанія не знаетъ ни границъ, ни предѣловъ, — чѣмъ больше человѣкъ узнаетъ — тѣмъ больше желаетъ знать; то для такъ учившагося грамотѣ, книга и дѣлается самой насущной, самую жизненную потребностью.

Иначе ведется безсмысленное ученье грамотѣ. О лучшемъ дарѣ божіемъ человѣку тутъ вовсе не разумѣется; а вся задача въ томъ, чтобы *вдолбить* въ голову учащагося, какимъ бы то ни было способомъ, буквы и склады. — Ни смыслъ, ни воля, ни желаніе ребенка тутъ не участвуютъ; потому что за этими буквами и складами онъ не видитъ ничего, чтобы привлекало его къ ученію. Для него это работа самая тяжелая и невыносимая, потому что подневольная, и еще больше потому

что изъ него, живаго божьяго созданія, тутъ дѣлають машину, которая по цѣлымъ днямъ должна отработывать языкомъ непонятные звуки, безъ всякаго толку и смыслу, и безъ всякаго пониманія ребенка, — зачѣмъ это заставляютъ его терпѣть такую муку. Дивиться ли послѣ этого, что при такомъ ученѣ, одно *долбленіе* буквъ и слоговъ тянется по году и больше? — Что такая грамотность не только не привлекаетъ, напротивъ всецѣло отталкиваетъ отъ себя дѣтей? — Дивиться нечему: еслибъ и взрослога посадили за такую же годичную пытку, — хоть бы ради той-же грамотности, такъ онъ возненавидѣлъ бы ее всѣми силами своей души. А каково начало, таково же тутъ и продолженіе. Добились, что учащійся читаетъ по слогамъ и по толкамъ, — добиваются, наконецъ, что онъ читаетъ и книги; случается, и бойко читаетъ. Да только, чтожь это чтеніе? Опять машинное отработываніе языкомъ — безъ всякаго толку, безъ всякаго разумѣнія читаемаго. Почему же такъ? причина ясна и проста: осмысливать каждое сказанное или прочитанное слово его не пріучали; напротивъ, нелѣпнымъ долбленіемъ буквъ и слоговъ глушили и давили его дѣтскій, неразвившійся смыслъ; оттого и вышла небольшое какъ читальная машина. Полюбить ли онъ чтеніе? А ради какого блага полюбилъ бы онъ его, не привыкнувъ разумѣть читаемое? — Развѣ машина можетъ полюбить что-нибудь? — Она отработываетъ заданное; а нѣтъ работы — стоитъ; вотъ и все. Отсюда и книга для такого грамотѣя — вещь до того ненужная что онъ, — о покупкѣ и говорить нечего, всегда откажется взять ее, еслибъ ему набивались даже съ нею, чтобы онъ только прочелъ ее: — всякому чтенію, какъ бы ни было оно занимательно для разумѣющаго, онъ всегда предпочтетъ шинюкъ и трактиръ.

Теперь видите ль, друзья, что грамотность есть средство къ добру, а далеко еще не самое добро; и воспользоваться

этимъ средствомъ зависить оттого, при какихъ условіяхъ дается оно: разумно ведено ученье грамотѣ, грамотность — надежное средство къ цѣложизненному добру; бессмысленно, — грамотность ни къ чему: что учился человекъ — что нѣтъ.

Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, въ которомъ виноваты сколько учителя, столько жъ и сами родители, это — употребленіе такихъ книгъ для начальнаго чтенія, которыя не ребенку, а и взрослому слишкомъ трудны для пониманія.

. . . . У насъ есть книга-книгъ, это — «Господа нашего Иисуса Христа святое евангеліе», на русскомъ нарѣчій. Вотъ книга по которой должны учиться читать дѣти; которую должны непрестанно изучать взрослые и которая должна улаживать смертныя минуты каждаго истиннаго хрістіанина. Здѣсь, въ этой божественной книгѣ, та истинная и совершенная мудрость, выше которой нѣтъ на землѣ, и къ которой разумная грамотность должна быть ключемъ; мудрость, что особенно важно, облеченная въ такой простой языкъ, что совершенно понятна для разумѣнія даже дѣтей. Прочтите, друзья, напр. шестую и седьмую главы изъ евангелиста Матѳея, — есть ли тутъ хоть одно слово непонятное, — не только для васъ, но и для дѣтей? — Все ясно, просто, свѣтло — какъ божій свѣтъ. А между тѣмъ подъ этой простотой мудрость, выше которой не придумали мудрѣйшіе люди отъ начала міра, и не придумаютъ до конца его. Представьте себѣ что еслибъ когда нибудь разумилось человекъство выполнить точно хоть эти двѣ главы, — вѣдь это былъ бы рай на землѣ. Значитъ, если ваши дѣти съ самаго начала своей грамотности будутъ знакомиться съ этой мудростью, — и особенно послѣ материнскаго подготовленія, о которомъ говорили мы выше, то не будетъ ли это самымъ надежнымъ приготовленіемъ ихъ къ тому истинному, дѣйстви- тельному хрістіанству, о которомъ мы вѣдаемъ развѣ только

по слуху? — Безъ всякаго сомнѣнія. — «Слово божіе живо и дѣйственно, и острѣе всякаго меча обоюдо-остраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, до составовъ и мозговъ», говоритъ апостолъ (Евр. IV, 12). Это значить, что чтеніе Слова божія, — а евангеліе и есть по преимуществу Слово божіе, не можетъ оставаться безслѣднымъ и безплоднымъ; потому что оно, божье слово, имѣетъ особенную, благодатную силу — проникать въ самую глубь души человѣческой. Какія же могутъ быть сомнѣнія, что ознакомленіе дѣтей съ евангеліемъ направитъ ихъ на путь истиннаго хрістіанства? — А въ этомъ, друзья, и рѣшеніе всѣхъ жизненныхъ вопросовъ, какіе когда-либо волновали, волнуютъ теперь и будутъ волновать человѣческія общества. Пока евангеліе, — хоть бы у насъ, не проникнетъ во всѣ слои общества и не научитъ называющихъ себя хрістіанами быть истинными учениками Хріста Спасителя, такими — о какихъ говоритъ онъ: «истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духъ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ» (Іоан. IV, 23 и дал.), до тѣхъ поръ суетны надежды, что-бы дѣла общественныя, частныя, всяческія, шли стройно и вполне удовлетворительно. Все въ евангеліи, — въ одномъ евангеліи и нигдѣ больше, и истинная свобода, и истинная законность, все къ чему такъ сильно стремятся теперь, и чего никогда не достигнуть безъ евангелія.

Кромѣ того — что евангеліе доступно для разумѣнія дѣтей, оно и потому еще привлекаетъ вниманіе ихъ что въ немъ разсказъ, — а извѣстно, какъ вообще дѣти любятъ разсказы; и о комъ разсказъ? о томъ, съ чѣмъ именемъ соединяется то — что производитъ самыя радостныя волненія въ дѣтской душѣ (свѣтлое *Хрістово* воскресеніе, рождество *Хрістово* и т. п.); чье имя они непрестанно слышать въ церкви; слышать и дома въ молитвѣ, или въ какомъ либо особенно важномъ раз-

говорѣ, — о Христѣ Спасителѣ. Еслибъ даже при начальномъ ученѣ, вслѣдъ за складами, давали дѣтямъ читать евангеліе, и тутъ начальная порча нѣсколько исправлялась бы: прочитанное, напр., ими «рождество Иисуса Христа было такъ».... не могло бы не возбудить ихъ вниманія уже по одному тому — что эти самыя слова были слышаны ими много разъ, и притомъ въ соединеніи съ такими дѣйствіями семьи, которыя далеко выходятъ изъ ряда обыденныхъ. А разъ возбужденное вниманіе есть уже сильный толчекъ для работы собственнымъ смысломъ. Такимъ образомъ содержаніе читаемаго оживило бы дѣтей и заохотило ихъ къ чтенію которое, впоследствии, могло бы развиться и до любви къ книжному занятію. — А вмѣстѣ съ тѣмъ, именно чтеніе евангелія было бы наилучшимъ подготовленіемъ дѣтей къ уразумѣнію — не внѣшней стороны, звуковъ и словъ, — а внутренняго значенія, смысла нашихъ церковныхъ богослуженій. Достаточно сказать что еслибъ дѣти *сами* читали и перечитывали разсказъ евангелистовъ о томъ какъ Господь Иисусъ установилъ таинство причащенія, то имѣли бы нѣкоторое понятіе о сущности важнѣйшаго изъ церковныхъ богослуженій — литургіи (обѣдни); и не многое уже потребовалось бы, чтобы развить это понятіе до разумѣнія и внѣшнихъ дѣйствій, относящихся къ совершенію этого таинства.

Но замѣтите, друзья, что дѣти должны читать евангеліе, особенно по началу, на русскомъ нарѣчій, — т. е. на томъ самомъ, которымъ говорите вы съ ними и которое они вполне разумѣютъ. Для успѣха всего дѣла, — и разумной грамотности и ознакомленія дѣтей съ евангеліемъ, совершенно необходимо, чтобы ни одно прочитанное слово не оставалось для нихъ непонятнымъ, и не представляло особенныхъ затрудненій для ихъ, только что начинающаго работать, смысла. Послѣ, когда они достаточно ознакомятся съ тѣмъ — что содержится въ

евангелія, они могутъ читать и по славянски; потому что значеніе неизвѣстныхъ словъ будетъ объясняться изъ смысла самой рѣчи; но ни какъ не вначалѣ, когда пониманіе читаемаго зависить именно оттого чтобы легко и скоро усвоялось смысломъ всякое прочитанное слово.

«Но, замѣчаете вы, какъ-же говорить что священныя книги, особенно евангеліе, должно читать лишь на славянскомъ языкѣ? — не будетъ ли дурнымъ дѣломъ, если дѣти не по церковному будутъ читать о Христѣ Спасителѣ»¹⁾?

Не будетъ дурнымъ дѣломъ, друзья; не сомнѣвайтесь. Здѣсь, прежде всего поймите, что самое важное, самое главное для христіанина—*знать* о Христѣ Спасителѣ и объ его ученіи;—а на какомъ языкѣ дошло до него это знаніе, — не значить ровно ничего. Затѣмъ, чѣмъ полиѣе, яснѣе, отчетливѣе это знаніе, тѣмъ, разумѣется, вѣрнѣе усвояется оно душой; а приобрѣсти такое знаніе и можно только посредствомъ *живаго* языка,—того самаго которымъ человѣкъ привыкъ говорить съ дѣтства, и въ которомъ нѣтъ для него ни одного слова неяснаго и непонятнаго. Что это такъ, такъ доказательство этому представилъ самъ Спаситель нашъ. Когда онъ жилъ на землѣ и училъ, такъ у евреевъ было два нарѣчія (какъ у насъ теперь славянское и русское): собственно — еврейское и сиро-халдейское. Первое сохранилось въ священныя книги и уже мало по-

¹⁾ Съ самой тяжелой грустью замѣчу здѣсь что въ крестьянствѣ распространяютъ и такого рода понятія: «евангеліе—книга собственно на престольная, которую самъ православный не долженъ читать; которой и касаться не можетъ; а держать въ домѣ такую книгу всякому не освященному—страшный грѣхъ.—Дѣло, казалось бы, совсѣмъ не вѣроятное; а между тѣмъ не подлежащее никакому сомнѣнію. И только ли распространеніе такихъ дикихъ понятій? Есть цѣлыя мѣстности, гдѣ століе много выше крестьянства не подозреваютъ даже возможности — купить Новый Заветъ, въ хорошемъ переплетѣ, за 30 коп., а отдѣльно евангеліе—за 20 копѣекъ.

нималось народомъ; второе, въ которомъ къ еврейскому нарѣчію, много измѣнившемуся противъ книгъ, примѣшалось множество словъ изъ иныхъ языковъ, было народнымъ говоромъ всей Палестины. Какое же нарѣчіе употреблялъ Христосъ Спаситель въ своихъ бесѣдахъ съ народомъ? Именно — *народное*. И мало того — въ своихъ бесѣдахъ съ народомъ, — тѣ самыя слова, въ которыхъ выразилась вся необъятная мука его на крестѣ (или, или, ліма савахани); слова, нужно замѣтить, изъ псалма взятая, — онъ произнесъ не по книжному, а на народномъ нарѣчіи; и свое спасительное ученіе онъ не соединилъ ни съ какимъ условнымъ нарѣчіемъ. Такъ — пусть же ваши дѣти, знакомясь съ св. евангеліемъ съ самаго начала своей грамотности, вмѣстѣ съ тѣмъ научатся и любить его — за содержащееся въ немъ, да и за самое нарѣчіе, — слишкомъ родное и дорогое для дѣтскаго уха нарѣчіе, которымъ говорятъ мать и отецъ.

— «Но какъ же, — значить дѣтей ничему больше и не нужно учить, кромѣ евангелія?»

Ну, нѣтъ; еще не значить. — Въ чемъ самая главная, самая существенная забота каждому объ дѣтяхъ? — чтобы они пошли въ жизнь *людьми*, въ настоящемъ значеніи этого слова, — т. е. чтобы вся ихъ дѣятельность выражала, что это лучшія божія созданія, по образу божію сотворенныя? — такъ? — Ну вотъ, приготовить ихъ къ этому, — и будетъ дѣло евангелія. Это будетъ твердой основой для ихъ житейской дѣятельности. А затѣмъ, такъ какъ жизнь человѣка на землѣ вся состоитъ изъ трудовъ, работъ и многообразныхъ подвиговъ ради себя или другихъ, то и тутъ, по возможности, ученіемъ необходимо приготовить дѣтей къ тому чтобы все дѣлалось разумно и сознательно, а не кое-какъ, лишь по заведенному изстари порядку и укоренившемуся обычаю. Для примѣра возьмемъ, друзья, вашъ бытъ. Трудъ крестьянина —

слишкомъ тяжкій трудъ, и, не смотря на то, не всегда вознаграждающійся какъ слѣдуетъ. Теперь спрашиваю васъ: что придумали вы противъ своихъ прадѣдовъ и самыхъ дальнихъ предковъ, сколько для облегченія труда, столько и для того — чтобы онъ вознаграждался болѣе обильными плодами?—Ровно ничего: крестьянство настоящаго времени, какъ сотни лѣтъ назадъ, ломить работу—какъ «черезъ пень колоду валить», и отъ своихъ крестьянскихъ работъ только - что только имѣть насущный хлѣбъ. А между тѣмъ, мы знаемъ, въ иныхъ странахъ многое уже придумано и введено для всевозможнаго облегченія крестьянскаго труда; многое надъ чѣмъ нашъ крестьянинъ надрываетъ всѣ свои силы,—тамъ, легко и скоро, дѣлается машинами; и при меньшемъ, сравнительно, трудѣ крестьянство живетъ тамъ безъ всякаго сравненія достаточнѣе, выше и чище чѣмъ наше. Да что же говорить объ иныхъ странахъ? — У насъ колонисты, хоть бы напр. подъ Петербургомъ, — помѣщики передъ нашимъ крестьянствомъ; а объ Сарептскихъ и иныхъ уже и говорить нечего. А средства ихъ завидно-хорошаго положенія — тоже сельское хозяйство, и на работахъ они далеко не убиваются такъ какъ въ нашихъ деревняхъ. Что же такъ хорошо помогаетъ и служить имъ? — Ученье, наука; не какая нибудь слишкомъ высокая наука, — та-же сельская школа (у колонистовъ селеніе безъ школъ для дѣвочекъ и мальчиковъ — дѣло невиданное и не слыханное); но школа съ дѣльнымъ учителемъ, которой не глушитъ дѣтскаго смысла долбленіемъ непонятныхъ книгъ, а развиваетъ его; т. е. пріучаетъ дѣтей обдумывать, соображать, рассчитывать. Въ этомъ и вся хитрость. Отсюда и выходитъ что тамъ у крестьянина во всемъ впереди идетъ смыслъ, соображеніе, расчетъ; отъ того силы не расточаются даромъ; всякое дѣло идетъ въ строгомъ порядкѣ, какъ по писанному; никакая мелочь въ хозяйствѣ не пропадаетъ напрасно, а все приноситъ

свою долю пользы; итогъ и есть тотъ — что легко и споро. А нашъ крестьянинъ до болѣзни изломается на работѣ; завсѣмъ тѣмъ видить что все таки толку большаго тутъ нѣтъ; да *послы* уже и думаетъ, что вотъ тоже самое можно бы сдѣлать иначе: досталось бы легче, а вышло бѣ прибыльнѣй. Надумается ли, по крайней мѣрѣ, измѣнить свой вѣковѣчный порядокъ къ слѣдующей работѣ, къ слѣдующему году? — нисколько; только и думы, пока кости ломить; — подойдетъ новая работа, — опять отъ прагматовскихъ порядковъ ни на шагъ. И еще какъ будто въ утѣшеніе себѣ говоритъ иной: «вѣдь вотъ совсѣмъ бы не такъ дѣла-то надо вести, — ломаемся только напрасно; да какъ ихъ поведешь иначе — одинъ? сосѣди на смѣхъ поднимутъ». Точно ему отъ сосѣдскаго смѣха будетъ больнѣе, чѣмъ отъ нелѣпой ломки. Такъ годъ за годомъ: такъ во всю жизнь. Отсюда и выходитъ что тамъ крестьянинъ, — если самъ не изобрѣтетъ чего либо для облегченія работъ, для улучшенія хозяйства, такъ за то, что изобрѣли другіе, которые дальше его пошли въ наукѣ, онъ всегда поспѣшитъ перенять, усвоить себѣ и такъ приладить къ дѣлу, какъ будто самъ изобрѣлъ. А нашъ крестьянинъ съ неодолимымъ и самымъ непростительнымъ упрямствомъ сторонится отъ всего, что ему же самому могло бы принести неисчислимую пользу въ его же хозяйствѣ. Сколько, напр., было попытокъ ввести въ крестьянскую среду разныя земледѣльческія орудія и хозяйственныя машины, которыя больше чѣмъ на половину облегчили бы тяжкіе труды крестьянина; — къ чему же приводили эти попытки? — крестьянство не только не хотѣло принять ничего, — но, — изумительное и самое дикое ослѣпленіе, — нарочно портило орудія и машины, чтобы только не употребить ихъ въ свою пользу. Словомъ, чужеземные крестьяне и наши колонисты съ своимъ хозяйствомъ, во всѣхъ его частяхъ, идутъ впередъ и впередъ; оттого благоденствуютъ, и все будетъ расти ихъ благоденствіе.

А наше крестьянство все стоит да стоит на прадѣдовской колеѣ; оттого и убивается до изнеможенія на работахъ, — а никому, ни даже себѣ не въ радость.

Теперь понимаете-ль, друзья, въ чемъ дѣло? — То, — по евангелію, наука божія, какъ путь и руководство къ тому совершенству, которое всякому человѣку, не исключая ни единаго, указалъ Господь и Спаситель нашъ (Мѣ. V, 48); а то наука человѣческая, какъ руководство къ разумному веденію дѣлъ житейскихъ, безъ которой тоже нельзя обойтись никому, — ни даже крестьянину. Конечно, въ былыя времена, во дни нашихъ дальнихъ предковъ и даже прадѣдовъ, работали и хозяйничали безъ всякой науки, а такъ — какъ пришлось; но было-ли это хорошо? — весьма и весьма было дурно. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что году не проходило чтобы въ той или другой мѣстности не было голоду, — и въ какихъ размѣрахъ? — страшно читать въ лѣтописяхъ, до чего доходило дѣло: ѣли кору деревъ; глодали кожу и ремни, — все что только попадало въ руки; за всѣмъ тѣмъ гибли отъ голодной смерти тысячами. Разумѣется, наши предки, съ своей стороны, не были виноваты въ этомъ; науки сельско-хозяйственной тогда не разумѣли. Теперь иное дѣло. Если крестьянство и въ наши дни упорно держится въ прадѣдовской колеѣ; — ученьемъ не хочетъ добиваться, чтобы житейскія дѣла его не приходили въ упадокъ, а шли лучше и лучше, — такъ ужъ это собственная его вина, — вина безъ всякаго оправданія и извиненія; потому что тамъ гдѣ желаютъ, наука дѣлаетъ уже свое дѣло: щедро награждаетъ тѣхъ которые обратились къ ней.

Въ ученѣ все дѣло, друзья. Если мы пропустили для себя время, — за что и казнимся на каждомъ шагу въ своемъ житейскомъ быту, то дѣтей совершенно необходимо приготовить къ тому чтобы они смыслъ и разумъ внесли во всю свою будущую дѣятельность; а это и приходитъ лишь ученьемъ, — ни-

чѣмъ больше. Пора же наконецъ покончить съ этимъ, какъ говорится, «заднимъ умомъ», который только и умѣетъ — заставить человѣка плакаться, зачѣмъ это онъ сдѣлалъ не подумавши, а не поправить неудачу или бѣду, изъ за котораго русскій народъ обратился даже въ посмѣхъ передъ другими народами. Пора хоть дѣтей научить — жить «переднимъ умомъ», — т. е. обдумывать, соображать, рассчитывать, прежде чѣмъ приступать къ какому бы то ни было дѣлу. Это и есть единственный путь къ улучшениямъ во всемъ нашемъ быту, — начиная съ крестьянскихъ работъ и вообще сельскаго хозяйства, и оканчивая хоть выборами вашихъ чиновъ.

— «Кому учить? да еще и гдѣ учить?»

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ учителяхъ, которые теперь есть въ крестьянской средѣ, и берутъ на себя такое важное дѣло, какъ ученіе дѣтей.

Кто эти учителя? — Земскій, солдатъ, — однимъ словомъ, кто только смыслить сколько нибудь разбирать грамоту, тотъ, ничтоже сумняся, и берется за ученіе дѣтей. А родители, и на минуту не задумываясь — добро или зло можетъ быть отъ этихъ учителей, отдають къ нимъ своихъ дѣтей; и еще изъ нихъ, часто, выбираютъ дешевѣйшаго, т. е. худшаго.

Друзья! чѣмъ объяснить такую невѣроятную диковину, которая тутъ творится у насъ? — Настоящій хозяинъ и на сутки не поручить свою лошадь человѣку непутному, или даже просто не знакомому, изъ боязни что онъ испортитъ ее; а лошади самая высокая цѣна — какая набудъ сотня рублей. А тутъ родныхъ своихъ дѣтей, опору своей старости, да за которыхъ еще Богу придется отдавать самый строгій отчетъ, — на годъ, на два и болѣе поручаютъ личностямъ — не не знаемо, а завѣдомо не путнымъ! . . . — Кто жъ не знаетъ, что это, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, народъ лѣнивый, пьяный, буй-

ный, словомъ испорченный до послѣдней степени? такой народъ, что дѣтей всячески нужно отдалять отъ него, какъ отъ самой злой чумы?—Нѣтъ,—къ нему-то въ руки и отдають! Положимъ что крестьянство, хоть и видитъ на дѣлѣ, но сообразить еще не можетъ что грамотность, какъ долбленіе буквъ и складовъ, еще не значить и не стоитъ равно ничего,—но какъ же не сообразить, что ребенокъ, отданный на руки испорченной личности, неизбѣжно испортится самъ отъ дурныхъ вліяній и примѣра этой личности?—Какъ не сообразить, что ребенокъ, какъ мягкій воскъ, восприметъ и усвоитъ себѣ все злое и развратное отъ своего учителя?—Нѣтъ, еще что: отцы хорошо знаютъ, что эти—не учителя, а развратители дѣтей, употребляютъ ихъ на посылку въ шинки и даже на худшія дѣла; съизмалечка, такимъ образомъ, вносятъ самую неисцѣльную отраву въ дѣтскія души,—и, не смотря на то, не только не вырываютъ своихъ дѣтей отъ губителей, но еще за одними испорченными снѣшать отдавать другихъ, и такъ безъ перерыва!—Это, друзья, такая не понятная слѣпота, такое дикое безсмысліе, дальше которыхъ ступить уже не куда. Лошадь и на сутки нельзя повѣрить безпутному; а дѣтей на цѣлыя годы можно повѣрять—и самымъ безпутнымъ!—Сами вы, въ дѣтствѣ долбившіе: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ» и т. д., безъ сомнѣнія и теперь повторяете, хоть не часто, этотъ псаломъ; да и въ церкви слышите его каждое воскресенье,—что же, остановились-ли вы когда нибудь мыслью на содержаніи этого псалма?—подумали-ль, чему учить тутъ псаломъѣвецъ? Вѣдь послушайте: «блаженъ мужъ который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратныхъ»,—поняли? *мужъ*, т. е. человекъ взрослый, обрѣвшій,—и тотъ блаженъ, если удаляется всякаго общенія съ людьми дурными и развратными; блаженъ, потому что нечестіе и развратъ прилипчивѣе всякой чу-

мы и холеры, — «кто прикасается къ смолѣ, тотъ марается; кто знается съ нечистымъ, тотъ дѣлается ему подобенъ», говоритъ мудрый (Сир. XIII, 1). А тутъ дѣтей не только не удаляете всячески отъ нечистыхъ и развратныхъ, а еще въ науку отдаете къ нимъ!... «Да вѣдь же отдають учиться грамотѣ, а не худымъ дѣламъ», говорите вы. — Грамотѣ!! Да еслибѣ они учили всей человѣческой мудрости, какая только есть на землѣ, и тутъ всячески нужно бы отдалять отъ нихъ дѣтей; потому что эта мудрость, при душевной испорченности, ни къ чему иному не служитъ, кромѣ зла и вреда. — «Не худымъ дѣламъ»!! Ужели и тутъ еще нужно толковать, что всякому худому дѣлу наилучшій учитель для дѣтей есть примѣръ? — Что мальчикъ, подъ вліяніемъ пьянаго и буйнаго учителя, невольно усваиваетъ себѣ его образъ жизни и обращенія со всѣми, — начиная съ его собственныхъ жены и дѣтей! И много-ли, казалось бы, нужно смыслу, чтобы добраться до прямого объясненія вотъ хоть такого явленія. Жалуются отцы, особенно матери, что пока не отдавали сына учиться, былъ мальчикъ хоть куда, — и скромнень, и послушливъ; и ни въ чемъ худомъ (въ воровствѣ, напр. въ наглыхъ обманахъ и т. п.) его не замѣчали; а походилъ зиму, — узнать стало нельзя; совсѣмъ отъ рукъ отбивается. Ну, и мудроно ли добраться, что все это дурное онъ перенялъ отъ учителя? — Что онъ, пока не въ большихъ размѣрахъ, но уже живой образчикъ своего учителя; а подростеть, такъ воспринятую испорченность доведетъ до учительскихъ размѣровъ, а пожалуй и дальше пойдетъ? — А нѣтъ; какъ, кажется, ни просто, а не понимается; и до того не понимается что мальчика, за зиму достаточно испортившагося, туда же тащить и на другую, случается, и на третью зиму; чтобы, значить, допортился до конца, и отъ учителя направлялся прямо въ шибки; что всегда такъ и бываетъ.

— «Но гдѣ же лучшихъ то учителей взять?» — Вотъ здѣсь,

друзья, и подумаемъ что отвѣчать на вопросъ: «гдѣ учиться?»

Есть въ народѣ поговорка: «нужда родить людей». — Что значить эта поговорка? — То что гдѣ представляется дѣйствительная, сознанныя потребность въ какомъ либо человѣкѣ, такъ нужный человѣкъ всегда является. При какомъ условіи онъ является? При условіи хорошаго вознагражденія за тотъ трудъ, или за то дѣло, для которыхъ онъ требуется. Такъ, отъ пастуха въ каждой деревнѣ, и до кого и до чего угодно.

За тѣмъ, чѣмъ важнѣе дѣло для котораго человѣкъ требуется, чѣмъ больше онъ можетъ принести пользы своимъ дѣломъ, тѣмъ, — само собой разумѣется, вознагражденіе должно быть достаточнѣе. И это вотъ почему. — Для простыхъ, обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ не требуется никакихъ особенныхъ приготовленій: была бы у человѣка тѣлесная сила и не былъ бы онъ отъ природы дуракомъ, — и готовъ работникъ, пастухъ и т. п., — такой трудъ и не цѣнится особенно высоко. Дальше, есть дѣла и не особенно бы важныя, но которыя не иначе можно дѣлать какъ поучившись, и гораздо поучившись; тутъ трудъ цѣнится уже выше; потому что въ расчетъ берется не только то что человѣкъ дѣлаетъ въ данное время, но и тотъ трудъ и то время, которые онъ употребилъ на науку. Возьмемъ, для примѣра, портныхъ въ крестьянствѣ: когда простой работникъ, обыкновенно, получаетъ не больше рубля въ недѣлю, знающій свое дѣло портной меньше трехъ рублей никогда не возьметъ (и тотъ и другой на хозяйскомъ содержаніи). Еще дальше: — представляется дѣло такого рода, что нужно учиться какому нибудь ремеслу, — тутъ платится еще дороже; потому что въ расчетъ берется — какъ собственная наука учащаго, время и трудъ ученія, такъ и та польза, которую получить учащійся изъ своего ученія.

Приложимъ это къ вашимъ учителямъ. Чтобы быть *настоя-*

щимъ учителемъ, — разумно вести хоть бы дѣло грамотности, для этого нужно крѣпко и крѣпко поучиться прежде самому, т. е. не мало потратить времени и труда для приготовления себя къ учительству. Разумѣется, такое приготовленіе возможно лишь при увѣренности, что потраченные трудъ и время вознаградятся. Дальше, — самое дѣло ученья — слишкомъ не легкое дѣло, если вести его разумно. Уродовать учениковъ ничего не стоить; — засадить ихъ за столъ, заставить долбить буквы и склады, подгонять ремнемъ и затрещинами, — вотъ и вся исторія. А чтобы дѣйствовать на смыслъ учениковъ, захотить и завлечь ихъ къ ученю, для этого нельзя уже дѣлать, чтонибудь огуломъ, — для всѣхъ и со всѣми разомъ; а нужно зорко всматриваться въ каждого отдѣльно, и каждого вестисообразно съ его силами и способностями; въ каждомъ возбуждать жажду знанія способомъ, который для него только и можетъ годиться. Такъ, трудъ разумнаго ученья, при которомъ легко учиться дѣтямъ, для самага учителя до того тяжелый трудъ что нужно имѣть особенно здоровое тѣлосложеніе, чтобы выносить его въ продолженіи многихъ лѣтъ и не нажить чахотку. Ясно ли послѣ этого, что цѣна за такой трудъ не можетъ быть низкою? Наконецъ, польза, которую можетъ доставить разумное ученье, — съ чѣмъ можетъ сравниться польза, изъ ребенка сдѣлать *человѣка*, въ томъ самомъ значеніи, какъ мы говорили выше? И можно ли забыть, при оцѣнкѣ учительскаго труда, эту пользу?

Теперь спрашивается: чѣмъ вознаграждаются у васъ учителя? — За выучку мальчика (читать и писать) вы платите два-три рубля; выучка продолжается два и три года; случается больше; но никогда меньше двухъ лѣтъ ²⁾. Теперь положимъ, что у учителя двадцать мальчиковъ, и за каждого, круглымъ

²⁾ Ученье собственно идетъ восемь мѣсяцевъ — съ сентября по май. Но въ расчетахъ, даже этихъ учителей, о которыхъ тутъ рѣчь съ родителями, всегда берется годъ; потому-де, что хоть мальчики лѣтомъ и не учатся, а учителю и лѣтомъ ѣсть-пить надобно.

счетомъ, онъ получаетъ по два руб. съ полтиной; значить 50 руб. за выучку всёхъ, или по 25 руб. въ годъ. Разсудите же, какой хорошій учитель пойдетъ за такую цѣну, когда самый плохой работникъ никакъ не возьметъ меньше 30 р. въ годъ, и еще на всемъ хозяйскомъ; когда только что сносный портной ни за что не порядится въ годъ менѣ чѣмъ за сто рублей, и также на готовомъ содержаніи?—Земскій, солдатъ, могутъ довольствоваться и этой, и даже еще меньшей цѣной; потому что отъ бездѣля для нихъ и это дѣло; а кромѣ того, они еще вознаграждаютъ себя опиваніемъ родителей, особенно въ праздники. Но учитель, настоящій учитель—ужели онъ можетъ цѣнить свой трудъ ниже хоть бы напр., порядочнаго портнаго?—И ужели рѣшится кто убить нѣсколько лѣтъ своей жизни,—и еще лучшихъ лѣтъ—молодости, на приготовленіе себя къ учительскому дѣлу, когда впереди ожидаетъ его за то чуть-чуть не нищенство?—Тутъ то, друзья, и заключается вся бѣда что у насъ нѣтъ хорошихъ учителей; не въ людяхъ недостатокъ,—люди всегда нашлись бы; но *дѣло* никого не влечетъ къ себѣ, потому что не вознаграждается какъ слѣдуетъ. Значить,—отъ кого происходитъ эта бѣда?—Отъ насъ,—именно отъ насъ самихъ. И будетъ эта бѣда вплоть до того времени, пока крайній безпорядокъ всего этого дѣла не измѣнится у насъ хоть въ какойнибудь порядокъ.

Безпорядокъ?—да. Разсудите сами: есть ли тутъ какойнибудь порядокъ что у насъ деревенскія общества, въ большинствѣ, сами и не думаютъ, и не помышляютъ чтобы завести у себя настоящія училища и настоящихъ учителей?—Еще говорятъ: «русскій человѣкъ богатъ здравымъ смысломъ». Ну вотъ, допытайтесь хоть капли здраваго смысла въ такихъ, напр., разсужденіяхъ,—а такія разсужденія можно слышать въ каждой деревнѣ. «у тебя есть дѣти и хочешь учить ихъ,— учи какъ хочешь и гдѣ знаешь; у меня нѣтъ дѣтей,—и дѣла

миѣ до этого нѣтъ никакого». — Точно хорошій и хорошо выученный человѣкъ для себя только и для семьи своей хорошъ; а не можетъ быть, на каждомъ шагу, полезнымъ и нужнымъ для всей деревни своей, для всего общества! Точно испорченный и развращенный человѣкъ для себя только дуренъ, а не позоръ и язва для своего общества и для всей мѣстности! И точно еще, въ которой семьѣ нѣтъ теперь дѣтей, такъ и никогда ихъ не будетъ! По совѣсти, друзья, есть ли въ такихъ разсужденіяхъ хоть капля здраваго смысла? — А между тѣмъ, — вы знаете, эти то безсмысленныя, дикія разсужденія и выслушиваются; имъ именно и слѣдуютъ!.. И еще что: — въ такихъ разсужденіяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ самыхъ существенныхъ интересахъ цѣлой деревни, или цѣлаго общества, — каково и ученье дѣтей, самые первые и вліятельные голоса принадлежатъ тѣмъ зловреднымъ личностямъ, которыя почти всегда разбиваютъ самыя добрыя и полезныя совѣщанія и предположенія деревенскихъ обществъ: — ну, скажите, какой же тутъ порядокъ? — И гдѣ тутъ здравый смыслъ въ русскомъ человѣкѣ?

Нѣтъ, со здравымъ смысломъ разсуждаютъ вотъ какъ: «ученье — свѣтъ, и безъ этого свѣта жить по человѣчески нельзя поэтому безусловно необходимо, чтобы этотъ свѣтъ былъ въ каждомъ томъ мѣстѣ, гдѣ есть какое-либо человѣческое общество; значить, безусловно необходимо чтобы каждое деревенское общество имѣло *свое* училище, и съ такимъ учителемъ который именно передавалъ бы дѣтямъ свѣтъ, а не увлекалъ бы ихъ, подъ видомъ ученья, въ безвыходную тьму испорченности; необходимо имѣть свое училище, чтобы благодатнымъ свѣтомъ ученья безпрятственно пользовались и дѣти послѣдняго бѣдняка въ деревнѣ, и нищенствующей вдовы, и бранные сироты; — эти жалкія дѣти, которыя теперь, ни чему не учась и еще развращаясь нищетою, прямымъ путемъ направляются на тѣ нечистые промыслы, въ концѣ которыхъ острогъ, а

часто и дальше и хуже; и которые, разумнымъ ученьемъ направленные на добрый и честный путь, съ избыткомъ вознаградили бы свои общества за потраченное ради ихъ спасенія отъ цѣложизненной гибели». — Такъ ли говорить здравый смыслъ? Спросите, друзья, и свою совѣсть, — не то ли и она скажетъ вамъ?

— Такъ-то оно, пожалуй и такъ, говорите вы; да вѣдь чего же это будетъ стоить — завести училища въ каждомъ деревенскомъ обществѣ. Гдѣ денегъ-то взять на это?

— Какъ, — чего будетъ стоить?! Развѣ тамъ гдѣ дѣло идетъ объ дѣтяхъ, — чтобы они вышли людьми, можетъ быть рѣчь о томъ — чего будетъ это стоить? Развѣ тамъ — гдѣ дѣло идетъ о благоденствіи цѣлаго, хотя бы и деревенскаго, общества можно задумываться надъ пожертвованіями ради этого? Чего будетъ стоить?! Да еслибъ это стоило послѣднихъ кафтановъ съ плечъ отцовскихъ, — развѣ это не вознаградится съ избыткомъ разумно выученными дѣтьми? — Сообразите, друзья вотъ что. Теперь слышатся повсюду жалобы, что крестьянская молодежь совсѣмъ сбивается съ толку. Жалобы совершенно справедливы: пьянство и развратъ проникаютъ наконецъ въ такія семьи, въ которыхъ прежде считали срамнымъ и произносить эти слова: даже изъ такихъ семей, — а о другихъ и говорить нечего, мальчишки лѣтъ съ 14—15 начинаютъ уже знакомиться съ шинками, такая туда изъ отцовскихъ домовъ, что только найдется подходящимъ. И это прямая послѣдствія отцовскаго небреженія о разумномъ ученіи дѣтей. Теперь считайте: отецъ пожалѣлъ нѣсколько десятковъ рублей на настоящее ученіе сына; и вотъ онъ, этотъ сынъ, еще изъ мальчишекъ не вышелъ, а уже и потащилъ эти десятки въ шинки, что же дальше-то будетъ? — Извѣстно, и теперь во очю совершается у насъ въ каждой деревнѣ: чѣмъ дальше — тѣмъ больше этотъ сынъ тащитъ изъ отцовскаго дому, пока стащить все,

что только можно; а тамъ въ сосѣдямъ начинаетъ навѣдываться, что лежитъ плохо у нихъ; и въ сосѣднія деревни заглядывать — не стоитъ-ли гдѣ плохо запертою лошадь, и т. д. и т. д. Что же выигралъ отецъ, не захотѣвши выучить, какъ слѣдуетъ сына? — вотъ что: себѣ приготовилъ разорителя; обществу вора, колограда; а пожалуй, можетъ быть даже, что-нибудь, и еще и еще хуже. А еслибъ, пожертвовавши даже послѣднимъ кафтаномъ, онъ приготовилъ изъ своего сына разумнаго и дѣльнаго крестьянина и настоящаго христіанина, — былъ-ли бы онъ въ убыткѣ? — Тутъ ужъ и толковать нечего, — дѣло ясно. И еще въ народѣ-же говорятъ: «безпутному сыну не въ помощь отцовское богатство». А между тѣмъ, жалѣя денегъ на настоящее ученье, сами готовятъ дѣтей своихъ въ безпутные; сами ставятъ ихъ на ту дорогу, гдѣ развѣиваются отцовскія и дѣдовскія стяжанія. Нѣтъ, друзья, не такъ. — «За все имѣніе свое, приобрѣти разумъ» говоритъ мудрый. Чего-бы это ни стоило, во чтобы это ни обошлось, старайтесь сдѣлать дѣтей своихъ разумными; потому что съ разумомъ-то и наживаются имѣнія, и достигается возможное на землѣ благосостояніе.

«Гдѣ деревенскимъ обществамъ взять денегъ, чтобы завести свои училища»? Поискать, такъ найдутся.

Начать съ того, что едва-ли найдется селеніе, въ которомъ бы не было «мірскихъ» денегъ (арендныхъ за землю, за лавки, за рѣчныя мельницы, за перевозки и пр. пр.) Куда-же идутъ эти деньги? — Скрывать, друзья нечего, — все и безъ исключенія на пропой: праздникъ, общественное совѣщаніе, наймъ пастуха, словомъ, какъ сходка — такъ и пьянство. А вѣдь этихъ денегъ, сплошь и рядомъ, селеніе пропиваетъ — 100, 150, 200 и даже за 1000 рублей въ годъ. — А на училища денегъ нѣтъ?!

А праздники-то ваши: вѣдь даже бѣднякъ расходуетъ три-пять рублей на каждый праздникъ; и эта исторія повторяется

два и три раза въ годъ. А и безъ праздниговъ, сколько вадный стаскаетъ въ трактиры и кабаки за всякую поѣздку въ городъ или въ волость?—А на училища денегъ нѣтъ?!

Эхъ, друзья, — зачѣмъ лгать передъ людьми и даже передъ самими собой, что денегъ нѣтъ? — Есть они; да только вотъ куда идутъ. И хоть-бы о томъ подумало православное крестьянство, кого только оно обогащаетъ, стаскивая свои не трудовые (арендные) десятки и сотни рублей, и свои тяжко трудовые рубли, и свой хлѣбъ, и даже свое домашнее имущество? — Именно, ту общественную тлю, которая только и способна пожирать чужой трудъ, высасывать изъ народа самые жизненные его соки. И обогащеніе этой тли, — страшно подумать и сказать, на счетъ гибели собственныхъ дѣтей своихъ!

— «Да не всѣ-же поголовно такъ, — замѣчаете вы; есть, что и не участвуютъ въ такомъ безумномъ расточеніи мірскихъ денегъ». Знаю, слишкомъ хорошо знаю, что есть такіе; что въ иномъ селеніи найдется и нѣсколько такихъ. Но тѣмъ то и грустнѣе видѣть, что они, съ своей стороны, большею частію ничего не дѣлаютъ для спасенія своихъ деревенскихъ обществъ отъ тѣхъ бѣдъ, которыя неминуемо послѣдуютъ за такими вопіющими безпорядками — «Но что-же и дѣлать съ этими буйными горланами, которые сбиваютъ съ толку всякое деревенское общество? — Какъ, что дѣлать? Борьба съ ними, — постоянная и твердая, — вотъ что дѣлать. Не то значить это, чтобы вступать съ ними въ брань и ссоры, — тутъ эти погибельныя личности способны на все; а то, чтобы разумными внушеніями и вліяніями отвлекать отъ нихъ большинство деревенскаго общества, т. е. мало-по-малу отнимать у нихъ ту опору, на которую они и рассчитываютъ, когда горланять, напр., о ведрахъ водки и т. п. — «Но развѣ это легко»? Конечно, не легко. Но и ни какое добро не достается легко; и чѣмъ выше, существеннѣе добро, тѣмъ больше требуется трудовъ, борьбы

и подвиговъ для достиженія его. Спасеніе-же деревенскихъ обществъ отъ той гибели, въ которую такъ неудержимо стремятся они, есть высшее добро, какое только человѣкъ можетъ сдѣлать на землѣ. Можно-ли же тутъ останавливаться за трудностью борьбы и подвиговъ?!